

The background of the cover is a classical painting, likely by Peter Paul Rubens, depicting a woman's hands and feet. The hands are positioned at the top, and the feet are at the bottom, both resting on a rocky surface. The painting is characterized by warm, golden-brown tones and dramatic lighting. In the lower-left corner, there is a cluster of white flowers. A central black rectangular box with a thin yellow border contains the text and a logo.

Серен
КЪРКЕГОР

ДНЕВНИК
ОБОЛЬСТИТЕЛЯ.
АФОРИЗМЫ

Сёрен Кьеркегор

**Дневник обольстителя.
Афоризмы (сборник)**

«Издательство АСТ»

Кьеркегор С.

Дневник обольстителя. Афоризмы (сборник) / С. Кьеркегор —
«Издательство АСТ»,

В книгу известного датского философа и писателя Серена Кьеркегора (1813—1855) вошли его лучшие произведения: роман «Дневник обольстителя», раскрывающий идеальную стратегию любовного соблазнения и подчинения юной девушки, а также знаменитые «Афоризмы».

Содержание

Дневник обольстителя	7
Предыстория	7
4 апреля	14
5 апреля	16
7 апреля	18
9 апреля	20
11 апреля	21
14 апреля	22
20 апреля	23
21 апреля	24
5 мая	25
6 мая	26
12 мая	27
15 мая	28
16 мая	31
19 мая	32
20 мая	33
21 мая	34
22 мая	35
23 мая	36
27 мая	37
30 мая	39
2 июня	40
3 июня	41
5 июня	43
7 июня	44
15 июня	45
19 июня	47
24 июня	49
26 июня	51
30 июня	55
3 июля	57
5 июля	58
10 июля	60
14 июля	61
16 июля	62
18 июля	63
20 июля	65
23 июля	66
27 июля	68
31 июля	69
2 августа	70
3 августа	72
5 августа	73
10 августа	75
12 августа	76

14 августа	77
17 августа	78
19 августа	79
22 августа	81
23 августа	83
24 августа	84
27 августа	85
28 августа	87
30 августа	89
31 августа	91
1 сентября	92
3 сентября	93
4 сентября	94
5 сентября	95
6 сентября	96
8 сентября	97
9 сентября	98
10 сентября	99
11 сентября	100
12 сентября	101
15 сентября	102
16 сентября	103
18 сентября	104
19 сентября	105
20 сентября	106
21 сентября	107
22 сентября	108
23 сентября	109
24 сентября	110
26 сентября	111
28 сентября	113
30 сентября	114
2 октября	115
4 октября	117
5 октября	119
7 октября	120
8 октября	121
9 октября	122
10 октября	123
12 октября	124
14 октября	125
17 октября	127
18 октября	128
19 октября	129
21 октября	130
24 октября	132
25 октября	137
27 октября	139
28 октября	140

29 октября	141
30 октября	142
31 октября	143
2 ноября	144
3 ноября	145
4 ноября	146
6 ноября	147
Афоризмы	148

Серен Кьеркегор

Дневник оболъстителя. Афоризмы

Дневник оболъстителя

*Sua passion' predominante
e la giovin principiante.*

*Преобладающей его страстью
были молоденькие девушки. (итал.).
Don Giovanni, Aria*

Предыстория

Собираясь ради личного своего интереса снять точную копию с бумаг, с которыми я познакомился так неожиданно и которые произвели на меня такое сильное, волнующее впечатление, я не могу отделаться от какого-то невольного смущения и страха. Впечатления первой минуты открытия выступают передо мной с прежней силой. Приятель мой уехал куда-то на несколько дней, оставил, против обыкновения, свой письменный стол открытым, и все, что в нем находилось, было, таким образом, в моем полном распоряжении. Обстоятельство это, конечно, нисколько не оправдывает моего поступка, да и напрасно оправдываться, но я все-таки прибавлю еще, что один из ящичков, полный бумаг, был слегка выдвинут, и в нем на самом верху лежала большая тетрадь в красивом переплете; на верхней корочке переплета был приклеен билетик с надписью, сделанной рукой моего приятеля: *Commentarius regretuus* (Последовательные заметки – *лат.*). Напрасно также с моей стороны оправдывать себя и тем обстоятельством, что книга лежала как раз этой стороной переплета кверху. Ведь если бы меня не соблазнило оригинальное и заманчивое заглавие тетради, я, быть может, и устоял, или, по крайней мере, постарался устоять против искушения ознакомиться с ее содержанием... А заглавие было действительно заманчиво, и не столько само по себе, сколько по сравнению с остальными окружающими бумагами. Стоило мне бросить на них беглый взгляд, и я уже знал, вернее, угадал их содержание: эротические наброски, намеки на различные отношения и, наконец, черновые письма особого рода; несколько позже мне пришлось познакомиться с ними в окончательной, тонко рассчитанной и художественно выполненной небрежной форме. Теперь, когда коварная душа этого безнравственного человека стала для меня уже открытой книгой, мною (если я вновь представлю себя мысленно перед тем раскрытым ящичком) овладевает чувство полицейского, неожиданно обнаружившего приют поддельвателя ассигнаций: отпирая ящички, он находит кучу бумажек – пробы различного шрифта, образчик виньетки, подпись кассира, строки, писанные справа налево... Он сознает, что попал на верный след, и смешанное чувство радости, некоторого страха и, наконец, удивления наполняет его душу. Между мной и полицейским, однако, та разница, что у меня нет ни привычки к подобным открытиям, ни права делать их; я в описываемом случае стоял совершенно на незаконной почве, потому и чувствовал себя несколько иначе: мысли спутались, слова куда-то затерялись. Первое впечатление слишком озадачило меня, а размышление еще не вступило в свои права. Обыкновенно, чем больше развита у человека способность мыслить и соображать, тем быстрее и искуснее мысли его подбираются к предмету, осматривают его со всех сторон и затем вполне им овладевают. Развитое соображение, как паспортист для иностранцев, настолько уже освоилось с

самыми разнообразными, причудливыми типами, что его нелегко поставить в тупик. Как ни развиты, однако, у меня соображение и мышление, признаюсь, что в первую минуту я положительно растерялся и даже побледнел и от неожиданности открытия, и от мысли: а вдруг он сейчас вернется и застанет меня в этом положении, перед раскрытым ящиком?! Да, нечистая совесть может-таки внести в жизнь некоторый интерес и оживление!

Судя по заглавию найденной тетради, я принял было ее за собрание различных эскизов, тем более, что знал, как серьезно относится мой приятель ко всякому предпринятому им литературному труду. Оказалось, что я ошибся, и это был аккуратно веденный дневник. Не зная еще содержания этого дневника и опираясь на свое прежнее знакомство с его автором, я не мог согласиться с заглавием на тетради, – я не находил, чтобы жизнь моего приятеля особенно нуждалась в комментариях, – зато теперь я не могу отрицать, что заглавие было выбрано с большим вкусом. Оно вполне гармонирует с содержанием дневника. Вся жизнь моего приятеля представляла, как оказалось, ряд попыток осуществить свою мечту – жить исключительно эстетической жизнью (и так как у него в высшей степени была развита способность находить интересное в жизни, то он и пользовался ею), а затем поэтически воспроизводить пережитое на бумаге. Строго исторического или просто эпического характера предлагаемый дневник не носит, содержание его скорее условное, чем положительное. Без сомнения, приятель мой записывал события уже после того, как они совершались, иногда, может быть, даже спустя очень долгое время, тем не менее самый рассказ так жив и драматичен, что события как бы совершаются перед нами въявь. Я не думаю, чтобы приятель мой, ведя дневник, имел в виду какую-нибудь постороннюю цель: как в целом, так и в частности, дневник этот не допускает возможности видеть в нем поэму, предназначенную для печати, и, по-видимому, имел для автора исключительно личное значение. Но во всяком случае автор не имел бы причин и бояться издать его: большинство собственных имен, встречающихся в нем, так странны, что невольно является сомнение в их исторической верности. Я имею основание думать, что только первое собственное имя действующих лиц оставалось автором без изменения для того, чтобы сам он впоследствии мог знать о ком идет речь, а всякий посторонний был бы обманут фамилией. Это, заметил я, по крайней мере, относительно Корделии – девушки, на которой сосредоточен главный интерес дневника и которую я знал лично. Настоящая фамилия ее не имела ничего общего с той, которую она носит в дневнике.

Объяснение поэтического характера дневника найти нетрудно. Поэтическая натура моего приятеля была недостаточно богата или, если хотите, недостаточно бедна, чтобы отличить поэзию от действительности. Напротив, он сам вносил поэзию в окружающую его действительность и, насладившись, уносил ее обратно в виде поэтических воспоминаний и размышлений. В этом заключалось для него двойное наслаждение: в первом случае он сам отдавался упоению эстетического, во втором – он эстетически наслаждался своей личностью; в первом – он лично эгоистически наслаждался этой, им же самим опозитизированной действительностью, во втором – личное «я» как бы стусшеывалось: наслаждаясь каким-нибудь положением, он смотрел на себя как-то со стороны и наслаждался видом самого себя в этом положении. Словом, вся жизнь его была рассчитана на одно наслаждение, и хотя в первом случае действительность была для него необходима как повод, момент, во втором – она совершенно исчезала в поэзии. Плодом наслаждения второго рода является, таким образом, сам дневник, а плодом первого – настроение, в котором он велся, объясняющее также его поэтический характер. Именно благодаря этой двойственности, которая проходила через всю жизнь автора, у него и не было недостатка в поэтическом материале.

Мир, в котором мы живем, вмещает в себя еще другой мир, далекий и туманный, находящийся с первым в таком же соотношении, в каком находится с обыкновенной сценической обстановкой – волшебная, изображаемая иногда в театре среди этой обыкновенной, и отделенная от нее тонким облаком флера. Сквозь флер, как сквозь туман, виднеется словно бы

другой мир, воздушный, эфирный, иного качества и состава, нежели действительный. Многие люди, живущие материально в действительном мире, принадлежат, в сущности, не этому миру, а тому, другому. Причиной подобного исчезновения человеческой личности в мире действительности может быть как избыток жизненных сил, так и известная болезненность натуры.

На последнюю причину можно указать, имея в виду моего приятеля, которого я так долго знал, не зная его в сущности. Не принадлежа действительному миру, он тем не менее постоянно вращался в нем, но при этом даже в те минуты, когда почти всецело отдавался ему и телом и душой, оставался как-то вне его, точно скользя лишь по его поверхности. Что же именно влекло его за пределы действительности? Не добро и не зло – последнего я не могу сказать даже теперь. Он просто страдал *exacerbatio cerebri* (помрачение рассудка – *лат.*), и действительность как-то не действовала на него, самое большее – моментально; в ней не находилось достаточно сильных раздражающих стимулов для него, его натура была слишком крепка, но в этой-то излишней крепости и скрывалась его болезнь. Как только действительность теряла свои возбуждающие стимулы, он становился слабым и беспомощным, что и сам сознавал в минуты отрезвления и в чем лежало главное зло.

Героиню дневника, Корделию, я, как уже сказал, знал лично; были ли еще жертвы этого соблазителя, я точно не знаю, но это, пожалуй, можно заключить из дневника, в котором вообще так ярко обрисовывается личность автора. Духовная сторона, преобладающая в его натуре, не допускала его довольствоваться низменной ролью обыкновенного обольстителя: это было бы слишком грубо для его тонко развитой организации; нет, в этой игре он был настоящим виртуозом. Из дневника видно, что конечной целью его настойчивых желаний был иногда только поклон или улыбка, так как в них именно, по его мнению, была особая прелесть данного женского существа. Случалось таким образом, что он увлекал девушку, в сущности совсем не желая обладать ею в прямом смысле этого слова. В таких случаях он продолжал вести свою игру лишь до того момента, когда девушка была, наконец, готова принести ему в жертву все. Видя, что такой момент наступил, он круто обрывал отношения. Благодаря его блестящим дарованиям и почти демоническому умению вести свою игру, подобные победы давались ему очень легко, даже без малейшего шага к интимному сближению с его стороны: ни слова любви, ни признания, не говоря уже о клятвах и обещаниях. Тем не менее, победа была полная, и несчастная страдала тем более, что в своих воспоминаниях она не могла отыскать ни малейшей точки, на которую могла бы опереться. Она как будто попадала в какой-то заколдованный круговорот: бешеный вихрь подхватывал ее мысли, чувства, упреки себе, ему; прощение, надежда, сомнения – все кружилось, путалось в ее мозгу и сердце. Иногда ей казалось даже, что все случившееся с ней было лишь бредом, фантазией – так, в сущности, не действительны были их отношения друг к другу. Она не могла даже облегчить душу, поверить свою тайну кому-нибудь: ей нечего было верить. Сон, мечту можно еще передать другому словами, но случившееся с ней в действительности мгновенно таяло, обращалось в ничто, как только она хотела воплотить его в словах и образах; да, оно исчезло, но в то же время продолжало давить ее тяжким бременем. Горе такой жертвы было не сильным, но естественным горем обманутых и покинутых девушек: она не могла облегчить своего переполненного сердца ни ненавистью, ни прощением. Посторонний глаз не мог уловить в ней никакого видимого изменения, она продолжала жить по-прежнему, доброе имя ее оставалось незапятнанным, но все ее существо как бы перерождалось, непонятно для нее самой, невидимо для других. Ей не нанесено было никакой видимой раны, жизнь ее не была грубо надломлена чужой рукой, но как-то загадочно уходила внутрь, замыкалась в самой себе. Словом, ни следа, ни повода, чтобы кто-нибудь мог увидеть в ней жертву, а в нем обольстителя; в этом отношении он был чист от всяких обвинений. Как уже сказано, он жил слишком отвлеченной жизнью, умом и воображением, чтобы быть обольстителем в обыкновенном смысле этого слова, но ему случалось предаваться и чувственности. Это доказывает его история с Корделией. С ней он является фактическим

обольстителем, но и здесь личное участие его настолько неясно, что никакое доказательство немислимо, и даже сама несчастная девушка иногда как бы сомневается: кто из них виноват? Женщина была для него лишь возбуждающим средством; надобность миновала, и он бросал ее, как дерево сбрасывает с себя отзеленевшую листву: он возрождался – она увядала.

Но что же творилось при этом в его собственной душе? Я думаю, что, запутывая, вводя в заблуждение других, он кончит тем, что запутается окончательно и сам. Ведь если возмутительно направить заблудившегося путника на неверную дорогу и покинуть его там, то во сколько же раз возмутительнее ввести человека в заблуждение уже не относительно внешних явлений, а относительно его самого? Заблудившийся путник имеет по крайней мере надежду как-нибудь выбраться: местность перед ним меняется, и каждое новое изменение порождает новую надежду. Но человек, заблудившийся в самом себе, скоро замечает, что попал в какой-то круговорот, из которого нет выхода; мысли и чувства в нем мешаются, и он в отчаянии перестает, наконец, сам понимать себя. Однако и это все – ничто в сравнении с положением самого хитреца, потерявшего в конце концов нить и запутавшегося в своем собственном лабиринте. Совесть его пробуждается, и он тщетно призывает на помощь свое остроумие. Как поднятая лисица, мечется он в своей норе, ища одного из бесчисленных выходов, оставленных на всякий случай; вот ему мерещится издали луч дневного света, он кидается туда, и что же? Это лишь новый вход! Вместо того чтобы выбраться, он таким образом постоянно возвращается в себя самого. Такого человека нельзя назвать вполне преступным – он сам был обманут своими интригами, но тем ужаснее его наказание. Что значат угрызения совести преступника в сравнении с таким сознательным безумием? Наказание, постигающее его, чисто эстетическое, и выражение «совесть его пробуждается» слишком, если можно так выразиться, «этично», чтобы пояснить его душевное состояние. Чувство, овладевающее им, – не совесть, а скорее нечто вроде высшего, утонченного самосознания, которое в сущности не мучит его обвинениями, но лишь поддерживает его душу в вечно бодрствующем беспокойном состоянии, не давая ему забыться и постоянно побуждая метаться в новых бесплодных поисках. Нельзя также вполне применить сюда выражение «безумие»: вечно сменяющееся богатое разнообразие мыслей не допускает его душу застыть в неподвижной бесконечности безумия.

Но бедная Корделия! Не скоро отдохнет ее измученное сердце в безмолвном покое забвения. Тысячи различных, непрерывно сменяющих друг друга чувств волнуют и терзают ее. Вот она готова успокоиться, забыть, простить своему обольстителю все, но вдруг, как молния, сверкает в ее голове мысль, что не он виноват, а она: ведь она сама возвратила ему кольцо, ее гордость требовала нарушения всяких обязательств! Мучительное раскаяние томит ее, минута – и самообвинение сменяется новым обвинением: это он лукаво вдохнул в нее свой план! О, как она ненавидит его, проклинает! И вслед затем она вновь упрекает себя: разве смеет ненавидеть и проклинать она, сама не менее виновная! Страдания Корделии еще увеличиваются сознанием, что это он пробудил в ней тысячеголосое размышление, развил ее эстетически настолько, что она уже не может больше прислушиваться к одному только голосу, но слышит их все сразу, и они наполняют ее слух, звучат в нем самыми разнообразными тонами и переливами и заполняют ее душу. Вспоминая об этом, она забывает весь его грех и вину, она помнит лишь одни прекрасные мгновения, она упоена этими воспоминаниями. . . В неестественном возбуждении сердца и фантазии она воспроизводит мысленно его внешний образ до того живо, что прозревает и его внутреннее содержание своим, как бы ясновидящим оком. В эти минуты она понимает его в чисто эстетическом смысле, не видя в нем ни преступного, но и ни безукоризненно честного человека. Этот взгляд сквозит и в ее письме ко мне.

«Иногда, – пишет она, – он жил до такой степени отвлеченной жизнью, что становился как бы бесплотным, и я не существовала для него как женщина. Иногда же он был так необузданно страстен, так полон желаний, что я почти трепетала перед ним. То я становилась будто чужой для него, то он весь отдавался мне. Обвивая его руками, я иногда чувствовала вдруг, что

все как-то непонятно изменяется, и – я „обнимаю облако“. Это выражение я знала прежде, чем узнала Йоханнеса, но только он научил меня понимать его тайный смысл. Этого выражения я никогда не забуду, как не забуду и его, – ведь каждая моя мысль дышит им одним. Я всегда любила музыку, – он был чудный инструмент, всегда взволнованный, всегда полный звучания... Но ни один инструмент не обладает таким объемом и богатством звуков, – он вмещал в себя выражение всех чувств, всех настроений. Ничто не казалось ему слишком недосыгаемым, ни перед чем бы он не отступил. В его голосе звучали то порывы урагана, то едва слышный шелест листьев. Ни одно из моих слов не оставалось не услышанным его чуткой душой, но достигали ли они своей цели – я не знаю, потому что никогда не могла уловить, какое именно действие они производили. Упоенная и очарованная, я жадно внимала этой музыке, вызванной мною и, в то же время, вполне произвольной. Ее дивная гармония бесконечно увлекала мою взволнованную душу!..»

Да, для нее последствия были ужасны! Но еще ужаснее будут они когда-нибудь для него: даже меня, лицо совсем постороннее, охватывает невольный трепет, едва я подумаю об этой драме. Я чувствую себя увлеченным в это царство туманной фантазии, в этот призрачный мир, где каждую минуту вздрагиваешь, испуганный собственной тенью. Напрасно стараюсь я оторвать свои мысли от этой таинственной истории, – я продолжаю мысленно следовать за ее развитием, как немой, но грозный свидетель. Да, Йоханнес окутал все глубокой, непроницаемой тайной, но возникла новая тайна, о существовании которой он и не подозревает: именно то, что я приподнял таинственную завесу его тайны, хотя и незаконным путем. Не раз я думал заговорить с ним об этом, но к чему? Он или решительно отказался бы от всего, уверяя, что весь дневник – лишь поэтический набросок, плод его собственной фантазии, или взял бы с меня слово молчать, на что имел полное право, ввиду способа, употребленного мною для раскрытия тайны. Ничто не приносит с собой столько соблазна и проклятий, как тайна!

Я получил от Корделии целую пачку его писем; думаю, однако, что в ней были не все: она сама намекнула мне однажды, что уничтожила некоторые. Я снял с них копии и также внес их в дневник. Мне было довольно трудно разместить их в надлежащем порядке, так как они не помечены числами; впрочем, это все равно ничуть не облегчило бы задачи: в самом дневнике, по мере его развития, все реже и реже встречаются указания на день и число. Указания эти становятся как будто лишними, настолько знаменательным делается само содержание дневника; оно, несмотря на свою фактическую подкладку, становится почти идеей. Несколько помогло же мне то, что я еще раньше заметил в разных местах дневника слова, смысл которых оставался для меня неясным до тех пор, пока я не прочел писем. Последние, как я увидел, представляли собой как бы разработку тех вскользь брошенных слов и намеков, которые оставили мое внимание. Благодаря этому обстоятельству затруднения с размещением писем в дневнике исчезли, и я не впал в ошибки, которые иначе были бы неизбежны, поскольку я не знал, как часто следовали эти письма одно за другим. Оказалось, что иногда Корделия получала их по несколько в один день. Я, конечно, разместил бы их более равномерно, ничего не зная о той страстной энергии, с которой Йоханнес пользовался этим, как и всяким вообще средством, чтобы разжигать чувство Корделии, не давая ей опомниться.

В дневнике, кроме подробной истории отношений с Корделией, встречается также несколько маленьких эпизодов эстетического характера, отмеченных на полях; эти эпизоды, не имеющие никакого отношения к главному предмету повествования, объяснили мне, между прочим, смысл любимого выражения моего приятеля, которое я понимал прежде совсем иначе: «Рыбаку нужно на всякий случай забрасывать маленькие удочки и на сторону». В дневниках прежних лет такие, как он сам называет их, *actions in distans* (воздействия на расстоянии – *лат.*) попадались, наверное, чаще, но здесь он признается, что Корделия слишком овладела его воображением, чтобы оставить ему время хорошенько осматриваться кругом.

Вскоре после своего разрыва с Корделией он получил от нее несколько писем, но возвратил их нераспечатанными. Корделия сама распечатала их и передала мне вместе с полученными от него. Она никогда не говорила со мной об их содержании, но, когда разговор касался ее отношения к Йоханнесу, цитировала обыкновенно маленькое стихотворение, принадлежащее, если не ошибаюсь, Гете, имевшее в ее устах каждый раз новое значение, соответствующее душевному настроению в данную минуту.

Gehe,
Verschmahe
Die Treppe, —
Die Rene
Kommt nach.

Убегай,
Презирай,
Любовь губя, —
Раскаянье
Настигнет тебя (нем.).

Я думаю, что будет нелишним и вполне уместным поместить здесь и ее письма.

* * *

Йоханнес!

Я не называю тебя «мой Йоханнес», я знаю теперь, что ты никогда не принадлежал мне, и я жестоко наказана за то, что осмелилась когда-то лелеять эту мысль в моем сердце... И все же ты мой – мой обольститель, мой враг, мой убийца, мое горе, мое разочарование, мое отчаяние! Повторяю: ты мой, и я твоя! Твоя! Пусть это слово, прежде ласкавшее твою гордость, прозвучит теперь проклятием над твоей головой, вечным проклятием! Не думай, что я стану преследовать тебя, вооружаться кинжалом, чтобы вызвать твои насмешки, нет, беги куда хочешь – я все-таки твоя, люби сотни других – я твоя, даже в смертный час я останусь твоей! Сам язык моего письма к тебе должен доказать тебе, что я – твоя! Ты осмелился обмануть меня своей любовью так, что стал для меня всем, что я сочла бы счастьем быть даже рабыней твоей – и я остаюсь твоей навеки!

Я твоя, твоя, твое проклятие!

Твоя Корделия.

* * *

Йоханнес!

Был богатый человек, у него было очень много мелкого и крупного скота; была бедная девушка, у нее была лишь одна овечка, которая ела из рук и пила из ее чаши. Ты был богатый человек, богатый всеми благами жизни; я была бедная девушка, у меня была лишь любовь моя. Ты взял ее, наслаждался ею... Ты принес в жертву своим страстям единственное, чем владела я; сам ты не пожертвовал ничем! Был богатый человек, у него было очень много мелкого и крупного скота; была бедная девушка, у нее было лишь сердце, полное любви!

Твоя Корделия.

* * *

Йоханнес!

Неужели нет надежды? Неужели твоя любовь ко мне никогда не воскреснет? Ведь я знаю, что ты любил меня когда-то, хотя и не знаю, почему я уверена в этом. Буду ждать, как бы медленно ни тянулось время, буду ждать, ждать... Ты устанешь любить других, и твоя любовь ко мне восстанет из своей могилы, вспыхнет прежним огнем! Как буду я любить тебя, боготворить! Как прежде! Йоханнес, неужели это бессердечное, холодное равнодушие и есть твое истинное существо? Неужели твое богатое сердце, твоя пылкая любовь были лишь ложью? Неужели ты играл только роль, а теперь, теперь – вновь стал самим собою?

Йоханнес, прости, что я все еще люблю тебя. Я знаю, что любовь моя для тебя – бремя, но ведь настанет же опять минута, ты вернешься к твоей Корделии, слушай этот молящий призыв твоей Корделии.

Твоя Корделия.

* * *

Если Корделия и не обладала таким богатством внутреннего содержания, каким она восхищалась в Йоханнесе, то во всяком случае ее душевные струны не лишены были чуткой гармонии. Ее разнообразные переливы ясно звучат в каждом письме, хотя в них и недостает до известной степени ясности изложения.

Особенно это заметно во втором из них, где мысль останавливается, так сказать, на полуслове и где есть что-то недосказанное, а сам смысл скорее угадывается, чем понимается. Но это именно и придает ему, по-моему, такой трогательный оттенок.

4 апреля

Осторожнее, моя прелестная незнакомка! Осторожнее! Выходить из кареты не так-то легко, как кажется, часто это бывает очень даже решительным шагом. Я мог бы указать вам в этом случае на новеллу Тика. В ней рассказывается, как одна отважная дама, слезая с лошади, так запуталась в платье и сделала такой шаг, что он решил все ее будущее. К тому же подножки у кареты устроены так скверно, что волей-неволей приходится отказаться от всякой мысли о грации и рискнуть на отчаянный прыжок прямо в объятия кучера или лакея. Славно живется этим господам! Право, я думаю сыскать себе подобное место в доме, где есть молоденькие барышни; лакей ведь так легко иногда становится поверенным этих очаровательных созданий! Однако, ради бога, не прыгайте, умоляю вас, не прыгайте! А! Вот так, так, это лучше всего, спускайте осторожно ваши ножки и не стесняйтесь приподнять платье: теперь уже сумерки, никто не увидит, и я не помешаю вам; я только встану вон под тем фонарем, вы не увидите меня, а стало быть, вам нечего и стесняться. Стесняешься ведь обыкновенно лишь настолько, насколько бываешь видим, а считаешь себя видимым не в большей степени, чем сам это видишь. Итак, ради слуги, который, пожалуй, не в состоянии выдержать сильного прыжка, ради вашего прелестного платья, изящной кружевной накидки, ради меня самого, наконец, пусть ваша маленькая ножка, стройность которой уже успела восхитить меня, выглянет на белый свет. Положитесь на нее, она наверняка същет себе опору. Не пугайтесь, если вам покажется, что она скользит, спускайте поскорее и другую, вы ничуть не рискуете. Кто же может быть так жесток, что оставит ее в этом опасном положении? Кто не поспешит полюбоваться таким прекрасным явлением и помочь ей? Или вы боитесь, может быть, кого-нибудь постороннего. Ведь не слуги же и не меня, надеюсь. Я уже видел эту очаровательную ножку, и, так как я в некотором роде естествоиспытатель, то на основании положений Кювье вывел известное заключение. Итак, смелее! Право, страх только увеличивает вашу красоту, т. е., собственно говоря, страх красив вовсе не сам по себе, а лишь в соединении с преодолевающей его энергией. Ну вот! Посмотрите, как твердо стоит теперь эта крошечная ножка! Я уже не раз имел случай заметить, что девушки с маленькими ножками держатся тверже и увереннее, чем большеногие. Вот тебе раз! Кто бы это мог подумать? Казалось бы, опыт создал правило, что гораздо безопаснее выходить из кареты медленно и осторожно, чем выпрыгивать: меньше риска разорвать платье – и вдруг?! Да, оказывается, что молодым девушкам вообще опасно ездить в карете – в конце концов, пожалуй, совсем останешься в ней. Делать нечего, кружева ваши испорчены! Что за беда, впрочем, ведь никто ничего не видел. Правда, у фонаря появляется какая-то темная фигура, укутанная до самого подбородка. Свет падает вам прямо в глаза, и вы не можете угадать, откуда она появилась; она равняется с вами в ту минуту, как вы готовы войти в подъезд. Взгляд, брошенный сбоку, как молния, обжигает вас: вы краснеете, грудь ваша волнуется, дыхание прерывается, в глазах мелькает гнев, гордое презрение, слабая мольба, дрожит слезинка, то и другое я могу отнести к себе. И я еще вдобавок настолько жесток, что... Какой номер этого дома? А-а! Это «Базар модных вещей»!

Может быть, это дерзость с моей стороны, очаровательная незнакомка, но я лишь следую за моей путеводной звездочкой. Она уже забыла о своем маленьком приключении, и немудрено: в семнадцать лет каждая безделушка так радуется и приковывает внимание. Она не замечает меня, я стою у другого конца прилавка.

На боковой стене висит зеркало; она о нем не думает, но оно-то о ней думает! Оно схватывает ее образ, как преданный и верный раб, схватывающий малейшее изменение в чертах лица своей госпожи. И, как раб, оно может лишь воспринять, но не обнять ее образ. Бедное зеркало! Оно не может даже ревниво затаить в себе этот образ, спрятать его от глаз света, оно должно выдавать его другим, как вот сейчас мне, например. Что, если бы человек был

так создан? Вот была бы мука! А ведь есть на свете люди без всякого внутреннего содержания, живущие лишь заимствованным у других. Эти люди схватывают лишь внешнее впечатление, а не самую сущность предмета, и при первом же дыхании действительной жизни слабый след этот стирается в их душе, как в зеркале образ нашей красавицы, вздумай она хоть одним дыханием открыть ему свое сердце. Что, если бы внутреннее око человека не обладало даром сохранять впечатления? Ведь тогда, пожалуй, пришлось бы всегда держаться в некотором расстоянии от красоты: внешним своим оком человек не может воспринимать того, что слишком близко к нему, что покоится в его объятиях. К счастью, внутреннему оку не нужно удалять от себя любимый образ, чтобы вновь вызвать его перед собою, даже тогда, когда уста сливаются с устами! Но как она прелестна! Несчастное зеркало! Хорошо, что ревность тебе незнакома. Ее личико строго овальной формы; головка слегка наклонена над прилавком, отчего гордый и чистый лоб без малейшей обрисовки умственных органов кажется выше и больше; темные волны волос легко облегают его. Все личико похоже на спелый персик: полно-округленная линия, прозрачная и бархатистая кожа, – бархатистость ее я ощущаю взглядом. Глаза ее... да, ведь я еще не видал их; они прикрыты шелковыми ресницами, слегка загнутыми на концах. Пусть бережется их стрел всякий, кто захочет встретить ее взор! Чистота и невинность этой наклоненной головки делают ее похожей на Мадонну. Но ее взгляд не выражает сосредоточенного созерцания: роскошь и разнообразие рассматриваемых ею вещей бросают свой отблеск на ее лицо, играя на нем всевозможными оттенками. Вот она снимает перчатку, чтобы показать зеркалу – и мне – свою ручку античной формы и снежной белизны. На ней нет никаких украшений, даже гладкого золотого кольца на четвертом пальце – браво! Она поднимает глаза... Как изменилось ее лицо! И тем не менее оно то же, что и прежде, только лоб стал как будто не так высок, овал лица не так правилен, зато в выражении появилось больше жизни. Она очень живо и весело болтает с приказчиком. Вот она выбрала одну, две, три вещи, берет четвертую, рассматривает ее. А! она опять опустила глаза, спрашивает о цене, осторожно кладет вещь на прилавок и прикрывает ее перчаткой. Это уже пахнет секретом! Подарок кому-нибудь, другу сердца? Но ведь она еще не обручена! Увы! Есть много необрученных и все ж имеющих друзей сердца! Не оставить ли ее в покое? Зачем мешать невинному удовольствию? Барышня собирается платить, но, оказывается, она забыла кошелек! Вот теперь она, вероятно, говорит свой адрес, но я не хочу подслушивать: зачем лишать себя удовольствия нечаянной встречи? Уж когда-нибудь я встречу ее и, конечно, сразу узнаю. Она меня, вероятно, тоже: мой взгляд не скоро забудешь. А может быть, я и сам буду застигнут врасплох этой встречей. Ничего, потом наступит ее очередь! Если же она не узнает меня – я сразу замечу это и найду случай опять обжечь ее таким же взглядом, тогда ручаюсь, что вспомнит! Только больше терпения, не надо жадничать – наслаждение следует глотать по капелькам. Красавица отмечена и не уйдет.

5 апреля

Вот это мне нравится! Одна, вечером на Эстергаде! Не беспокойтесь, впрочем, я не такого дурного мнения о вас и совсем не думаю, что вы пустились гулять одна-одинешенька. Да и не настолько я неопытен, чтобы при обозрении поля действия мне сразу не бросилась в глаза эта солидная фигура в темной ливрее, так важно шагающая в некотором отдалении от вас. Но зачем же вы так спешите? Разумеется, не затем, чтобы вернуться домой поскорее; вернее, что этот усиленный темп сердца и ножек происходит от нетерпеливого волнения и какого-то сладкого трепета, охватывающего вас. Ах, как приятно гулять так одной, с лакеем позади! Да, нам шестнадцать лет, мы довольно начитаны... романами. Случайно проходя мимо комнаты братьев, мы поймали заманчивое словечко об Эстергаде. Потом мы шмыгнули несколько раз уже нарочно, чтобы узнать побольше, – не удалось! А ведь надо же в самом деле такой большой, совсем взрослой девушке набраться более обстоятельных сведений о том, что делается на белом свете! Вот если бы уйти из дома одной, без этого лакея позади! Куда? Что скажут папаша с мамашей? Хоть бы уж с лакеем! Да и то, какой предлог придумать для такой прогулки? Так трудно сообразиться со временем! Когда идешь в гости – это чересчур рано, ведь товарищ брата Августа сказал, что всего интереснее бывает часов в десять, одиннадцать... Когда же возвращаешься назад – поздно, да еще всегда навяжут тебе в провожатые какого-нибудь кавалера! Вот в четверг вечером, когда едешь из театра, было бы очень удобно, но опять беда: сидишь в карете с тетей и полдюжиной кузин! Вот если бы ехать одной, тогда стоит только спустить стекло – и любуйся сколько хочешь. Но *ouneverhofft kommt oft* (чего не чаешь – то получаешь – нем.). Сегодня мама сказала: «Ты, наверное, не завершишь своего подарка к рождению папы, ступай-ка к тете, там тебе никто не мешает работать. Оставайся там пить чай, а после я пришло за тобой Ганса». Собственно говоря, проскучать целый вечер у тети не особенно приятная перспектива, но зато оттуда пойдешь одна, только с лакеем! Он придет немного рано, и ему придется подождать; не раньше десяти часов, тогда – марш! Вот забавно было бы встретить теперь милейшего братца или господина Августа! Нет, лучше не надо! Пожалуй, вздумали бы еще провожать, благодарю покорно! Вот если бы так случилось, что я бы их видела, а они меня нет! Теперь вы озираетесь кругом, моя маленькая плутовка. А что вы видите, позвольте спросить, или что вижу я, по-вашему? Во-первых, я вижу на вашей головке маленькую шапочку, которая идет вам как нельзя больше, она вполне гармонирует с вашей шаловливой резвостью. Это, в сущности, не шляпка, а что-то вроде капора. Но вы ведь, разумеется, не надели его утром, отправляясь к тете. Вероятно, его принес с собой лакей или одолжила тетя? А может быть, мы тут инкогнито? Вы очень предусмотрительно приподняли свою вуаль, иначе ведь немного сделаешь наблюдений. Впрочем, в темноте трудно решить: вуаль это или просто широкая блонда, во всяком случае, она прикрывает лишь верхнюю часть лица. Гм! Посмотрим хорошенько. Подбородок очень изящный, немного острый, ротик маленький, полуоткрытый, это – от ускоренной ходьбы. Зубки белы и блестящи, как жемчужины. Так и следует: зубы – предмет первостепенной важности. Это «*sauve garde*» (телохранитель – фр.), укрывающийся за соблазнительной мягкостью пунцовых губок. На щеках цветут розы. И – да, мы недурны! А что, если я слегка наклоню голову и загляну под вуаль: берегись, дитя мое, такой взгляд, брошенный снизу, опаснее, чем «*gerade aus*» в фехтовании (а какое же оружие может блеснуть так внезапно и затем пронзить насквозь, как глаз), – маркируешь, как говорится, *in quarto*, и выпадаешь *in secondo*. Славная это минута! Противник, затаив дыхание, ждет удара... Раз! он нанесен, но совсем не туда, где его ожидали! А она продолжает себе шагать вперед без страха и упрека! Но берегитесь! Вот там идет кто-то, опустите скорее вуаль, не давайте его профанирующему взгляду осквернить вас, вы себе представить не можете, что могло бы из этого выйти, вы долго бы, пожалуй, не забыли неприятного содрогания, которое

невольно почувствовали бы при этом взгляде. Но вы ничего не замечаете, а он уже наметил план действий. Лакей избран ближайшей жертвой. Трах! Ну вот вам и гуляйте вперед одна с лакеем! Лакей ваш упал. Положим, это смешно, но все-таки, что же вам делать теперь? Вернуться, помочь ему – нельзя; идти с запачканным лакеем – и неприятно, и неловко; идти одной – как-то странно. Теперь остерегайтесь – минута наступает, чудовище приближается к вам. Вы не отвечаете мне? Полноте, посмотрите же на меня, разве моя наружность внушает вам какое-либо опасение? Кажется, она не из таких, которые могут произвести особенное впечатление; на вид я добродушнейший человек в мире, не имеющий ничего общего с уличными героями. Ни одного неосторожного слова о неприятном приключении, ни одного резкого неделикатного движения. Но вы все еще немного испуганы, вы еще не забыли, как внезапно появилась подле вас эта таинственная фигура. Но вот мало-помалу вы начинаете немножко располагаться в мою пользу: моя неловкость и застенчивость, мешающая мне даже взглянуть на вас, дают вам некоторый перевес надо мной. Это радует и успокаивает вас. Пожалуй, вы не прочь даже слегка позабавиться моим смущением. Я готов пари держать, что вы взяли бы меня под руку, если бы догадались только. А, так вы живете здесь, в Стормгаде? Вы прощаетесь со мной коротким, церемонным поклоном. Разве только такую благодарность заслужил я за свою рыцарскую услугу? Но вы раскаялись, вернулись, подаете мне руку. Что же? Вы побледнели? Разве мой тон не по-прежнему почтителен, осанка не так же прилична, взгляд не довольно скромно? А-а! пожатие руки? Да разве оно может что-нибудь означать? А как вы думаете? Даже очень много, моя милая! Не пройдет и двух недель, как я буду иметь честь объяснить вам это, а до тех пор оставайтесь в недоумении. Да, я, добродушнейший на вид господин, так вежливо и скромно проводивший барышню до дома, могу пожать ей руку далеко не добродушным образом!

7 апреля

Итак, в понедельник, в час дня, на выставке. Прекрасно! Будем иметь честь явиться к часу без четверти. Маленькое свидание. В субботу я узнал, что мой старый приятель Адольф Брун, бывший очень долго в отсутствии, наконец, вернулся. Мне сказали, что он живет теперь в Вестергаде, дом такой-то, и я немедленно отправился его отыскивать. Я обшарил весь дом, взбирался по лестницам во все этажи, но его сыскать не удалось. Наконец, потеряв всякую надежду, я уже намеревался спуститься вниз, как вдруг слух мой был приятно поражен тихим мелодичным женским голосом: «Итак, в понедельник, в час дня, на выставке; в это время как раз никого не будет дома, и я могу уйти». Разумеется, приглашение это относилось не ко мне, а к молодому человеку, который – раз, два, три – и выскочил за дверь так быстро, что не только ноги, но и глаза мои не могли догнать его. Ну, домик! Нечего сказать! Хоть бы газ горел на лестнице – я бы, по крайней мере, мог увидеть, стоит ли быть таким аккуратным! Впрочем, будь здесь газ, я бы, пожалуй, ничего не услышал. Все существующее разумно; я был и буду оптимистом!

Однако, как же я ее узнаю? На выставке ведь тысячи молоденьких девушек. Сяду тут в первой комнате, напротив входа. Теперь ровно три четверти первого. Таинственная героиня! Желаю вам, чтобы ваш избранник был во всех отношениях так же аккуратен, как ваш покорный слуга. Впрочем, может быть, вы сами не пожелали бы этого: ведь он, пожалуй, мог бы попасть иногда в не совсем урочный час? Как вам угодно, я ничего против этого не имею. Очаровательная волшебница, фея или ведьма, – пусть рассеется туман твоих чар! Ты, верно, уже здесь, но пока еще невидима для меня. Явись же мне, откройся сама, иначе какое чудо может мне указать тебя? А может статься, тут не она одна. Кто знает, сколько еще девушек забрались сюда с таким же прекрасным намерением? Намерения человека вообще трудно предвидеть, даже когда он идет на выставку! Вот у дверей появляется молодая девушка. Господи, как она стремительно бежит! Точно дурная совесть за грешником! Она забывает даже вручить входной билет. Контролер останавливает ее. И что у нее за спешка? Это, наверное, она! К чему такая неумеренная горячность? Ведь еще рано. Подумайте: вас ожидает свидание с любимым человеком, разве не нужно в таком случае обратить внимание на свою наружность? Увы! Готовясь к «свиданию», такие молоденькие пылкие девушки всегда порют горячку. Она совсем растерялась. А я себе преспокойно восседаю на кресле и люблюсь чудным деревенским видом. Экий бесенок! Так и летит через все комнаты. Не мешало бы хоть немного сдержать свои страстные порывы.

Ну прилично ли молодой девушке так спешить на свидание? Впрочем, наше свидание из невинных. Вообще, по мнению влюбленных, свидание – самая прекрасная минута. Мне самому так ярко и живо, как будто все случилось только вчера, припоминается, с какими чувствами я мчался впервые на условленное место. Сладкое нетерпение и ожидание не изведенного еще блаженства волновали сердце. Я подал сигнал – распахнулось окно, открылась невидимой рукой девушки калитка, и я впервые укрыл возлюбленную моим плащом в светлую лунную ночь! Но во всем этом играет, конечно, большую роль иллюзия. Посторонний же наблюдатель не всегда найдет, что влюбленные представляют в эту минуту приятное зрелище. Я сам не раз бывал свидетелем таких свиданий, когда девушка очень мила, мужчина красив – и все-таки получается крайне неприятное впечатление; сами-то влюбленные, впрочем, находили, вероятно, свое свидание прекрасным. Нет, вот когда приобретешь некоторую опытность в делах подобного рода, тогда действительно дело пойдет куда лучше: хотя сладкий трепет нетерпеливого желания и будет уже утрачен, зато сумеешь сделать минуту действительно прекрасной. Мне всегда ужасно досадно видеть мужчину, которого во время свидания трясет лихорадка любви. Ну что смыслит мужик в ананасах? Вместо того чтобы вполне хлад-

нокровно наслаждаться ее волнением, любоваться, как оно вспыхивает на ее лице и увеличивает ее красоту, он сам путается в каком-то неловком замешательстве и, вернувшись домой, воображает, что это было нечто восхитительное. Да где же он застрял, наконец, черт бы его побрал! Ведь уж второй час! Нечего сказать, милый народец эти избранники сердца! Экий негодяй, заставляет такую прелестную девушку дожидаться! В таком случае, я куда надежнее! Теперь, пожалуй, как раз время заговорить с ней – она уже в пятый раз проходит мимо меня. «Извините, пожалуйста, mademoiselle, но вы, вероятно, ищете здесь своих знакомых? Вы уже несколько раз прошли мимо меня, но я заметил, что вы постоянно останавливались в предпоследней комнате. Вы, вероятно, не знаете, что там есть еще одна? Может быть, там вы найдете, кого ищете?» Она очень мило кланяется мне. Случай положительно мне благоприятствует. В мутной воде рыбка ловится лучше всего: когда девушка взволнована, можно рискнуть на многое и с успехом. Я отвечаю на ее поклон возможно вежливее и скромнее и продолжаю сидеть, любуясь своим видом, но не выпуская из виду и ее. Следовать за ней сейчас же было бы опрометчиво. Она могла бы счесть это за навязчивость, и тогда – пиши пропало! Теперь же я на хорошем счету, мое вежливое внимание наверняка подействовало на нее. Пусть прогуляется в последнюю комнату, там нет никого, это я отлично знаю. Уединение будет для нее кстати – среди шумной толпы она чересчур волнуется, а оставшись одна, успокоится. Спустя некоторое время я зайду туда, en passant. Я имею право заговорить с ней еще раз: она у меня в долгу, за ней еще «спасибо». Она сидит. Бедняжка! Какая она грустная, на ресницах дрожат слезинки. Заставить девушку плакать! Возмутительно! Но будь спокойна, я отомщу за тебя; он узнает, что значит заставлять себя ждать. Какая она хорошенькая теперь, когда встречные ветры сомнения и надежды улеглись в ее взволнованной душе. Она притихла. Все существо ее дышит тихой грустью. Прелестное дитя! Она было надела дорожное платье, отправляясь в поиски радости, и вот это платье служит теперь символом печали – радость скрылась от нее! Она как будто навеки простилась с любимым человеком. Бог с ним! Все идет прекрасно, минута самая подходящая. Я сделаю вид, будто предполагаю, что она искала своих родных или знакомых. Надо, чтобы каждое слово дышало теплым участием и гармонировало с ее настроением – так мне удастся вкрасться к ней в доверие. Ах, черт его побери! Он тут как тут! Экий увалень! Я только что подготовил почву, как следует. Ну, кое-что я все-таки извлеку из всего этого! Мне ведь нужно было лишь слегка коснуться сферы их отношений, потом уж я сумею пробраться в середину и занять там свое место. Встретясь со мной впоследствии, она невольно улыбнется – как же, ведь я вообразил, что она искала своих знакомых, тогда как... Улыбка эта сделает меня в некотором роде участником ее тайны, а этим нельзя пренебречь. Спасибо, дитя мое, улыбка твоя для меня дороже, чем ты думаешь: она уже начало, а начало труднее всего. Теперь мы немного знакомы, и знакомство это основано на пикантной встрече. С меня довольно пока! Вы не останетесь здесь больше часу, а часа через два я буду знать, кто вы, иначе для чего же существуют домовые книги?

9 апреля

Разве я ослеп? Внутреннее око души моей потеряло свою силу? Я видел ее, образ ее сверкнул передо мной, как метеор, и исчез. Все силы души моей сомкнулись в страстном напряжении, но они бессильны вновь вызвать этот дивный образ. Если когда-нибудь я встречу ее – мой глаз найдет ее и среди тысяч! Но теперь она исчезла и мой внутренний взор напрасно стремится догнать ее своим пламенным желанием. Я гулял по Langelinie, не обращая ни малейшего внимания на окружающее, но мой зоркий глаз не пропускал ничего. Вдруг взор мой упал на нее. Он впился в нее, остановился неподвижно, не повинуюсь больше воле своего господина. Напрасно хотел я заставить его рассмотреть чудное явление, он смотрел и – не видел ничего. Как фехтовальщик, бросившийся вперед с поднятым оружием и окаменевший в этом положении, взор мой замер на одной точке. Я не мог ни опустить, ни поднять, ни обратить его вовнутрь, я не видел ничего потому, что слишком пристально смотрел. Единственное воспоминание, унесенное моим взором, – ее голубая накидка; вот что называется «поймать облако вместо Юноны». Она ускользнула от меня, как Иосиф от жены Потифара, оставляя мне лишь накидку! С ней шла какая-то старуха, вероятно мать. Эту старуху я могу описать с головы до пят, хотя вовсе не смотрел на нее, а лишь случайно скользнул по ней взглядом. Так всегда бывает: девушка произвела на меня сильное впечатление – и я забыл ее; старуха ни малейшего – ее я помню.

11 апреля

Душа моя все бьется в той же путанице противоречий. Я хорошо знаю, что я видел, но знаю также, что я забыл виденное. Остаток воспоминания не служит для меня отрадой, а лишь воспламеняет жгучую боль желания. Мое сердце, моя душа требуют этого образа, требуют с таким необузданно-страстным порывом, точно вся моя жизнь поставлена тут на карту. Но он не является! Я готов вырвать свои глаза за их забывчивость! Лишь в те минуты, когда в обессиленной страстным возбуждением душе воцаряется, наконец, тишина – воспоминание и воображение набрасывают мне какие-то едва уловимые очертания, но они не воплощаются в образ. Они бледнеют и расплываются, едва я захочу перенести их на фон действительности. Они, как узор тончайшей ткани, более светлый, чем фон, невидимы отдельно – для этого они слишком эфирны и светлы. Странное вообще душевное состояние я переживаю, но в то же время и приятное: оно приятно и само по себе, и потому, что дает мне радостную уверенность в том, что я еще сохранил свежесть и молодость души и сердца. В последнем меня убеждает также и то, что я всегда ищу свою добычу среди молодых девушек, а не женщин. В замужней женщине меньше естественной непосредственности, больше кокетства; отношения к ней ни прекрасны, ни интересны, а лишь пикантны. Пикантность же, как известно, всегда – последний ресурс. Да, не думал я, что вновь буду переживать первую любовь девственно-нетронутого сердца, вновь утопать в море сладких восторгов и поэтических грез этой любви! Да, я, как говорят пловцы, получил «старика». Тем лучше, тем больше обещают мне наши будущие отношения!

14 апреля

Едва узнаю себя. В моей взволнованной, как море, душе бушует буря страсти. Если бы кто-нибудь мог видеть мое сердце, взлетевшее, как легкий челнок, на самую вершину водяного хребта и готовое низвергнуться с нее в бездну, то подумал бы: еще минута, и пучина поглотит его. Но он не увидит, что на самом верху мачты сидит одинокий матрос на вахте. Бушуйте же, дикие силы, вздымайтесь мощные волны страсти, бросайте пену к облакам – вы не в силах сомкнуться над моей головой! Я сижу гордо и спокойно, как горный дух на вздыбленной скале! Я не могу найти точки опоры в моей душе, как чайка, вьющаяся над пенящейся поверхностью моря. Но такое волнение – моя стихия, я созидаю на ней свои планы, как *Alcedo ispida* вьет гнездо на волнах морских. Индейские петухи взъерошиваются при виде красного цвета, я – при виде голубого. Но глаза мои часто вводят меня в горький обман: надежды терпят иногда крушение на голубом мундире жандарма.

20 апреля

Надо обладать терпением и покоряться обстоятельствам – это главные условия успеха в погоне за наслаждением. По всей вероятности, я не скоро добьюсь свидания с девушкой, наполняющей все мои помыслы до такой степени, что тоска о ней не ослабевает со временем, а находит себе все новую и новую пищу. Буду тихо и спокойно выжидать. Чувство такого смутно-неопределенного, но сильного волнения не лишено своего рода очарования. Я всегда любил в тихую лунную ночь лежать в лодке на одном из наших чудных озер. Спустишь паруса, сложишь весла, снимешь руль, ложишься во всю длину на дно лодки и устремляешь взор в необъятную синеву неба. Волны слегка качают лодку на груди своей, быстро несутся облака, гонимые ветром, серебристая луна то исчезает за ними на мгновение, то выплывает вновь, мир и тишина воцаряются в моей душе. Волны баюкают меня; плеск их – монотонная колыбельная песня; быстрый полет облаков, игра света и тени уносят меня далеко от действительного мира, и я грежу наяву. Так и теперь: сяду я в челнок ожидания, спущу паруса, сложу весла, тоска и нетерпеливое ожидание будут качать меня все тише и тише и убаюкают, как дитя. Надо мной необъятный свод неба – надежды, ее образ пронесется перед моим взором, как поминутно исчезающий образ луны. Какое наслаждение колыхаться на легкой зыби озера, какое наслаждение нежиться так в самом себе!

21 апреля

Дни проходят, а я все так же не близок к цели! Никогда еще молодые девушки не манили меня так, как теперь, и тем не менее я не увлекаюсь ими. Я ищу повсюду ее! Ее одну я ищу! Мои глаза застланы туманом для всякой другой красоты, я потерял верность оценки, жажда наслаждений угасла в моем сердце!

А ведь скоро уже закипит уличная жизнь, оживятся сады и бульвары – наступит то прекрасное счастливое время года, когда я обыкновенно спешу заручиться маленькими залогами побед для будущего или, выражаясь аллегорически, приобрести маленькие векселя на прекрасных барышень. Зимой, в обществе, они дорого расплачиваются по ним. Молодая девушка может забыть многое, но только не интересное приключение на прогулке! Положим, встречаться с прекрасным полом приходится и в салонах, но это не совсем удобная арена для завязки известных отношений. В обществе девушка является во всеоружии: все ей здесь знакомо, привычно, сама сфера отношений так узка, стара, избита, что трудно рассчитывать на какое-нибудь сильное, волнующее впечатление. На улице же она – в открытом море; неожиданность придает всякому приключению какой-то особый загадочный смысл, и впечатление усиливается. Я дам сто золотых за одну улыбку девушки при уличной встрече и не дам десяти за пожатие ей руки в обществе! Это – две совершенно различные ценности. Раз же уличная завязка удалась – остается только отыскать кого нужно в обществе, и тут-то начинается настоящее! Между мной и имярек существует уже некоторая таинственная связь, и это действует на девушку самым возбуждающим образом. Она чувствует эту связь тем сильнее, что не смеет заговорить о нашей встрече! Она теряется в догадках: забыл ли я сам о ней или еще помню. Словом, она волнуется, а вы искусственно поддерживаете в ней это волнение, вводя ее в заблуждение различными маневрами. Но в это лето мне вряд ли удастся обеспечить себя векселями – моя таинственная красавица, исчезнувшая как сон, совсем овладела моим воображением. Ну, что ж: пусть сбор мой будет беден – в известном смысле у меня в перспективе главный выигрыш!

5 мая

Проклятый случай! Никогда еще не приходилось мне проклинать тебя за то, что ты явился, – проклиная тебя теперь за то, что ты совсем не являешься! Что это, новая проделка с твоей стороны, непостижимое явление, бесплодная мать всего, единственное воспоминание, дошедшее от того времени, когда необходимость породила свободу действий, а свобода позволила обмануть себя и вновь упрятать в чрево матери?

Проклятый случай! Ведь ты мой единственный друг, единственное, что я считаю достойным быть моим союзником или врагом: ты всегда остаешься верным самому себе в своей капризной изменчивости, всегда одинаково непостижим, всегда загадочен. Я воплотил твой образ в себе, зачем же ты не являешься своему живому воплощению?

Я не прошу у тебя милостыни, не умоляю смиренно – такое идолопоклонство недостойно меня и неудобно тебе, нет, я вызываю тебя на борьбу: зачем ты не являешься? Разве вечно движущийся принцип мира остановился? Разве загадка твоя решена, и ты канул в вечность?

Ужасная мысль! Значит, вся жизнь остановилась от скуки! Нет, я жду тебя, жду, проклятый случай! Я не хочу победить тебя принципами, или, как выражаются эти жалкие люди, характером – нет, я хочу поэтически воссоздать тебя! Я не хочу быть поэтом для других, но явись ты – и я создам целую поэму, и сам же поглощу ее, она насытит мой голод. Ты должен явиться! Или ты считаешь меня недостойным? Как баядерка кружится в сладострастной пляске в честь божества, так я всецело посвятил себя твоему служению! Как ты, легкий, гибкий, ничем не вооруженный, я отказываюсь от всего, у меня нет ничего, я не хочу владеть ничем, ничего не люблю, мне нечего терять – что ж, разве я не достоин тебя? Ведь не может же быть, чтобы тебе не надоело еще отнимать у людей желаемое, не надоели их трусливые вздохи и мольбы? Я не хочу никаких предупреждений – явись неожиданно, застань врасплох, я готов! Не надо никакой ставки, будем бороться из чести! Покажи мне только ее, дай возможность приблизиться к ней! Пусть возможность эта будет почти невозможной, пусть она явится мне в тених преисподней – я достану ее; пусть она ненавидит меня, презирает, пусть будет ко мне равнодушна, любит другого – я не боюсь ничего! Но взволнуй же эту стоячую воду, прерви молчание! Это просто низко с твоей стороны морить меня голодом – ведь все-таки ты воображаешь, что сильнее меня!

6 мая

Настала весна, все распускается, цветет, и молодые девушки тоже. Пальто и накидки сброшены, наверно, сброшена и моя голубая! Я так и не видал ее больше. Да, вот что значит встретить девушку на улице, а не в обществе, где сейчас же узнаешь, кто она, где живет, как зовут и не помолвлена ли она. Последнее свидание имеет огромную важность в глазах всех смиренных и прямолинейных женихов. Сохрани Боже влюбиться в невесту другого! Такой смиренный потерял бы голову, будь он на моем месте. Но что случилось бы с ним, если бы его напряженные поиски увенчались наконец успехом, с придачей ошеломляющей новости: она – невеста! Мне же до этого мало горя: жених, на мой взгляд, лишь комическое препятствие, а я не боюсь ни комических, ни трагических и избегаю лишь скучных.

До сих пор, однако, я не добился ни малейшего сведения о ней, хотя и перепробовал все средства. Не раз при этом вспоминались мне глубоко правдивые слова поэта.

* * *

Может быть, она вовсе и не живет здесь в городе, может быть, она из окрестностей, может быть, может быть. Я готов с ума сойти от всех этих «может быть», но чем больше я беснуюсь, тем больше их является. Напрасно я постоянно ношу с собой деньги на случай внезапной поездки, напрасно ищу ее на балах, на гуляньях, в театрах, концертах. Положим, неудачи эти отчасти даже радуют меня: девушку, чересчур занятую подобными развлечениями, не стоит и завоевывать: в большинстве случаев ей недостает врожденной естественности, а последняя всегда была и будет для меня *conditio sine qua non*. Прециозы не так редки среди цыган, как на светском базаре, где продают себя молодые девушки, конечно, сами того не сознавая.

12 мая

Дитя мое, зачем вы не оставались спокойно под воротами?

Решительно нет ничего дурного, если молодая девушка укроется от дождя под воротами. Я и сам всегда делаю так, если у меня нет с собой зонтика, – иногда, впрочем, если и есть, как вот теперь, например. Кроме того, я могу назвать вам многих очень и очень почтенных и солидных дам, которые ничуть не поколебались бы сделать на вашем месте тоже самое; и в самом деле, что тут дурного? Становишься под воротами совершенно спокойно, спиной к улице, прохожие не могут даже знать, стоишь ли ты или собираешься войти в дом. Но крайне неосторожно спрятаться под воротами, наполовину отворенными; это, как вы увидите, не проходит даром! Согласитесь сами, что, чем больше стараешься спрятаться, тем неприятнее, если тебя откроют в твоём убежище. Нет, если вы действительно хотите спрятаться от дождя, то следует стоять смиренно, отдавшись под защиту своего доброго гения и всех ангелов-хранителей. Особенно же ни под каким видом не следует выглядывать из ворот – смотреть дождик! Если же непременно хотите, то нужно сделать твердый, решительный шаг за ворота и серьезно посмотреть на небо. А если вы этак полулюбопытно, полужастенчиво слегка высовываете голову и затем быстро прячете ее назад, то всякий ребенок скажет вам, что вы играете в прятки! И я, вообще всегда готовый откликнуться, разве я могу в таком случае удержаться и не отозваться на этот призыв? Бога ради, не думайте, что я дурного мнения о вас, нет, я отлично знаю, что ваше любопытство совершенно невинное, но прошу вас, в свою очередь, не оскорблять и меня, думая обо мне дурно, – этого не потерпит мое доброе имя! Кроме того, вы подали повод, и я серьезно советую вам никому не рассказывать об этом маленьком приключении; вина на вашей стороне. А я? Что же дурного намереваюсь я сделать? Ничего, кроме того, что обязан сделать на моем месте всякий вежливый кавалер – предложить вам свой зонтик! Куда же она делась? Недурно! Она спряталась в дверь привратника! Экая славная шалунья! Может быть, я могу получить здесь свидание с некой молодой особой, которая только что выглядывала тут из ворот, вероятно, нуждаясь в зонтике? Я и мой зонтик к ее услугам! Вы смеетесь? Может быть вы позволите прислать за ним моего лакея? Не прикажете ли достать вам экипаж? Не стоит благодарности – это лишь долг вежливости. Давно не видал я такой веселенькой девушки! Взгляд ее так детски открыт и смел, манеры непринужденны, но вполне приличны. А любопытна-таки! Ступай с миром, дитя! Да, не замешайся тут голубая накидка, я, пожалуй, не прочь был бы познакомиться поближе! Вон она заворачивает за угол. Какое невинное, доверчивое создание! Ни капельки жеманства, идет себе так легко, свободно, так бойко вскидывает головку – гм, голубая накидка требует-таки самоотвержения!

15 мая

Спасибо, добрый случай, спасибо! Я видел ее! Она стройна, как горная сосна, высоко поднимающая от земли свой одинокий ствол! Все ее существо – один гордый взмах мысли к небу, загадочный для других и для нее самой, таинственное целое, не имеющее отдельных частей! Бук увенчан густой, зеленой шапкой, листья его шепчутся между собой и рассказывают о том, что происходит в их тени, – у сосны же нет шапки, нет рассказов, она сама для себя загадка. Такова и она. Она была полна какой-то тихой грусти, тихой, как воркование лесного голубя, глубокой, смутной тоски о чем-то неизвестном, неизведанном. Она скрывала загадку и разгадку ее в себе самой, скрывала в себе тайну, перед которой ничто все тайны дипломатии, узел таинственно сплетающихся, загадочных чувств и дум. Что в мире прекраснее слова, которое развяжет его? И как характерно самое выражение «развязать», какой глубокий двойной смысл кроется в нем! Богатство души – таинственный узел, пока не развяжет его язык, тогда и загадка решена; молодая девушка в этом смысле тоже загадка. Спасибо, добрый случай, спасибо! Если бы мне пришлось увидеть ее зимой, она, пожалуй, была бы закутана в свою голубую накидку, суровость природы наложила бы свою печать на ее лицо, омрачив его красоту.

Теперь же – какое счастье! – я увидел ее весной, при свете заходящего солнца. Зима имеет, впрочем, свои преимущества. Залитая огнями бальная зала – блестящий фон для молодой девушки в бальном наряде; но в большинстве случаев она все-таки теряет здесь часть своей прелести, именно потому, что все как будто заставляет ее быть прелестной. Во всей обстановке чувствуется нечто театральное, и это вызывает досадное чувство, мешающее полному наслаждению. В другое время и я не откажусь от бальной залы с ее дорогой роскошью, блеском молодости и красоты и разнообразной игрой впечатлений – хотя тут и нет места для наслаждения, в строгом смысле этого слова, зато мысль положительно утопает в возможности наслаждений. Тут не пленит тебя одна отдельная красота, но общая гармония ее пронесится перед тобой, как в волшебном сновидении: все эти прекрасные женские существа сплетаются в самые причудливые хоромы, скользят, движутся, ищут чего-то, хотят воплотиться в одну воздушную, призрачную картину.

Я встретил ее за городом, в аллее, между Северными и Восточными воротами, около семи часов вечера. Солнце уже погасло, оставляя на ландшафте слабый, как воспоминание, мягкий отблеск своих лучей. Природа дышала свободнее; зеркальная поверхность озера была неподвижна. Хорошенькие домики набережной купали свои изображения в темной, как свинец, воде. Синее небо было ясно и чисто, лишь изредка по нему скользили маленькие, легкие облачка, отражавшиеся в озере. В воздухе царил тишина, ни один листочек не колыбался. И – я увидел ее! На этот раз взор мой не обманул меня, как не раз обманывала меня голубая накидка. Я давно старался подготовить себя к внезапной встрече, и все-таки от волнения у меня почти захватило дыхание, сердце то стучало, словно у самого уха, то вдруг совсем заморгло, как то близкая, то далекая, едва слышная песня жаворонка, то спускающегося, то вновь поднимающегося над окрестными полями. Она была одна. Я опять забыл, как она была одета, но образ ее ярко запечатлелся в моей памяти. Она была одна и погружена в самое себя, но занята, очевидно, не собой, а своими мыслями. Особенно серьезной умственной работы ее черты не выражали, но тихое брожение мысли ткало в ее душе туманную картину желаний, смутных и необъяснимых, как и вздохи молодой девушки. Она была в самой цветущей прекрасной поре жизни. Молодая девушка вообще развивается не так, как юноша: он вырастает в мужчину, она перерождается в женщину. Юноша развивается постепенно и очень медленно; жизнь девушки со дня рождения ни что иное, как подготовка к перерождению в женщину, и перерождение это совершается мгновенно, когда она выходит замуж. Только с этой минуты она становится цельным, законченным творением, перестает готовиться к перерождению – она наконец воз-

рождена! Да, не только Минерва выскакивает из лба Юпитера вполне сформированной или Венера выходит из пены морской во всей полноте своей чарующей красоты – то же бывает и с каждой женщиной, если ее женственность не уничтожена так называемым «развитием». Она пробуждается сразу, но до этого грезит долго, если только заботливые добрые люди не разбудят ее слишком рано. А девические грезы – бесконечное богатство! Она не была занята собою, но погружена в самое себя; это был безмятежный покой в самой себе, в нем таилось богатство ее души. Мужчина, сумеющий обнять мыслью это богатое содержание, обогатится сам и обогатит свое сердце, свой ум. Но молодая девушка богата бессознательно, и она не сознает сокровищ, скрытых в ней, и чувствует в своей душе лишь мир и покой, смешанные со смутной грустью. Она была так воздушно стройна, что, казалось, одним взором можно было отделить ее от земли; она как будто сама носилась по воздуху, легче Психеи, носимой зефирами. Сама она не замечала ничего и поэтому считала и себя не замеченной никем, тем более, что я держался в отдалении, хотя и не спускал с нее жадного взора. Она шла тихо; ее медленная походка вполне гармонировала с тишиной окружающей природы. На берегу озера сидел мальчик с удочкой. Она остановилась около него, любясь зеркальной поверхностью озера, свежесть и прохлада которого манили ее. Она развязала маленькую шейную косынку, и свежий ветерок целовал ее полную, белую как снег, но горячую грудь. Мальчик, должно быть, не особенно остался доволен этой непрошенной свидетельницей его ловли – обернулся и уставился на нее своим флегматично-обиженным взглядом. Фигура его была так комична, что она не удержалась и залилась веселым смехом. Смех ее был так детски свеж и задорно-звонок, что, мне кажется, не будь здесь никого, она, пожалуй, не прочь бы пошалить и даже побороться с мальчиком, как ребенок. Глаза у нее большие, темные и лучистые, взор тонул в их бесконечной загадочной глубине. Взгляд этих чудных глаз был чист и полон мягкого спокойствия, но смех зажигал в нем лукавый блеск. Нос с легким горбиком как-то незаметно сливался с белым высоким лбом, что и уменьшало его, и придавало более смелый характер. Она пошла дальше, я следовал за ней. К счастью, гуляющих встречалось много, и я, обмениваясь несколькими словами то с тем, то с другим знакомым, давал ей иногда уходить далеко вперед, потом нагонял ее, опять отставал – стараясь не возбудить ее подозрений медленным и ровным преследованием. Она направлялась к Восточным воротам. Мне захотелось рассмотреть ее вблизи незаметно для нее самой, и я моментально составил план действий. В конце аллеи, на углу, стоял домик, мимо окон которого она должна была пройти. Я был знаком с хозяевами домика, и мне стоило только сделать им визит. Я быстро обогнал девушку, не обращая на нее ни малейшего внимания, и оставил ее далеко позади. Вбежав в дом и наскоро раскланявшись с членами семейства и гостями, я поспешил занять наблюдательный пост у окна.

Она медленно приближалась. Я жадно смотрел на нее, смотрел, а сам беззаботно болтал с окружающими. Ее походка показывала, что она не проходила полного курса светских манер и танцев; шла она просто и непринужденно, но в то же время в ее движениях сказывалась некоторая гордость и врожденное достоинство, смешанные с долей небрежности. Из окна была видна небольшая часть аллеи, и девушка должна была уже скрыться с моего горизонта, как вдруг, к великому моему изумлению, она свернула на мост, перекинутый через озеро как раз против окна! Что это? Она живет за городом?! И я начал уже горько раскаиваться в своем визите: вот она сейчас исчезнет из виду, а я сижу тут. Она уже приблизилась к концу моста и вдруг повернула назад. Вот она опять проходит мимо окон, я впопыхах хватаю шляпу, перчатки. Мысленно я уже на улице, догоняю ее, обгоняю, отстаю, опять догоняю и наконец открываю, где она живет. Ах! Я толкнул руку дамы, державшей поднос с чаем! О ужас! Поднялся страшный крик, я стою ошеломленный со шляпой в руках, сгорая лишь одним желанием – ударить поскорее! Я стараюсь, однако, придать делу шуточный оборот и мотивировать свое поспешное отступление патетическим восклицанием: «Подобно Каину, я изгоняюсь от сего места, узревши пролитый мной чай!» Но уввы! Все было в заговоре против меня. Хозяину является несчастная мысль

дополнить мою тираду, и он произносит торжественную клятву, что не выпустит меня, пока я не исправлю беды: я должен сам выпить чашку чая и обнести им других! Я уверен, что хозяин в припадке вежливости счел бы долгом употребить против меня даже насилие, и потому, скрепя сердце, повинуюсь. А она исчезла!

16 мая

Как прекрасно быть влюбленным, и как интересно сознавать это, – вот разница. Мысль, что она вторично ускользнула от меня, и бесит, и в то же время как будто радует меня. Теперь ее образ встает передо мною в каком-то неуловимом сочетании действительного с идеальным. Именно то, что этот создаваемый моим воображением образ – действительность, или то, что, по крайней мере, основанием ему служит действительность, и придает ему особую прелесть. Я уже перестал волноваться, нетерпеливый голос сердца замолк, да и что же мне беспокоиться? Она живет здесь, в городе, и этого с меня пока достаточно: возможность увидеть ее существует, а мой девиз – «наслаждение надо пить по капелькам!». Да и вообще, мне ли тревожиться? Ведь я, по всей справедливости, могу называться любимцем богов – мне выпало на долю редкое счастье полюбить вновь, со всей силой первой любви! Никому не достигнуть этого искусственно, это – неоценимый дар богов. Итак, в моем сердце зажглась новая любовь. Посмотрим же, надолго ли удастся мне поддержать ее пламя. Правда, я лелею эту любовь больше, чем мою первую: ведь такой случай редко кому выпадает на долю, и раз тебе удалось поймать его, не надо зевать. Суть дела не в том, чтобы обольстить девушку, а в том, чтобы найти такую, которую стоит обольщать. Любовь вообще великая тайна; первая любовь также, хотя и в меньшей степени. Но большинство людей не умеют хладнокровно и медленно выжать из нее всю эссенцию наслаждения, они торопятся, мечутся, обручаются, женятся, – словом, проделывают всевозможные глупости. В одно мгновение у них уже все окончено, а чего в сущности они добились и чего лишились, они и сами не знают. Она уже два раза встретила на моем пути – это значит, что мне предстоит видеться с ней еще чаще. Иосиф, истолковав сон фараону, прибавил: «А то, что сон твой повторился дважды, означает, что все это сбудется».

* * *

Интересно было бы заглянуть в будущее и увидеть проявление сил, обуславливающих содержание жизни. Пока она живет совершенно спокойно и не подозревает о моем существовании, о моей любви, и еще меньше об уверенности, с какой я рисую себе ее будущее. Моя страсть разгорается все сильнее и сильнее и требует реальной пищи, требует обладания! Если красота девушки при первом взгляде на нее не производит идеального впечатления, то и реальные отношения с ней не особенно желательны. Если же – да, то как бы человек ни был опытен и тверд, он почувствует точно электрический удар, соединяющий две противоположные силы души: горячую симпатию к ней и эгоизм. Каждому, кто не уверен в твердости своей руки, своего взгляда, словом, в победе, я советую действовать именно под этим первым впечатлением, возбуждающим его душевные силы до *plus ultra*. Но зато ему придется поплатиться высшим наслаждением: он уже не может наслаждаться самым положением своим, так как сам весь отдался ему в упоении страсти. Которое из этих двух родов наслаждения прекраснее – решить трудно, которое интереснее – решить легко; во всяком случае, истинное наслаждение в том и заключается, чтобы по возможности соединить их оба. Чем вообще наслаждаются обыкновенно другие люди, я решительно не понимаю. Просто обладание, по-моему, – ничто, да и средства, ведущие к нему, довольно низменного сорта. Обольстители этого пошиба не пренебрегают ни деньгами, ни насилием, ни чужим влиянием, ни, наконец, сонными порошками. Что же это за наслаждение – овладеть любовью, которая не отдается вполне свободно и добровольно! Впрочем, для того, чтобы добиться такой любви, о которой я говорю, – свободной, – и не жертвовать собой, нужно обладать высшим духовным развитием, а его-то и не хватает у этих quasi-обольстителей.

19 мая

Корделия! Ее зовут Корделия! Гармоничное имя – очень важное преимущество. Крайне неудобно, если с самыми нежными прилагательными придется вдруг связать некрасивое или смешное имя. Я узнал ее издали, она шла с двумя другими девушками. По некоторому замедлению их походки я догадался, что они скоро остановятся, и сам остановился на углу: читаю какую-то афишу и в то же время зорко наблюдаю за ними. Молодые девушки простились; две другие пошли дальше, а она двинулась в мою сторону. Едва она успела сделать несколько шагов, как одна из ее спутниц вернулась, крича: «Корделия, Корделия!». Затем к ней присоединилась и вторая. Все трое столкнулись лбами, и между ними произошло какое-то экстренное совещание, тайну которого я никак не мог уловить, несмотря на все ухищрения моего уха. Затем девушки рассмеялись и скорыми шагами направились в ту сторону, куда прежде пошли первые две; я, конечно, за ними. Через несколько минут они все исчезли в одном из домов по набережной. Я долго расхаживал около дома, предполагая, что Корделия скоро выйдет, но я ошибся – она осталась.

* * *

Корделия! Прекрасное имя! Так звали младшую дочь Лира, эту чудную девушку, сердце которой не жило на ее устах: уста ее смыкались, когда сердце переполнялось. Моя Корделия похожа на нее, я в этом уверен. Впрочем, о ней можно выразиться несколько иначе: ее сердце живет на устах, но не в словах, а более нежно, в поцелуях. Таких красивых свежих и пышных губ я еще не видал!

В том, что я действительно влюблен, убеждает меня та таинственность, которой я облакаю мою любовь к ней чуть ли даже не по отношению к самому себе. Всякая любовь таинственна, если только в ней есть необходимый эстетический элемент. Мне, по крайней мере, еще никогда не приходило в голову посвящать кого-нибудь в свои тайны и хвастаться победами. Я почти рад, что познакомился лишь с семейством, где она часто бывает, а не с ее собственным. Это, пожалуй, еще удобнее для меня: я могу наблюдать за ней, не возбуждая ее внимания, и – кто знает – без особенных затруднений сблизиться с ее семейством. А если будут затруднения? Хорошо! Давай их! Всем, чем я занимаюсь, я занимаюсь *con amore*, и люблю тоже *con amore*!

20 мая

Сегодня я добился, наконец, кое-каких сведений. Семейство, где Корделия часто бывает, состоит из почтенной вдовы, наделенной тремя взрослыми дочками. От них-то и можно получить в изобилии всевозможные сведения, с тем, однако, условием, что они имеют их, а вы умеете понимать разговор в «третьей степени». Мне приходится украсть выражение у математика, чтобы пояснить особенность речи этих милых девиц: все трое говорят зараз! Ее имя Корделия Валь – она дочь капитана-моряка, бывшего человеком очень суровым и жестоким. Как он, так и мать ее умерли несколько лет тому назад, и теперь Корделия живет у тетки, сестры покойного отца дамы, как говорят, похожей на брата, а, впрочем, очень и очень почтенной. Сведения, собственно, не ахти какие, но большего словоохотливые докладчицы сообщить не могли, так как не бывают сами у Корделии. Она же часто заходит к ним за двумя из сестер, с которыми учится стряпать в Королевской кухне. Поэтому она и бывает у них только в определенное время, рано после обеда или утром, но никогда вечером. Живут они с теткой очень замкнуто. Итак, ни жердочки, по которой я мог бы перебраться в дом Корделии!

Я знаю теперь, что она уже испытала горе и имеет понятие о темной стороне жизни. А кто мог бы догадаться об этом при первом взгляде на нее! Впрочем, тяжелые воспоминания относятся еще к раннему ее возрасту, когда она сама не сознавала темных туч, омрачавших ее жизненный небосклон. То и другое имело очень благотворное влияние на нее: во-первых, это спасло ее женственность, во-вторых – будет способствовать высокому подъему ее духовных сил, если только умело направлять их. Несчастья вообще налагают известный отпечаток гордости на характер, если только он не надломлен ими вконец. Последнего же о ней не скажешь.

21 мая

Она живет против земляного вала, местоположение не из удобных! Нет никаких визави, с которыми можно было бы свести знакомство, нет даже укромного уголка на улице, откуда я мог бы ухитриться исподтишка делать свои наблюдения. Вершина вала для этого не годится, на ней сам будешь виден как на ладони. Ходить мимо дома по противоположной стороне возле вала нельзя: там никто не ходит, и мое праздное шатание сразу бросится в глаза. Прогуливаться же как раз под окнами не имеет смысла: сам ты ничего не увидишь, а тебя – как раз. Дом стоит на самом углу, особняком, так что все окна, выходящие во двор, видны с улицы. Вон то третье окно с краю, вероятно, ее спальни.

22 мая

Я в первый раз встретил ее сегодня у г-жи Янсен. Меня представили ей. Особа моя, по-видимому, не произвела на нее никакого впечатления, да мне это и не нужно. Я сам старался держаться как можно незаметнее, чтобы не обратить на себя внимания и, таким образом, иметь возможность наблюдать за ней. Она оставалась всего несколько минут, пока барышни Янсен одевались, и эти минуты нам с ней пришлось провести в гостиной вдвоем. Я бросил ей несколько слов с самым холодным, флегматичным видом, почти свысока. Мне было отвечено с незаслуженной вежливостью. Затем они отправились. Я мог вызваться провожать их, но этим сразу записался бы в кавалеры, а я чувствую, что с этой стороны к ней не подойти. Я предпочел другое: отправился вслед за ними, но по другой дороге и неожиданно попался им у Королевской кухни. Они обогнули Королевскую улицу и вдруг, к своему великому удивлению, наткнулись на меня.

23 мая

Неприменно надо добиться доступа в ее дом; я теперь, как говорят военные, готов начать кампанию! Однако это не совсем легкая задача. Никогда не знавал я семейства, которое бы жило так безобразно уединенно и замкнуто, – одна с теткой! Нет ни братьев, ни кузенов, ни одной ниточки, за которую бы можно было ухватиться, даже ни одного дальнего родственника! Я теперь всюду расхаживаю с одной рукой наготове и ни за что на свете не пошел бы ни с кем под руку.

Я все высматриваю, не покажется ли где какой-нибудь, хоть бы самый дальний, родственник: сейчас подцепил бы его и взял дом на абордаж! Право, это ни на что не похоже – жить так замкнуто! Ведь у бедной девушки отнимается всякая надежда узнать людей и свет, а это может привести к очень печальным результатам! Да и в отношении замужества, наконец, такая система никуда не годится! Правда, при таком изолированном образе жизни они гарантированы от воришек, тогда как в многолюдных собраниях «случай делает вора». А, впрочем, у этих светских девушек и украсть-то нечего. Шестнадцати лет их сердце уже исписанный альбом, а мне никогда не приходила в голову блажь записать свое имя там, где до меня расписались сотни, как не вздумается и вырезать свое имя на окне постоянного двора, на дереве или скамейке в публичном саду.

27 мая

Всматриваясь и вдумываясь в нее, я все более и более убеждаюсь, что она развивалась одна, замкнутая в самой себе. Для мужчины или юноши такое развитие не годится, им необходимо общение с людьми, так как их развитие основано главным образом на размышлениях, сравнениях и умозаключениях. Молодая девушка, по-моему, не должна казаться интересной: интересное есть вообще искусственный плод саморазмышления. Так интересное в изящных искусствах всегда отражает в себе личность самого творца-художника, и девушка, старающаяся казаться интересной, чтобы нравиться мужчинам, желает, в сущности, нравиться самой себе. Вот доводы, которые можно привести против умышленного кокетства. Кокетство же бессознательное, являющееся как бы движением самой женской природы, – прекрасно. Женская стыдливость, например, самое обольстительное и целомудренное кокетство. Интересная же кокетка теряет обаяние женственности, и если даже нравится мужчинам, то лишь таким, которые сами утратили свою отличительную черту – мужественность. Надо прибавить, что интересной такая девушка является исключительно в отношениях с мужчиной. Женщина – слабый пол, и все-таки известная самостоятельность и даже одиночество в период развития ей нужны куда больше, чем мужчине. Она должна находить полное удовлетворение в самой себе, но то, что ее удовлетворяет, – не что иное, как иллюзия воображения. Таким приданым природа наделила и всякую простую девушку наравне с принцессой крови. Это-то самоудовлетворение в иллюзии и помогает девушке жить и развиваться одиноко. Я часто и долго раздумываю, отчего это нет для молодой девушки ничего пагубнее постоянного общения с другими девушками? Причина кроется, по-моему, в том, что такое общение – ни то, ни се, оно лишь разрушает иллюзии, а не дает им разумного истолкования. Истинное и великое призвание женщины – это быть обществом для мужчины, его всезаменяющей подругой. При частом же общении со своим полом в ней легко пробуждается размышление, она начинает рассуждать о своей личности, о своем призвании и кончает тем, что искажает его, делаясь вместо подруги только компаньонкой. Да, язык человеческий дает в этом случае очень характерные выражения. Мужчина называется господином, а женщина по отношению к нему ни служанкой, ни помощницей, или чем-нибудь в этом роде, – она называется по самому существу своему подругой, но не компаньонкой. Если бы меня спросили, каков мой идеал молодой девушки, я бы ответил: она должна быть предоставлена сама себе в своем развитии, а главное – не иметь никаких подруг. Правда, граций было три, но вряд ли можно было представить себе их беседующими друг с другом. Их молчаливый триумвират есть, в сущности, лишь прекрасное женское единство.

Да, в этом отношении я не прочь бы, пожалуй, рекомендовать старинные девичьи терема, если бы только всякое ограничение свободы вообще не было вредно. Девушке должна быть предоставлена известная свобода, с тем, однако, чтобы ей не представилось случая употребить ее во зло. Развиваясь одиноко, на свободе, предоставленная самой себе, как полевой цветок, девушка вырастает прекрасной и спасенной от всякого интересничанья. Девушку, часто стелкивающуюся с другими девушками, напрасно прикрывают венчальной фатой чистоты и неведения, между тем как истинно невинная девушка всегда является взору мужчины с тонко развитым эстетическим вкусом, окутанною именно этой фатой, хотя бы традиционная венчальная фата в этом случае и отсутствовала. Корделия воспитана очень строго, я благословляю за то ее родителей в могиле; она живет очень уединенно и замкнуто – я готов расцеловать ее тетку. Она еще не знакома с радостями жизни, в ней нет этой суетной капризной пресыщенности. Она горда и смотрит на радости и увлечения других девушек свысока; наряды и пышность ее не прельщают – этим уклонением ее природы я сумею воспользоваться. Ко всему, она немного «полемического» характера; требования ее натуры идут вразрез с окружающим, но это и не удивительно для девушки с ее мечтательностью. Она живет в мире фантазий. Попади она в

дурные руки, из нее могло бы выйти нечто очень неженственное, именно благодаря тому, что в ней так много женственного.

30 мая

Наши дороги постоянно пересекаются. Сегодня, например, мне удалось встретить ее три раза. Я всегда с математической точностью знаю, когда и куда она отправляется и где я могу с ней встретиться, но я не пользуюсь этим знанием, напротив, я расточаю его на ветер. Встреча, стоившая мне нескольких часов выжидания, упускается мной как пустяк: я не встречаюсь с ней, в действительном смысле слова, а лишь слегка касаюсь сферы ее действий. Зная заранее, что она будет в таком-то часу у Янсен, я, однако, позволяю себе встретиться с нею там лишь в тех случаях, когда мне нужно сделать какое-нибудь новое наблюдение. Обыкновенно же я предпочитаю туда прийти несколько раньше, а затем столкнуться с нею на мгновение в дверях или на лестнице. Она приходит, а я ухожу, небрежно пропуская ее мимо себя. Это первые нити той сети, которой я опутаю ее. Встречаясь с ней на улице, я не останавливаюсь, а лишь кланяюсь мимоходом; я никогда не приближаюсь, а всегда прицеливаюсь на расстоянии. Частые столкновения наши, по-видимому, изумляют ее: она замечает, что на ее горизонте появилась новая планета, орбита которой хоть и не задевает ее, но как-то непонятно мешает ее собственному движению. Об основном законе,двигающем эту планету, она и не подозревает и скорее будет оглядываться направо и налево, отыскивая центр, около которого она вращается, чем обратит взор на самое себя. О том, что центр этот – она сама, Корделия подозревает столько же, сколько ее антиподы. Вообще она ошибается, как и все мои знакомые, воображающие, что у меня пропасть дел – я же постоянно в движении и говорю, как Фигаро: «Одна, две, три, четыре интриги зараз – вот моя стихия». Я должен основательно изучить ее духовное содержание, прежде чем отважиться на приступ. Большинство же людей наслаждается молодой девушкой, как бокалом пенящегося шампанского в разгаре минутного веселья. Что ж, и это в своем роде недурно, к тому же с большинства девиц большего и взять нельзя. Если душа данного женского существа слишком хрупка и непрочна, чтобы выдержать кристаллизацию, то приходится взять ее, какова она есть, непрозрачной и неясной. Но моя Корделия выдержит испытание. Чем больше бывает в любви готовности отдаваться, тем интереснее любить. Минутное же наслаждение, – если и не во внешнем, то во внутреннем смысле, – все-таки известного рода насилие. А в насилии наслаждение лишь воображаемое; оно, как украденный поцелуй, не имеет для меня никакого *raison d'être*. Вот если доведешь дело до того, что единственной целью свободы девушки становится отдать себя, что она видит в этом все свое счастье, – тогда только ты испытываешь истинное наслаждение. Но чтобы добиться этого, нужно обладать большими умственными силами. Корделия! Какое чудное имя! Я сижу дома и упражняюсь, произнося его на все лады: Корделия, Корделия, моя Корделия, моя возлюбленная Корделия. Я не могу не улыбнуться при мысли о том, с какой виртуозностью я придам этому имени нужный оттенок в решительную минуту. Все должно быть тщательно изучено, подготовлено заранее; предварительные упражнения необходимы. Недаром поэты так часто описывают мгновение первого «ты». О, это чудное мгновение, когда едва слышное «ты» впервые слетает с уст влюбленных, не в порыве неудержимого экстаза любви, когда чувство бурно стремится перелиться через край (многие, конечно, останавливаются на этом), но в упоении бесконечного блаженства. Утопая в море любви, они оставляют там свое старое существо и, выходя из этой купели новорожденными, узнают друг в друге старых друзей, хотя им и всего лишь одна минута от роду. В жизни молодой девушки это самая прекрасная минута, но мужчина, чтобы вполне насладиться этой минутой, должен стоять выше нее, быть не только крещаемым, но и восприемником. Некоторая доза иронии придаст следующей минуте наибольший интерес: в эту минуту начинается духовное обнажение. Чтобы содействовать ему, нужно, конечно, находиться в известном поэтическом настроении, но и лукавый божок шалости должен все-таки быть настороже – чтобы не позволить минуте стать чересчур торжественной.

2 июня

Корделия горда, я это давно заметил. Находясь в обществе барышень Янсен, она очень мало говорит – их пустая болтовня, очевидно, наводит на нее скуку, что я вижу по улыбке, блуждающей на губах, и на этой улыбке я строю многое. Но и на Корделию находят иногда минуты шаловливой, почти мальчишеской резвости, которая приводит в изумление всех Янсен. Эти резкие переходы в настроении станут вполне понятны, если припомнить ее детство. У нее был всего один брат, гораздо старше ее; кроме родителей она никого почти не видала и часто бывала свидетельницей серьезных сцен между ними. Все это, конечно, отнимает у нее вкус к обыденному женскому кудахтанью. Отец с матерью жили не очень мирно, и семейное счастье, которое всегда смутно манит к себе молодых девушек, не привлекает ее. Она, пожалуй, и сама хорошенько не знает, что она такое и для чего живет, и у нее, вероятно, мелькает иногда желание быть мужчиной, а не женщиной.

* * *

У нее есть душа, страсть, фантазия, словом, все необходимые данные, но они еще не прошли через горнило субъективного размышления. Я убедился в этом совершенно случайно.

Я знал через фру Янсен, что она не учится музыке – тетка не желает этого – и очень сожалел об этом, считая музыку одним из самых прекрасных средств своего сближения с молодой девушкой. Следует, конечно, быть осторожным и не заявлять себя знатоком. Сегодня я пришел к Янсен и тихо приотворил дверь в гостиную; я часто и с успехом применяю эту вольность, а иногда, если надо, поправляю ее нелепостью: стучу в открытую дверь. Она сидела одна за роялем и, видимо, играла украдкой. Играла она какую-то шведскую мелодию. Игра ее сразу выдавала недостаток подготовки и умения: она горячилась, обрывалась, но затем вновь лились тихие мелодичные звуки. Я осторожно затворил дверь и стал за нею, прислушиваясь к переливам ее душевного настроения. Иногда в ее игре звучала такая страсть, что мне невольно вспомнилась принцесса из народной сказки, перебиравшая струны золотой арфы с такой страстью, что у нее молоко брызнуло из груди. Страстные звуки сменялись тихими и грустными, затем опять звучал восторженный дифирамб. Я мог бы, пользуясь минутой, ворваться и броситься к ее ногам, но это было бы безумием. Лучше я припомню ей эту минуту когда-нибудь впоследствии: воспоминание не только сохраняет данное впечатление, но еще значительно усиливает его, т. е. впечатление, проникнутое воспоминанием, действует куда сильнее. В книгах, особенно в сборниках стихотворений, часто попадают маленькие цветочки, по всей вероятности, прекрасные минуты и ощущения заставили владельцев вложить их туда, но воспоминания об этих минутах еще прекраснее. Корделия, должно быть, скрывает от посторонних, что немножко играет, а может быть, она играет только одну эту песенку, имеющую для нее какое-нибудь особое значение. Пока я еще ничего об этом не знаю, но тем важнее для меня это случайное открытие. Когда-нибудь в задушевном разговоре с ней я наведу ее на эту тему и дам ей провалиться в этот люк.

3 июня

Я все еще не уяснил себе сущность ее натуры и потому держусь как можно осторожнее и незаметнее, точно лазутчик, прикинувший ухом к земле и ловящий далекий отзвук надвигающегося неприятеля. Пока я, собственно говоря, еще совсем не существую для нее, так как до сих пор еще не решился ни на какой эксперимент. «Увидеть ее и полюбить – одно и то же», – так описывается обыкновенно возникновение любви в романах. Это было бы верно, если бы и в любовных отношениях не существовало своего рода диалектики, и авторы лгут, чтобы только облегчить себе задачу.

* * *

Я замечаю, что теперь, после того, как я уже столько узнал о Корделии, впечатление первой встречи с ней исчезло, и представление о ней приобрело некоторую определенность, потеряв свои фантастические формы. Молодая девушка, живущая так одиноко, всецело погруженная в самое себя, вообще довольно редкое явление, и от нее можно ожидать многого. До сих пор мои надежды все еще оправдываются: мой строгий критический анализ находит ее прелестной. Но женская прелесть так мимолетна, она лишь момент, исчезающий в вечности. Я никак не мог представить себе раньше, что она живет в такой среде и в таких условиях, какие окружают ее в действительности, а еще меньше, что она уже бессознательно знакома с бурями жизни.

* * *

Теперь мне хотелось бы узнать ее внутреннюю жизнь, ее чувства. Влюблена она, конечно, еще не была, иначе б ее душа не была так беззаботно ясна. Еще менее правдоподобно предположение, что она принадлежит к числу тех теоретически опытных барышень, коим задолго еще до осуществления их мечтаний так легко и привычно вообразить себя в объятиях любимого человека. Лица, с которыми ей приходилось сталкиваться, были не такого сорта, чтобы суметь разрушить ее девичьи иллюзии и установить в ее понятиях правильные отношения между мечтой и действительностью. Ее душа до сих пор еще питается божественной амброзией идеалов. Но идеал, лелеемый ею, – это, наверное, не идиллическая пастушка или героиня романа, а какая-нибудь Жанна д'Арк или тому подобное.

Меня занимает вопрос: довольно ли сильна ее женственность, чтобы выдержать огонь размышления; можно ли натянуть струну или придется лишь любоваться ею, как прелестным, воздушным явлением? Ведь и то немало, если вообще удастся найти такую чистую непосредственно-женственную натуру; если при этом возможно надеяться и на идеально-осмысленное развитие ее, то интерес достигает наивысшей точки напряжения. Чтобы достигнуть моей цели, лучше всего просто навязать ей жениха. Одни только недоумки могут полагать, что подобное вредит молодой девушке. Это справедливо лишь в том случае, если девушка очень нежное эфемерное растение, развертывающее свои пышные лепестки лишь для того, чтобы на минуту пленить взор своей блестящей наружностью, которою и исчерпывается все содержание. Такой девушке, конечно, лучше не слышать о любви заранее. Если же она не такова, то помолвка принесет ей одну пользу: жених еще ярче оттенит достоинства ее природы, и я, право, не задумаюсь сам подыскать Корделии жениха, если его еще нет налицо. Жених этот вовсе не должен быть карикатурой – этим ничего не выиграешь, нет, он должен быть вполне порядочным молодым человеком, даже симпатичным и умным, но все-таки далеко не удовлетворяющим ее духовные

требования. На такого человека она мало-помалу начнет смотреть свысока и, наконец, потеряет всякий вкус к любви. Она почти перестанет верить в самое себя и в свою поэтическую роль на земле, видя, что предлагает ей действительность. «Так это-то любовь, – скажет она, – только и всего? Немного же!» И ею овладеет чувство какой-то пренебрежительной, скупающей гордости. Эта гордость, которая будет просвечивать во всем ее существе, озарит его ярким нервным блеском, но вместе с тем и приблизит ее к падению.

Итак, в поиски за женихом! Прежде всего надо хорошенько изучить ее знакомых – не найдется ли среди них подходящего господина. Положим, у ее тетки никто не бывает, но сама Корделия все-таки посещает некоторые семейства, потому и не надо особенно торопиться с поисками на стороне. Два посредственных жениха, пожалуй, даже могут насолить мне некоторым образом: они опасны именно своими относительными достоинствами. Надо будет хорошенько высмотреть: не прячется ли где-нибудь несчастный воздыхатель, у которого только не хватает духа взять ее монастырский дом приступом. Итак, стратегический план предстоящей кампании всецело основан на интересных и оригинальных положениях – вот орудия борьбы, и они должны быть пущены в ход. Я сильно ошибаюсь, если ее организация не рассчитана именно на это, если сама Корделия не требует и не дает оригинального, то есть как раз того, чего требую и я. Вообще, по-моему, вся суть в том, чтобы подметить: что в состоянии дать известная личность и чего она вследствие этого требует от других сама. Мои любовные истории всегда оставляют какой-нибудь реальный след в моем существовании; они иногда способствуют даже пополнению пробелов в моем образовании: так, например, я выучился танцевать – для моей первой возлюбленной; французскому языку – для другой возлюбленной и т. п. В те времена я еще, как многие другие дураки, попадался на удочку, и меня часто надували на любовном рынке. Теперь меня надуть трудновато: я сам выучился барышничать. Обыденная сторона жизни, видимо, не представляет для нее особого интереса; доказывается это ее замкнутостью и необщительностью. Надо, следовательно, подыскать нечто другое, что, если и не покажется ей интересным с первого взгляда, зато охватит ее тем сильнее впоследствии, именно благодаря своему неожиданно блеснувшему интересу. Средства будут избраны не поэтические, а, напротив, крайне прозаические. Прежде всего придется несколько нейтрализовать ее женственность прозаическими и слегка насмешливыми рассуждениями, действуя, конечно, не прямо, а косвенно, и притом абсолютно нейтральным оружием – умом. В конце концов она потеряет в собственных глазах всякую женскую привлекательность, лишится таким образом единственной опоры и сама отдаст мне в руки свое духовное «я» – не из любви, нет, а пока еще вполне безразлично. Тогда-то я вновь начну пробуждать в ней женственность, возбуждая ее все больше и больше, и когда, наконец, она достигнет наивысшего напряжения – заставлю ее столкнуться с какой-нибудь житейской формальностью. Она перешагнет через нее, ее женственность достигнет почти сверхъестественной высоты – и отдастся мне со всей силой свободной чистой страсти.

5 июня

Мне не пришлось далеко ходить за женихом. Она бывает в семействе коммерсанта Бакстера. Тут-то я и нашел нужного человека. Эдвард, сын хозяина дома, по уши влюблен в Корделию – это можно прочесть совершенно легко и просто в его глазах. Он занимается в конторе отца, довольно красив, симпатичен, чуть застенчив, но это, по-видимому, не вредит ему в ее глазах.

* * *

Бедняга Эдвард! Он положительно не знает, как взяться за дело. Узнав, что она проводит вечер у них, он надевает новую черную пару, белоснежную накрахмаленную рубашку и является довольно нелепым франтом среди остального общества. Скромность и застенчивость его просто невероятны. Будь эти качества притворными, он, пожалуй, оказался бы для меня довольно опасным соперником. Но ведь этими качествами можно много выиграть лишь при условии большой ловкости и умения пользоваться ими. Что до меня, то я часто и с успехом прикрывался этой маской, чтобы поддеть какую-нибудь маленькую кокетку. Многие девушки довольно беспощадно отзываются о застенчивых мужчинах, любя их втихомолку. Застенчивость и скромность льстят их тщеславию, они как бы чувствуют свое превосходство – это первый задаток. Убаюкав такую девушку в этой счастливой уверенности и поймав минуту, когда она убеждена, что ты вот-вот умрешь от застенчивости, надо вдруг показать, что ты как нельзя больше далек от этого и прекрасно умеешь ходить без помочей. Застенчивость как бы уничтожает в глазах девушки пол мужчины и служит отличным средством для придачи отношениям оттенка безразличности. Когда же барышня узнает, что это лишь маска, она конфузится и краснеет, чувствуя, что зашла слишком далеко. Вообще же играть с застенчивостью мужчины для девушки так же опасно, как и слишком долго принимать юношу за мальчика.

7 июня

Ну вот мы и друзья с Эдвардом! Между нами такая трогательная дружба, какой не бывало на земле с прекрасных времен древней Греции. Мы очень скоро сблизились: я ловко опутал его различными намеками насчет Корделии и довел наконец до полного признания. Да и к чему же в самом деле скрывать эту тайну, раз все остальные открыты? Бедняга давно уже вздыхает по ней. Каждый раз, как она у них, он одет с иголки и сияет, вечером же испытывает несказанное удовольствие – проводить ее домой. Они идут под руку, посматривая на звезды; сердце его так и пляшет при мысли, что ее рука прикасается к его; они доходят до ее дома, он звонит у дверей, она исчезает, а он приходит в отчаяние, не теряя, однако, надежды на будущее. Он все еще не может собраться с духом переступить ее порог, хотя имеет такой прекрасный повод для этого.

Я не могу не смеяться над ним про себя, но и не могу не видеть чего-то честного и хорошего в его детской робости. Считая себя довольно опытным по части эротических ощущений, я скажу все-таки, что никогда еще не испытывал на себе этого страха и трепета любви в такой степени, чтобы потерять всякое самообладание. Трепет любви, знакомый мне, скорее возбуждал меня и удваивал мои силы. Кто-нибудь скажет мне, может быть, что в таком случае я не бывал влюблен серьезно. Может быть. Я пристыдил Эдварда и постарался воздействовать на него своими дружескими советами, так что завтра он сделает решительный шаг: лично пойдет пригласить Корделию к ним на вечер. Я успел также внушить ему отчаянную мысль – просить меня сопровождать его. Я дал ему слово, и он в восторге от этой дружеской услуги с моей стороны.

Случай сам идет мне навстречу – завтра я, неожиданный-негаданный, буду у Корделии. Явись у нее хоть малейшее подозрение насчет этого неожиданного появления, я сумею ввести ее в заблуждение моей манерой себя держать. Вообще я не имею привычки готовиться к беседам с кем бы то ни было, но с некоторых пор это стало для меня необходимым, чтобы суметь занять ее тетку. Я взял на себя приятную и почетную обязанность беседовать с ней и этим отвлекать ее внимание от нежных воркований Эдварда с Корделией. Раньше тетка жила постоянно в деревне, и вот, благодаря моему добросовестному изучению сельскохозяйственных сочинений, а также основанным на древнем опыте сообщениям тетки, я замечаю, что с каждым днем совершенствуюсь по этой части.

15 июня

Моя серьезность и солидность моих познаний производят положительный фурор. Тетка считает меня очень приятным и положительным собеседником, не имеющим ничего общего с нашими модными ветрогонами. У Корделии же я, видимо, не на таком хорошем счету. Она хоть и слишком еще женственно-невинна, чтобы претендовать на ухаживания со стороны каждого мужчины, но все же не может не чувствовать, насколько возмутительно мое поведение по отношению к ней.

* * *

Часто, когда я сижу в этой уютной гостиной, где Корделия, как добрая фея, озаряет своей прелестью всех, с кем ей приходится сталкиваться – добрых и злых, во мне вспыхивает жгучее нетерпение: я готов выскочить из своей раковины, откуда так скрытно, но зорко сторожу ее. Мне хочется схватить ее за руку, обнять ее стан, прижать к своей груди, чтобы никто не мог отнять ее у меня! Когда же мы с Эдвардом уходим от них вечером и она на прощанье подает мне руку, я сжимаю ее в своей и едва могу заставить себя вновь выпустить эту птичку. Терпение – надо хорошенько опутать ее моей сетью, и тогда я вдруг дам вырваться на волю всем силам моей пламенной страсти. Да, мы не испортим себе этого чудного момента преждевременным лакомством – за это ты должна будешь сказать спасибо мне, моя Корделия. Теперь я держусь в тени, чтобы будущий контраст сверкнул тем ярче; я долго натягиваю лук Амура, чтобы вонзить стрелу поглубже. Как стрелок, я то ослабляю тетиву, то вновь напрягаю, прислушиваясь к ее музыке, но я еще не прицеливаюсь серьезно.

* * *

Если небольшое число лиц постоянно собирается в одной и той же комнате, то как-то невольно у всех заводятся насиженные местечки, и все располагаются в них, как по команде. Это представляет большие удобства на тот случай, если нужно вперед наметить себе план военных действий, – стоит только мысленно развернуть перед собой картину гостиной, и план местности налицо. Вот какую картину представляет собой по вечерам эта гостиная: перед тем как пить чай, тетка, сидевшая до сих пор на диване, пересаживается к рабочему столику Корделии, а Корделия занимает свое место у чайного стола перед диваном. Эдвард ищет уединения и таинственности, хочет говорить неслышным шепотом, и это ему по большей части так хорошо удается, что под конец вечера он совсем почти не раскрывает рта. Я же ничуть не желаю делать секрета из своих излияний по адресу тетки: рыночные цены, количество бутылок сливок, нужных для приготовления одного фунта масла, молочная поэзия и сырная диалектика – все это такие речи, которые не только не вредны для уха молодой девушки, но даже крайне назидательны и полезны своим бесспорно обогащающим и облагораживающим влиянием, как на ум, так и на сердце. Я сажусь обыкновенно спиной к чайному столу и к мечтаниям молодой парочки; у нас с теткой свои мечты. В самом деле, как велика и мудра природа в своих произведениях! А масло, какой это драгоценный дар, какое изумительное сочетание природы и искусства! Тетушка, погружаясь по уши в хозяйственные бездны, конечно, не в состоянии ничего слышать из разговоров молодых людей, если бы даже и было, что слушать. Я обещал Эдварду околдовать ее слух и держу свое слово. Зато от меня не ускользает ни одно их слово. Для меня это крайне важно: ведь никогда нельзя предвидеть, на что способен человек в припадке отчаяния. Здесь даже самые осторожные и робкие люди выкидывали иногда самые

неожиданные штуки. Я отнюдь не вмешиваюсь в их отношения и все-таки чувствую свое невидимое влияние на Корделию – как будто я постоянно стою между ней и Эвардом.

19 июня

Нельзя не согласиться, что мы четверо составляем вообще довольно оригинальную картину. Если подбирать к ней параллели, то я остановился бы, пожалуй, на Фаусте: разумеется, я – Мефистофель, а Корделия – Маргарита. Дальше, впрочем, некоторые несообразности – Эдварду уж ни в каком случае не подходит роль Фауста. Если же Фауст – я, кто тогда Мефистофель? Не Эдвард же! Да и я, собственно говоря, не похож на Мефистофеля, особенно в глазах Эдварда. Он считает меня добрым гением своей любви и в своем роде прав: никто не может так неусыпно бодрствовать над его любовью, как я. Я обещал ему занимать тетку и отношусь к этой почтенной задаче как нельзя серьезнее и добросовестнее. Тетка на наших глазах совсем с головой уходит в сельскохозяйственную экономию, мысленно путешествует по кухням, погребам и кладовым, делает визиты курам и уткам, я же – ее верный спутник. Но Корделии наши хозяйственные экскурсии, видимо, не по сердцу: она никак не может понять, из-за чего я тут хлопочу. Я для нее настоящая загадка, которая, если и не особенно интригует ее, то, во всяком случае, сердит и даже возмущает. Она как будто смутно чувствует, что я заставляю тетку играть иногда несколько комическую роль, а между тем, тетушка такая почтенная особа, что, кажется, вовсе бы не заслуживала этого. К тому же, я проделываю это так искусно, что Корделия сознает тщетность всяких попыток со своей стороны помешать мне. Иногда мне удается довести дело до того, что сама Корделия не может удержаться от невольной улыбки над теткой. Все это лишь подготовительные этюды, тем не менее это вовсе не значит, чтобы мы с Корделией действовали по уговору. Я никогда не стараюсь заставить ее смеяться над теткой вместе со мной; нет, вся штука в том, что я-то остаюсь неизменно серьезным, а Корделия не может не улыбнуться. Это уже первый шаг на ее ложном пути; теперь надо научить ее улыбаться иронически, а то эту невольную улыбку можно, пожалуй, столько же отнести и ко мне, как к тетке. Корделия положительно становится в тупик перед моей особой. Что же ей в самом деле думать обо мне? Может быть, я действительно слишком рано состарившийся молодой человек – отчего ж нет? Невольно улыбнувшись тетушке, Корделия, однако, сердится на самое себя, а я вдруг оборачиваюсь к ней и, продолжая разговор с теткой, смотрю на нее как ни в чем не бывало, тогда она смеется надо мной и над комизмом всего положения. Отношения между нами можно уподобить не взаимному пониманию, а, скорее, отталкиванию и недоразумению. Собственно говоря, я не отношусь к ней никак: мои интересы чисто духовного характера, все равно что никакие! Такая система отношений имеет, однако, большие преимущества. Если бы я явился галантным кавалером и стал ухаживать за ней, я сразу бы навлек на себя подозрение, а затем и сопротивление – теперь я избавлен от этих неудобств. За мной не только не наблюдают, но даже считают очень надменным человеком, которому, в случае надобности, можно поручить наблюдение за молодой девушкой. Единственный недостаток системы – медлительность в достижении результата, и ее стоит поэтому применять лишь по отношению к таким личностям, в которых угадываешь глубокое и интересное внутреннее содержание.

* * *

Какая могучая сила обновления во всем существе молодой девушки! Ни свежесть утреннего воздуха, ни влажная прохлада ветра, ни аромат вина, ни его живительная влага – ничто, ничто не сравнится с ней!

Скоро я надеюсь добиться того, что она положительно возненавидит меня. Я вполне уже вошел в роль закоренелого холостяка, у меня только и разговора что о покойном кресле, удобной мягкой постели, надежной прислуге, друге с твердой поступью, на которого можно опереться при прогулке. Иногда, если мне удастся наконец утомить тетку и она прекращает хоть

на минуту свои экономические разглагольствования, я втягиваю в беседу на те же темы саму Корделию, и таким образом даю ей более прямой повод к иронии. Над старым холостяком можно смеяться, можно даже немножко сочувствовать ему, но молодой человек, не совсем глупый и образованный, рассуждающий о подобных вещах, положительно возмущает молодую девушку: ведь подобное отношение как будто совершенно уничтожает всякое значение ее пола, ее красоты и ее поэзии!

24 июня

Дни идут за днями; я продолжаю часто видеть ее и разговаривать... с ее теткой. Иногда же ночью мной овладевает желание вздохнуть посвободнее, и я иду, закутанный в плащ, со шляпой, надвинутой на самые брови, к ее дому. Окна ее спальни, обращенные во двор, видны с улицы, и я могу наблюдать, как она подходит иногда на минуту к окну и любуется звездной синевой неба, невидимая никем, кроме того, о ком она менее всего думает. В эти тихие ночные часы я брожу около ее жилища, как дух того места, где она обитает. У меня нет никаких планов, голос расчета замолкает, я выкидываю за борт деятельность ума и облегчаю грудь глубокими вздохами. Этот моцион мне необходим, чтобы не пострадать от чересчур рассчитанной систематичности моих действий. Многие люди, сравнительно целомудренные днем, грешат ночью, я же ношу маску днем, а ночью всецело отдаюсь моим мечтам. Если бы она заметила меня тут, если бы могла заглянуть в мою душу, если бы... Если бы эта девушка сумела хорошенько анализировать себя, она поняла бы, что мы с ней как раз пара. Ее натура слишком глубока и горяча, чтобы она могла найти счастье в обыкновенном браке. Пасть в объятия обыкновенного обольстителя было бы для нее тоже слишком ничтожно. Если же она падет ради меня, то вынесет, по крайней мере, из этого кое-что интересное и для себя.

* * *

Корделии, в сущности, надоедает общество Эдварда. А если круг интересного слишком узок, то всегда ведь стараешься сам раздвинуть границы и открыть интересное вне его, и вот Корделия прислушивается иногда к моей беседе с теткой. Я сразу замечаю это, и в моей речи внезапно сверкает отблеск из совершенно иного мира, к великому удивлению обеих женщин. Глаза тетки ослеплены молнией, но она ничего не слышит; Корделия же ничего не видит, но слух ее взволнован новыми звуками. Но еще одно мгновение – и все опять по-старому: беседа наша под грустное бормотание самовара плетется мирно и однообразно, как почтовый экипаж в ночной тишине. В комнате становится как-то жутко, особенно для Корделии: ей не с кем перемолвиться, некого послушать. Обратится она к застенчивому Эдварду – слышит одну скучную чепуху, обратится в нашу сторону – уверенный тон и размеренный темп нашей беседы режет ей слух еще неприятнее и болезненнее в силу того контраста, который они составляют с робким прерывающимся шепотом Эдварда. Я чувствую, что иногда Корделии кажется, будто тетушка ее заколдована, до такой степени она повинуется взмахам моей дирижерской палочки. Принять участие в нашей беседе с теткой девушке мешает еще и то, что я, стараясь вообще восстановить ее против меня, позволяю себе, между прочим, третировать ее как ребенка. Я крайне далек, однако, от того, чтобы в моем обращении с ней мелькнула хоть тень какой-нибудь вольности или бесцеремонности. Я хорошо знаю, как это вредно действует на чувство женственности: оно может притупиться, а мне надо, чтобы оно лишь оставалось нетронутым до поры до времени и в нужную минуту развернулось во всем блеске духовной чистоты и прелести. Мои дружеские отношения к тетке дают мне некоторое право обращаться с Корделией без особых церемоний, как с ребенком, не знающим света. Этим ее женственное чувство не оскорбляется, а только нейтрализуется: ведь для нее ничуть не оскорбительно, если ее признают невеждой относительно рыночных цен, сельского хозяйства и т. п., но она не может, конечно, не возмущаться, если это последнее, по нашим словам, должно считаться выше всего в жизни. А тетка положительно превосходит самое себя по части хозяйственности; при моем усердном содействии она стала почти фанатичкой и за это может поблагодарить меня. Единственное, с чем почтенная женщина никак не может примириться во мне, это неопределенность моего положения и занятий. Теперь уж я принял за правило, как только зайдет речь о каком-нибудь вакантном

месте, говорить: «Вот это как раз по мне» и затем развивать на эту тему пространно-серьезные рассуждения. Корделия сразу чувствует, что я иронизирую, а мне только этого и нужно.

26 июня

Бедняга Эдвард! Надо, однако, признаться, что он в самом деле довольно скучная фигура! Совсем не умеет взяться за дело, а вот являться перед ней постоянно расфранченным в пух и прах – на это он мастер. Из дружбы к нему я одеваюсь как можно небрежнее. Несчастный! Мне почти жаль его: он чувствует себя так бесконечно обязанным мне и даже не знает, как выразить мне свою благодарность. Позволить еще благодарить себя за то, что я делаю, – это уж чересчур.

* * *

Ну что же это вы не можете уgomониться? Целое утро только и делают, что треплют маркизы за моим окном, играют проволокой от колокольчика, дребезжат стеклами, словом, всячески стараются заявить о своем существовании и выманить меня на улицу. Да, погода хорошая, но я не чувствую особого расположения идти с вами, оставьте-ка меня. Веселые зефиры, шалуны-мальчишки, ведь вы отлично умеете гулять и шалить одни с молоденькими девушками. Да, да, я знаю, что никто не сумеет так соблазнительно обнять молодую девушку. Сначала она пытается как-нибудь увернуться от ваших ласк. Не тут-то было! Она в плену и не может высвободиться. Да теперь ей, впрочем, и не особенно хочется этого: вы так мягко и нежно обвиваете ее, не горячите, а нежите. Ступайте, ступайте своей дорогой, а меня оставьте в покое. А! Вам это не по сердцу? Вы не о себе хлопчете? Ну что с вами делать, так и быть, пойду, но только с двумя условиями – слушайте и мотайте себе на ус! Во-первых: на Большой Королевской улице живет молодая девушка, которая отличается чудной красотой и несказанной дерзостью: она не только не любит меня, но – что еще непозволительнее – любит другого. Дело дошло до того, что она уже гуляет с ним под руку. Я знаю, что и сегодня в час дня он придет за ней. Дайте же мне слово, что самые резвые и неугомонные из вашей братии притаятся где-нибудь за углом, пока они не выйдут из ворот; едва же они завернут за угол по Большой Королевской улице, отряд этот внезапно вырвется из своей засады и самым вежливым образом снимет шляпу с его головы! Затем вы осторожно покатайте эту шляпу по панели, держа ее все время на расстоянии какой-нибудь сажени от него, – ни в каком случае не быстрее, а то он, пожалуй, догадается вернуться домой. Вам нужно только поддразнивать его, потихоньку катя шляпу вперед так, чтобы он ежеминутно был готов схватить ее и потому не считал даже нужным выпускать руки возлюбленной. Таким образом вы поведете его по Большой Королевской улице, вдоль земляного вала к Северным воротам и на площадь Высокого моста. Сколько же это приблизительно займет времени? Около получаса? Хорошо, ровно в половине второго я покажусь с Восточной улицы – парочка будет в это время как раз на середине площади – и вы произведете самое ожесточенное нападение: сорвете шляпу и с ее головы, размечете ее локоны, унесете ее вуаль. И в довершение всей этой кутерьмы его шляпа торжественно взойдется в воздух... выше... выше..., а ее вуаль бешено закрутится в пыльном вихре. Не я один, вся почтенная публика разразится громким хохотом, собаки залают, а полицейские возьмутся за свистки! Вы направите ее шляпу прямо ко мне, и я буду иметь счастье вручить ее ей. Все это было «во-первых», теперь «во-вторых»: отряд, следующий за мной, повинуется каждому моему движению. Он должен держаться в границах строгого приличия – сохрани боже оскорбить хотя бы одну хорошенькую девушку, позволить себе омрачить ее детски-веселое ясное настроение, спугнуть с ее уст светлую улыбку, погасить шаловливый огонек в глазах и заставить ее сердечко забиться от страха! Ослушники будут преданы проклятию! Итак, в погоню за радостью, весельем, юностью и красотой! Покажите мне то, что я так люблю и что никогда не надоедает мне: хорошеньких девушек, удвойте их красоту своей шаловливой резвостью, тор-

мошите их так, чтобы они все расцвели смехом и весельем! Место – широкая улица, время, как вам известно, лишь до половины второго.

Вот идет молоденькая девушка, разодетая с ног до головы. Да ведь сегодня воскресенье! Ну, за дело: освежите ее немножко, повеите тихой прохладой на ее лицо, ласкайте его своими невинными поцелуями. Ага! Я уже вижу, как нежный румянец разливается по щекам, губки алеют еще ярче, грудь волнуется. Что, дитя мое? Не правда ли, какое невыразимое наслаждение – вдыхать этот свежий, ласкающий ветерок? Маленький, белоснежный воротничок колышется, как листочек, она дышит полной грудью. Движение ножек замедляется, она как будто даже перестает двигать ими: свежее дуновение ветра несет ее на своих крыльях, как легкое облачко, как мечту. Теперь сильнее, сильнее! Вот она собирается с силами: руки прижимаются к груди, придерживая накидку, чтобы какой-нибудь нескромный шалунишка зефир не подкрался слишком близко и не проскользнул под легкий тюль корсажа. Румянец разгорается ярче, щеки становятся как-то полнее, глаза прозрачнее, поступь тверже и решительнее. Вообще борьба, вызывая наружу сокровенные силы души, возвышает и красоту всего человека. Все молодые девушки должны были бы влюбиться в зефиров: ведь ни один мужчина не сумеет подобно им, вселяя страх, увеличить красоту. Стан ее слегка сгибается вперед, головка наклоняется и взор упирается в носок башмачка. Стой! Стой! Довольно! Это уж чересчур! Платье ее раздулось, фигура расширилась и потеряла свои изящные очертания. Освежите ее немножко. Что, моя прелесть, славно ведь вновь почувствовать эту освежающую дрожь? Какое-то радостное сознание жизни разливается по всему существу. Так и хочется раскрыть горячие объятия. Она поворачивается боком. Теперь сильный порыв, чтобы я мог угадать красоту форм! Еще, еще! Надо, чтобы складки платья облегли ее плотнее. Нет, это слишком! Поза становится неграциозной, ножки путаются. Она опять повернулась прямо. На приступ теперь! Посмотрим, как-то она справится. Довольно! Локоны ее выбились из-под шляпы. Смотрите, не слишком вольничать!

... А вот идет интересное трио:
Одна уж страстно влюблена,
Другая спит и видит то же.

Да, правда, не бог весть как интересно идти под руку с левой стороны своего будущего зятя. Для девушки это то же, что для мужчины быть сверхштатным чиновником в палате. Но сверхштатный чиновник все-таки имеет в виду производство; он принимает также участие в делах и даже бывает очень полезен в некоторых экстраординарных случаях. На долю свояченицы, конечно, не выпадает право такого участия в делах семейной палаты, но зато ее производство совершается мгновенно, когда она получает новый чин – невесты. Дуйте же на них сильнее! Имея твердую опору, не трудно оказать сопротивление. Центр стремится вперед неудержимым и энергичным напором, «крылья» же не могут угнаться за ним. Он держится так твердо и непоколебимо, что ветер не в состоянии сбить его с позиции, он слишком тяжел для этого. Да, так тяжел, что даже «крылья» не могут поднять его с земли! Он продолжает себе лезть напролом, желая доказать свою устойчивую тяжесть, но зато тем больше страдают «крылья». Прелестные барышни, позвольте мне снабдить вас добрым советом: оставьте вашего будущего мужа и зятя, и попытайтесь идти одни – вы увидите, что это гораздо веселее и забавнее. Ну, теперь немного тише! Ай, ай, как они ныряют в волнах ветра, то оказываясь друг против друга, то несясь по тротуару боком. Ну какая же бальная музыка может вызвать большее оживление и веселье? Кроме того, ветер не утомляет, а удваивает ваши силы. Вот так галоп! Они летят рядом на всех парусах. Никакой вальс не может так соблазнительно увлечь молодую девушку. Главное, она нисколько не устает: ветер сам носит ее. Теперь они опять оборачиваются к будущему мужу и зятю. Неправда ли, маленькое сопротивление только подзадоривает?

Охотно борешься ведь, чтобы достигнуть желанного, и вы достигнете, по крайней мере, одна из вас. Любовь имеет своих невидимых покровителей, и нареченному нашему помогает попутный ветер. Ну не хорошо ли я все это устроил! Ведь если бы ветер дул вам прямо в спину – вы, пожалуй, промчались бы мимо него, но ветер дует навстречу, возбуждая своим сопротивлением какое-то приятное волнение. Ну, вот наконец вы падаете в объятия любимого человека. Дуновение ветра только разлило здоровый румянец на ваших щеках и сделало пурпурные губки еще соблазнительнее, холодное веяние охладило плод этих губок – горячий поцелуй, а он вкуснее всего именно в замороженном виде, когда и леденит и жжет, как замороженное шампанское! Как они смеются, болтают между собой! А шалуны зефиры перехватывают слова. Вот они опять хохочут, кланяются во все стороны по воле ветра, хватаются за шляпы и караулят свои ножки. Потиху теперь, не то молодые девушки, пожалуй, потеряют терпение, рассердятся и будут бояться вас! Bravo! Так, решительно, смело, правой ножкой вперед: раз, два, раз, два... Как она самоуверенно и бодро оглядывается вокруг. Если я не ошибаюсь, она тоже «под ручку», значит, невеста. Ну-ка, дитя мое, посмотрим, какой подарок достался тебе с жизненной елки. О, да! По всему видно, что это жених – первого сорта. Она, конечно, еще в первой поре влюбленности, т. е. любит его, может быть, страстно, но при этом сердце ее так широко и вместительно, что он занимает в нем лишь один уголок. На барышню, видимо, надет еще тот плащ любви, который может укрыть под собою многих сразу. Теперь начинайте! Да, когда идешь так быстро, то немудрено, что ленты шляпки и вуаль вьются на ветру, как крылышки; они как будто увлекают это воздушное создание. И сама любовь ее похожа на вуаль эльфа, которым играет ветерок. Конечно, если смотреть на любовь с такой точки зрения, она может показаться очень вместительной; когда же придется облечься в нее навсегда, когда вуаль перешьют на будничное платье – тогда многочисленные толчки и чужие бока окажутся, пожалуй, не по карману законному обладателю. Помилуйте, раз у человека хватило мужества сделать решительный шаг на всю жизнь, то хватит, вероятно, отваги и на борьбу с ветром. Кто осмелится усомниться в этом? Во всяком случае не я! Не надо, однако, горячиться так, моя милая, к чему горячиться попусту? Время – довольно суровый ментор, да и ветер тоже не из последних. Теперь подразните ее немножко! Так! Куда делся носовой платок? А, вы опять поймали его. Вот развязались ленты у шляпы! Как это неудобно для вашего суженого, шествующего рядом! А, навстречу идет одна из наших подруг – непременно нужно поздороваться с ней. Ведь это в первый раз вы показываетесь в качестве невесты и только для этого и пришли на Широкую улицу, намереваясь затем пройти на Лангелинию. Насколько мне известно, существует обычай: муж с женой в первое воскресенье после свадьбы ходят в церковь, а жених с невестой после обручения на Лангелинию. Обручение действительно имеет много общего с этой «длинной прогулкой». Теперь держитесь – ветер рвет шляпу, уцепитесь за нее обеими руками, наклоните голову, закройте глаза. Ах, какая досада! Так и не удалось поздороваться с подругой! Вот жалость! Не удалось раскланяться с ней, напустив на себя снисходительную мину превосходства, которая так приличествует невесте.

Теперь прошу, потиху! Все опять хорошо. Как она крепко ухватилась за руку своего возлюбленного! Она не идет с ним нога в ногу, а слегка забегает вперед, так что, повернув головку назад и подняв личико, может взглянуть на свои радость, надежду, счастье, на все свое будущее! Эх, дитя мое, не слишком ли ты пристрастна к нему? Не обязан ли он мне и ветру своим молодецким видом? Да и тебе приходится сказать спасибо мне и этому тихому ветерку, развеявшему твою досаду, за твой свежий, полный жизни, желаний и надежды вид.

Не надо мне студента,
 Что с книжкой ночь сидит,
 Мне дайте офицера,
 Что шпорами звенит!

Вот что написано в твоих бойких глазах! Студент тебе совсем не пара. Но зачем же непременно офицер? Не согласишься ли ты взять кандидата, ведь он уже кончил курс и бросил книжки? Впрочем, в настоящую минуту, у меня, к сожалению, нет в запасе ни того, ни другого. Зато я могу услужить тебе несколькими прохладными дуновениями. Дуньте-ка на нее слегка! Вот так, перекиньте ваш шарф через плечо и идите потихоньку, тогда щечки перестанут так гореть и лихорадочный блеск глаз несколько смягчится. Да, немножко моциона, особенно в такую чудесную погоду, да еще немножко терпения, и вы, наверное, поймаете себе офицера! А вот пара, так уж пара! Как раз созданы друг для друга! Какая твердая ровная походка, какая уверенность во взгляде, основанная на взаимном доверии, какая гармония в движениях, какая солидная основательность во всем! Движения их не отличаются особенной грацией; они не скользят по тротуару легкой и плавной поступью, нет, в их шагах заметна известная размеренность и непоколебимая твердость, внушающая невольное уважение. Я готов пари держать, что жизнь в их глазах – «путь», и, по-видимому, им самой судьбой суждено рука об руку пройти все радости и печали этого жизненного пути. Они до такой степени принадлежат друг другу, что она даже отказалась от своего права идти по плитам тротуара: она предоставляет это ему, сама же идет по камням. Ну, резвые зефиры, что вы так стараетесь около этой парочки? Кажется, тут не на что обратить особенное внимание. А может быть, и есть что-нибудь? Однако, половина второго: марш на место свидания!

30 июня

Трудно поверить, чтобы можно было с такой точностью предназначать постепенное развитие души человеческой. Впрочем, это лишь доказывает, насколько нормальна и здорова Корделия и умственно, и физически. Она в самом деле замечательная девушка! Правда, она тиха, скромна, без всяких претензий, и все-таки в ней кроются зачатки огромных, хотя и бессознательных, требований. Эта мысль впервые поразила меня сегодня, когда я увидел, как она затворила за собой дверь подъезда. Маленькое сопротивление ветра, казалось, привело в возбуждение все ее силы, а между тем борьбы еще не было. Да! Она не имеет ничего общего с этими крошечными женскими созданиями, которые могут проскользнуть меж пальцев и настолько нежны и хрупки, что боишься, как бы они не рассыпались от одного взгляда. Она не похожа и на претенциозно-пышный махровый цветок, все достоинство которого в одной наружной красоте. Я зорким взглядом врача с удовольствием наблюдаю за всеми симптомами ее душевного здоровья.

* * *

Мало-помалу я подвигаюсь в своих отношениях с ней, переходя к более прямым атакам. Если изобразить это наглядно на моей военной карте, то выходит все так: я слегка повертываю свой стул в ее сторону, сажусь к ней боком и время от времени вступаю с ней в разговор, выманивая у нее ответы. В ее натуре много горячности и страсти: душа ее свободна от стремления к оригинальности и тем не менее требует чего-то необыкновенного. Она, пожалуй, не прочь была бы прокатиться, как Фаэтон в солнечной колеснице по небесному своду, задевая землю и обжигая людей. Мои иронические насмешки над людской пошлостью, мелочностью, вялостью, трусостью и т. п. приковывают ее внимание. Но все-таки она не вполне полагается на меня, до сих пор я сам уклонялся от всякого, даже чисто духовного или умственного сближения. Прежде всего она должна хорошенько укрепиться в самой себе, а потом уже я позволю ей опереться и на меня. С первого взгляда на наши отношения может, пожалуй, показаться, что я и в самом деле хочу посвятить ее в свои масонские верования, но это только так кажется. Повторяю, она должна развиваться сама по себе, должна почувствовать упругость своих душевных сил, подержать на своих собственных плечах действительную жизнь. Ее успехи в этом отношении ясно сквозят в некоторых вырвавшихся у нее словах и брошенных взглядах. В одном из них, как я заметил, сверкнул даже уничтожающий гнев. Я не хочу, чтобы она была в духовной зависимости от меня, она должна быть вполне свободна: любовь может развиваться лишь на свободе, и одна свобода обуславливает приятное и вечно веселое времяпровождение. Вообще, я так искусно подготавливаю ее падение в мои объятия, что оно станет неизбежно по закону простого тяготения. При этом необходимо, однако, заботиться и о том, чтобы она не падала, как простая тяжесть, – ее падение должно быть естественным тяготением ума к уму. Она должна принадлежать мне, но это не значит, что она будет висеть на мне бременем, обузой в физическом и обязательством в нравственном смысле. В наших отношениях будет царить полная свобода. Корделия должна быть так легка, в духовном смысле, чтобы я мог поднимать ее с ее любовью одним взглядом.

* * *

Корделия занимает меня уже чересчур сильно. Я даже как будто теряю хладнокровное равновесие чувства, – не лицом к лицу с ней, а в те минуты, когда остаюсь с ней наедине в

строгом смысле слова, то есть один с собой. Иногда мне страстно хочется взглянуть на нее – не для того, чтобы поговорить с ней, но чтобы образ ее хоть на мгновение рассеял мою нетерпеливую тоску. И я часто крадусь вслед за ней по улице: мне не надо, чтобы она заметила меня – я хочу только сам насмотреться на нее. Третьего дня вечером мы вышли втроем от Бакстеров. Эдвард по обыкновению вызвался провожать ее, а я, наскоро простившись, кинулся в соседнюю улицу, где ждал меня мой слуга. В мгновение ока я переменял плащ и, обогнув квартал, встретил ее еще раз; она конечно не узнала меня. Эдвард, по своему похвальному обычаю, был нем как рыба.

Да, я влюблен, но только не в обыкновенном смысле этого слова. В противном случае мне пришлось бы остерегаться, так как подобные отношения могут иметь самые опасные последствия: влюбляются ведь, как говорят, только раз в жизни. Впрочем, бог любви слеп, и умный человек может, пожалуй, надуть его, и не раз. Все дело в том, чтобы быть восприимчивым к впечатлениям и всегда сознавать, какое именно впечатление производишь на девушку ты и какое производит на тебя она. Таким образом можно любить нескольких разом, так как в каждую будешь влюблен по-своему. Любить одну – слишком мало, любить всех – слишком поверхностно, а вот изучить себя самого, любить возможно большее число девушек и так искусно распорядиться своими чувствами и душевным содержанием, чтобы каждая из них получила свою определенную долю, тогда как ты охватил бы своим могучим сознанием их всех, – вот это значит наслаждаться, вот это значит жить!

3 июля

Эдварду, собственно говоря, нет причин жаловаться на меня. Положим, я действительно хочу, чтобы Корделия, досыта насмотревшись на своего поклонника, на его влюбленные взгляды и манеры, потеряла всякий вкус к подобной любви, так как знаю, что тогда она переступит узкие границы обыденного. Но для этого нужно, чтобы Эдвард не казался ей карикатурой. И надо отдать ему справедливость, он не только то, что принято называть приличной партией, – это еще ничего не значит в глазах семнадцатилетней девушки, – но и вообще очень милый и симпатичный молодой человек. А я, в свою очередь, как костюмер и декоратор стараюсь выставить его в еще более выгодном свете, облакая его различными достоинствами, насколько хватает моего умения и его средств; случается, впрочем, ссужать его этими достоинствами и напрокат. Когда мы отправляемся вместе к Корделии, то мне бывает как-то странно идти с ним рядом: он как будто мой брат, мой сын и в то же время – мой друг, мой сверстник, мой соперник! Опасным, впрочем, он для меня не будет, и я могу сколько угодно возвышать его достоинства, зная наверно, что падение его неизбежно. Действуя таким образом, я лишь вызову у Корделии более ясное и отчетливое представление о том, чем она пренебрегает и чего, собственно, требует. Я помогаю ей разобраться в своих чувствах и в то же время делаю для Эдварда все, что только один друг может сделать для другого. Стараясь резче оттенить мою собственную холодность, я иногда горячо нападаю на Эдварда за его мечтательность. Да, если он сам не умеет хлопотать за себя, то делать нечего, приходится мне вывозить его на собственных плечах.

5 июля

Корделия, как видно, боится меня. Чего может бояться в мужчине молодая девушка? Превосходства ума. Почему? Потому что он обнаруживает всю непосредственность ее женского существа. Красота в мужчине, изящные манеры, остроумие – все это прекрасные данные, чтобы понравиться молодой девушке, пожалуй, даже влюбиться ее в себя, но одержать этим серьезную победу – нельзя! Почему? Потому что в таком случае приходится сражаться с девушкой ее же собственным оружием, которым она так искусно владеет сама. Употребляя его, можно заставить девушку покраснеть, стыдливо опустить глаза, но никогда нельзя вызвать этого внезапно охватывающего все ее существо трепета, благодаря которому красота ее становится интересной.

* * *

Каждый должен знать свои собственные силы, и ничто меня так не бесит, как отсутствие ловкости у людей, обладающих иногда недюжинными дарованиями. В сущности дело обольщения должно бы вестись так, что при первом взгляде на молодую девушку, жертву своей или чужой любви, сразу можно было бы угадать, кем и как была она обольщена. Опытный убийца, например, всегда наносит известный, своеобразный удар, и привычный глаз сыщика при виде раны сразу узнает руку злодея. Но где встретишь теперь таких идеально систематических обольстителей и тонких психологов? Обольстить девушку значит для большинства просто лишь обольстить ее и точка, тогда как в этом выражении скрыта целая поэма.

* * *

Как женщина – она ненавидит меня, как женщина развитая – боится, и как умная – любит. Вот борьба противоречий, которую я впервые возбудил в ее душе. Моя гордость, вызывающий тон, насмешливость и безжалостная ирония пленяют ее, но не в том смысле, чтобы она готова была влюбиться в меня, – ей просто хочется соперничать со мной в этой гордой независимости мнений, этой свободе и непринужденности жизни, вольной, как жизнь свободолобивых сынов пустыни. Кроме того, моя ирония и некоторые странности характера не допускают никакого эротического излияния с ее стороны. Ее обращение со мной вообще довольно свободно, и если она бывает иногда настороже, то лишь в умственном отношении, а не как женщина. Она далека от мысли иметь во мне поклонника, и отношения наши – просто дружеские отношения двух умных людей. Случается, что она берет меня за руку, жмет ее, улыбается мне, словом, оказывает некоторое внимание, но все это в чисто платоническом смысле. Часто, когда иронизирующий насмешник уже достаточно раздражил ее, я следую словам одной старинной песни:

Рыцарь красный свой плащ расстилат,
Милой сесть на него предлагает...

С той лишь разницей, что я расстилаю свой плащ не для того, чтобы усесться рядом с Корделией на земле, а чтобы подняться с ней на воздух в отважном полете фантазии. Иногда же я совсем не беру ее с собой, а, оседлав Пегаса, уношусь в воздушные сферы и, приветствуя ее и посылая воздушные поцелуи, поднимаюсь все выше и выше. Наконец я достигаю такой головокружительной высоты, что она не может более следовать за мной взором, а лишь слышит

шелест крыльев парящей мысли. Ей страстно хочется следовать за мной в этом смелом полете, но он длится лишь несколько мгновений, затем я становлюсь по-прежнему холоден и сух.

10 июля

Есть разные виды и оттенки румянца. Бывает, например, грубый, кирпичный румянец, его всегда так много в запасе у всех сочинителей романов, и они заставляют своих бедных героинь краснеть чуть ли не с головы до пят. Но есть другой румянец, тонкий и нежный, это – заря зарождающегося сознания. У молодой девушки он неоценим! Яркий, быстро вспыхивающий румянец, сопровождающий внезапно озарившую чело мысль, прекрасен и на лице взрослого мужчины, еще лучше у юноши, и чудно хорош у молодой девушки. Это блеск молнии, зарница высшего разума! И этот румянец так хорош у юноши и так идеально прекрасен у молодой девушки именно благодаря примеси девственной стыдливости, захваченной врасплох. Увы, чем дольше живет человек на свете, тем реже у него появляется румянец.

* * *

Иногда я читаю Корделии что-нибудь вслух – в большинстве случаев вещи самого безразличного содержания. Эдвард, как и всегда, служит здесь ширмой для меня. Я сказал ему, что самый удобный случай для завязки отношений с молодой девушкой – это снабжать ее книгами. Он, конечно, в выигрыше от этого совета. Корделия питает к нему теперь немалую признательность. Но больше всех выигрываю, конечно, я: я руковожу выбором книг и могу дать Корделии все, что захочу, не рискуя при этом быть заподозренным, так как остаюсь в стороне – книги приносит Эдвард. Кроме того, я приобретаю благодаря этому обширное поле для моих наблюдений. Вечером мне, как будто невзначай, попадается на глаза новая книга, я беру ее, небрежно перелистываю, иногда прочитываю что-нибудь вполголоса и хвалю Эдварда за его внимательность к Корделии. Вчера вечером мне захотелось произвести маленький эксперимент, чтобы убедиться в упругости душевных сил Корделии, причем я немного колебался, не зная, на чем остановить свой выбор: на стихотворениях Шиллера, из которых я, как бы нечаянно открыв книгу, прочел бы «Жалобу девушки», или на балладах Бюргера. Наконец, я остановился на последних, главным образом потому, что «Ленора» при всех своих неоспоримых достоинствах все-таки немного вычурна. Я раскрыл книгу и прочел балладу вслух со всем чувством, на какое только способен. Корделия была заметно взволнована, пальцы ее продергивали иголку с такой лихорадочной быстротой, как будто Вильгельм должен был придти за ней самой. Тетка отнеслась к чтению довольно безучастно: во-первых, ей уже нечего опасаться ни живых, ни мертвых Вильгельмов, во-вторых, она не особенно сильна в немецком. Зато она почувствовала себя вполне в своей сфере, когда я, окончив чтение и показав ей прекрасный переплет книги, завел пространный разговор о переплетном мастерстве. Этим резким переходом от поэзии к прозе я хотел уничтожить в Корделии патетическое впечатление от баллады, почти в ту же минуту, как оно было вызвано. Я заметил, что она даже вздрогнула от этой неожиданности, ей стало как-то неловко.

14 июня

Сегодня взор мой в первый раз остановился на ней. Говорят, Морфей давит своей тяжестью веки, и они смыкаются; мой взор произвел на нее такое же действие. Глаза ее закрылись, но в душе поднялись и зашевелились смутные чувства и желания. Она более не видела моего взгляда, но чувствовала его всем существом. Глаза смыкаются, кругом настает ночь, а внутри ее светлый день!

* * *

Эдварда пора спровадить! Он теперь на последнем градусе влюбленности – того и гляди, объяснится. Мне его душевное состояние известно лучше, чем кому-либо, так как он вполне доверяет мне, и я сам поддерживаю в нем эту ненормальную экзальтацию, чтобы сильнее подействовать на впечатлительную натуру Корделии. А все же рискованно допустить Эдварда до решительного объяснения. Положим, я знаю наверное, что он получит отказ, но на этом дело, пожалуй, не кончится. Эдвард, конечно, так горячо примет к сердцу ее отказ, что может взволновать и растрогать девушку, чего нельзя допустить ни в каком случае. Я не боюсь, что она возьмет свой отказ обратно, но девственная гордость ее сердца будет уже потрясена этим проблеском чистого сострадания, и все мои расчеты на Эдварда пойдут прахом.

16 июня

Мои отношения с Корделией должны получить толчок, побуждающий меня к скорейшему драматическому развитию действия. Что-нибудь да должно произойти. Оставаясь простым наблюдателем, я рискую упустить удобную минуту. Мне необходимо застать ее врасплох, но для этого нужно держать ухо востро. Я знаю, что чем-нибудь необыкновенным ее не удивишь, по крайней мере не так сильно, как мне надобно, поэтому придется устроить дело так, чтобы причина самого удивления лежала именно в необыкновенной обыденности и простоте явления. Затем, однако, мало-помалу откроется, что за этой кажущейся простотой и обыденностью скрывается, в сущности, нечто поразительное. Таков закон «интересного» в жизни и, следовательно, закон для моих действий по отношению к Корделии. Вообще, важнее всего – это застать человека врасплох: внезапное нападение отнимет у него энергию и лишит его возможности быстро справиться с впечатлением, какого бы рода оно ни было, т. е. действительно ли случилось нечто необычайное или, напротив того, самое обыкновенное. Я до сих пор еще с некоторым удовольствием вспоминаю о своей отчаянной попытке обратить на себя внимание одной дамы из высшего общества. Я долгое время выслеживал ее всюду, выжидая подходящего случая, и вдруг в один прекрасный день встретил ее на улице совершенно одну. Я был уверен, что она не знает меня, не знает, городской ли я житель или приезжий, и мгновенно составил план действия. Я постарался столкнуться с ней лицом к лицу, причем отшатнулся и бросил на нее грустный, почти умоляющий взор, в котором блестели слезы. Затем снял шляпу и мечтательно-взволнованным голосом произнес: «Ради бога не сердитесь, милостивая государыня, но в ваших чертах такое поразительное сходство с дорогой мне особой, которую я так давно не видал! Умоляю вас, простите мне мое странное поведение!». Она сочла меня за идеалиста-мечтателя, а женщинам вообще ведь нравится известная доза мечтательности в мужчине, благодаря которой они могут чувствовать свое превосходство и сострадательно улыбнуться над беднягой. Так и случилось: она улыбнулась и стала еще прелестнее, затем кивнула мне с очень снисходительно-важной миной, и продолжила свою дорогу.

Я позволил себе пройти рядом с ней шага два и простился. Встретив ее во второй раз несколько дней спустя, я осмелился поклониться – она рассмеялась. Да, терпение – величайшая добродетель.

18 июля

Есть много различных средств поразить воображение Корделии и взволновать ее пока еще безмятежное сердце. Я мог бы поднять в нем такую эротическую бурю, такой ураган страсти, который в состоянии был бы вырывать с корнями деревья, и уж, конечно, вывел бы ее сердце из тихой пристани, порвав цепи всех якорей, которыми оно так крепко держится за окружающую ее родную почву. Словом, ничего невозможного, и попытка моя могла бы увенчаться успехом. Раз в сердце девушки заглясь страсть, можно довести ее до чего угодно. Но подобные приемы совсем не в моем вкусе. Как чистый эстетик, я вообще не люблю головокружения и могу посоветовать применять это средство лишь по отношению к таким девушкам, которые иначе неспособны ни на какое поэтическое возрождение. Во всех же других случаях сильная экзальтация девушки может только лишить мужчину истинно эстетического наслаждения. Применив это средство к Корделии, я бы в несколько глотков осушил до дна чашу наслаждения, тогда как при другом, более разумном образе действий, мне хватит ее надолго, да и само наслаждение будет куда полнее и богаче содержанием. Корделия не создана для минутного опьяняющего наслаждения, и этим ее не покорить. Мой внезапный взрыв, может быть, ошеломил бы ее в первую минуту и больше ничего: это было бы слишком в унисон смелым порывам ее собственной души. Простое предложение руки и сердца и, затем, официальная помолвка будут, пожалуй, самыми действенными средствами. Она будет поражена куда сильнее, услышав это прозаическое предложение, нежели впитывая яд моего красноречия и прислушиваясь к биению своего сердца в такт другому. Самое несносное в официальной помолвке – ее этическая подкладка. Этика, по-моему, одинаково скучна и в науке, и в жизни. Ну как же сравнить, в самом деле, этику с эстетикой? Под ясным небом эстетики все прекрасно, легко, грациозно и мимолетно, а стоит только вмешаться этике, и все мгновенно становится тяжеловесным, угловатым и бесконечно скучным. Помолвка, впрочем, не страдает еще той строгой этической реальностью, как самый брак, она имеет значение лишь *ex consensu gentium*. Этического элемента в помолвке содержится лишь столько, сколько нужно, чтобы Корделия получила впоследствии ясное представление о том, что переходит границы обыденной житейской морали, и в то же время этот этический элемент не носит такого серьезного характера, чтобы произвести опасное потрясение души. Что же до меня, то я всегда питал ко всему этическому большое уважение и держался от него на самом почтительном расстоянии. До сих пор я еще никогда не бросил ни одной девушке даже самого легкого намека на брак, теперь я, по-видимому, готов сделать эту уступку. Но эта уступка лишь мнимая: я сумею повернуть дело так, что она сама возвратит мне слово. Вообще же рыцарская гордость с презрением отвергает всякие обязательства и обещания. Судья, выманивающий сознание преступника обещаниями прощения и свободы, достоин в моих глазах одного презрения, он как бы сам признает свою несостоятельность. Я не желаю обладать ничем, что не будет отдано мне вполне свободно и добровольно. Пусть заурядные обольстители довольствуются рутинными приемами; по-моему же, тот, кто не умеет овладеть умом и воображением девушки до такой степени, чтобы она видела лишь то, что ему нужно, кто не умеет покорить силой поэзии ее сердце так, чтобы все его движения всецело бы зависели от него, тот всегда был и будет профаном в искусстве любви! Я ничуть не завидую его наслаждению: он профан, а этого названия никак нельзя применить ко мне. Я – эстетик, эротик, человек, постигший сущность великого искусства любить, верящий в любовь, основательно изучивший все ее проявления и потому взявший право оставаться при своем особом мнении относительно ее. Я утверждаю, что любовная история не может продолжаться дольше полугода и что всякие отношения должны быть прекращены, как только наслаждение исчерпано до дна. Я убежден в справедливости своего мнения, так же как и в том, что быть любимым больше всего на свете беспредельной пламенной любовью – высшее наслажде-

ние, какое только может испытать человек на земле. Есть еще один путь. Я мог бы устроить ее помолвку с Эдвардом, сохраняя свое положение домашнего друга, и Эдвард по-прежнему бы доверял мне, так как мне одному он был бы обязан своим счастьем: с одной стороны, это было бы для меня даже удобнее – я оставался бы в тени. Но, с другой стороны, Корделия как невеста Эдварда потеряла бы для меня часть своего обаяния: отношения с ней стали бы тогда более пикантны, чем интересны. Нет, первый проект – моя собственная помолвка с ней – представляет неоспоримые преимущества перед всеми другими, прозаический элемент помолвки лучший резонатор для «интересного».

20 июля

Все приобретает какой-то особенный отпечаток в доме Валь. Как-то смутно чувствуется, что в обыденных формах начинает шевелиться новая внутренняя жизнь, которая скоро так или иначе проявит себя. В воздухе пахнет свадьбой. Поверхностный наблюдатель предположил бы, пожалуй, что поженимся мы с теткой. Подумать только, что бы вышло из такого брака в смысле распространения сельскохозяйственных сведений в будущих поколениях! И я стал бы дядей Корделии! Вообще, я поборник свободной мысли, и нет предположения настолько нелепого, чтобы я не посмел довести его мысленно до конца. Корделия, видимо, боится объяснения со стороны Эдварда, а он надеется, что объяснение это решит все. Что же, он и не ошибается. Надо, однако, избавить его от неприятных последствий такого шага, да и пора, наконец, совсем уволить его в отставку – он положительно мешает мне. Особенно чувствовал я это сегодня. Сидит с такой мечтательно-влюбленной физиономией, что можно подумать: вот он вскочит и, как лунатик, сам того не сознавая, признается в своей любви при всей честной компании. Я не выдержал и подарил его моим особенным взглядом: как слон поднимает с земли тяжесть своим хоботом, так я своим взглядом приподнял и перебросил Эдварда через спинку его стула. Положим, он остался на стуле, но я уверен, что он испытал такое же ощущение, как если бы это случилось с ним действительно. Корделия обращается со мной уже не так непринужденно, как прежде. В ее обращении, взамен прежней женской уверенности, стала заметна какая-то нерешительность. В этом нет, однако, ничего особенно важного, и ничего не стоило бы сейчас же переделать все по-старому. Но мне этого не нужно, – еще несколько наблюдений, и я буду просить ее руки. Препятствий никаких не предвидится: Корделия будет поймана врасплох и озадачена моим предложением настолько, что не откажет, тетка же скажет свое сердечное «аминь». Хорошая женщина будет вне себя от восторга при мысли получить такого сельскохозяйственного зятя. Зять! Как все, однако, переплетается, точно стебли плюща, стоит перешагнуть в пределы брачной области! Собственно говоря, я буду приходиться ей не зятем, а племянником, или, вернее, даст бог, ни тем, ни другим.

23 июля

Сегодня я воспользовался слухом, пущенным под сурдинку мной же, что я влюблен в одну молодую девушку. Через Эдварда слух этот достиг ушей Корделии. Теперь она исподтишка с любопытством следит за мной, боясь, однако, спросить. Ей крайне интересно удостовериться в этом, во-первых, потому, что это чересчур невероятно, по ее мнению, а во-вторых, потому, что это послужило бы оправдывающим примером для нее самой: если уж такой холодный ироник, как я, позволил себе влюбиться, то ей и подавно незачем особенно стыдиться этого. Итак, сегодня я завязал разговор на эту тему. Рассказывать о чем-нибудь так, что сама суть рассказа не пропадает, а слушатели в то же время не догадываются преждевременно о сути, – обманывать и дразнить при этом их нетерпеливое ожидание, и, наконец, ловко выпытывать, какого конца они сами желали бы, – это одно из любимых моих удовольствий. И я – большой мастер ставить своих слушателей в тупик, употребляя в своем рассказе такие выражения, которым можно придать и тот и другой смысл. Вообще, если нужно сделать какие-нибудь важные наблюдения, вывести кое-что у известного лица, то я советую всегда держать длинную речь, т. к. в обыкновенном разговоре собеседнику легче увернуться и скрыть свои впечатления ответами или новыми вопросами. Итак, я начал речь с торжественно-серьезной миной, обращая преимущественно к тетке: «Не знаю, приписать ли это доброжелательству друзей или злобе врагов, – у кого нет в избытке и тех и других?». Тут тетка вставила замечание, которое я постарался подхватить и дополнить пространными объяснениями, чтобы еще подстегнуть нетерпеливо-напряженное внимание Корделии, которая, конечно, не могла позволить себе прервать наши, видимо, серьезные разглагольствования. Наконец я продолжил: «Или же приписать это простому случаю, *generatio aequivoca* слуха (иностранное выражение, незнакомое Корделии, произнесенное вдобавок с неверной интонацией и приправленное лукавой улыбкой, как будто в нем-то и заключалась вся суть, еще больше заинтриговало Корделию) – во всяком случае, я, несмотря на свою скромную, почти ни для кого не нужную жизнь, стал вдруг предметом толков о моем сватовстве к одной барышне (Корделии, видимо, недоставало объяснения, к какой именно). Повторяю, я решительно не знаю, кому приписать распространение этого слуха: друзьям ли – так как неоспоримо, что влюбиться вообще большое счастье для человека (Корделию как будто толкнуло что-то), или врагам – так как предполагать, что это счастье выпало на долю именно мне, положительно смешно (ее как будто отбросило в противоположную сторону), случаю ли, наконец, – так как для него не нужно никаких оснований, или, как я уже сказал, *generatio aequivoca* слуха – так как вся эта история, пожалуй, не что иное, как плод досужего измышления чьей-нибудь пустой головы». Тетка с чисто женским любопытством принялась допытываться, кто эта девушка, с которой добрым людям вздумалось обручить меня. Я ловко увернулся от этих расспросов. Рассказ мой, кажется, произвел некоторое впечатление на Корделию, и акции Эдварда, пожалуй, даже несколько поднялись в цене.

Решительная минута приближается. Я мог бы письменно обратиться к тетке, прося у нее руки Корделии – это ведь самый ординарный прием в сердечных делах, как будто сердцу свойственнее писать, чем говорить. Единственное, что могло бы говорить в пользу этого приема – обыденный, чисто мещанский пошиб его, но зато мне пришлось бы проститься с мыслью о сюрпризе, которым бы оказалось мое предложение для Корделии и которым мне нужно озадачить ее.

Будь у меня какой-нибудь преданный друг, он бы, пожалуй, сказал: «Хорошо ли ты обдумал этот серьезный шаг? Ведь от него зависит вся твоя будущность и счастье другого лица». В таких предостережениях и советах и заключается выгода иметь преданного друга. У меня нет такого друга – вопрос о том, выгода это или ущерб для меня, я оставляю открытым, но то, что я избавлен от его советов, я считаю несомненной выгодой. Советы мне совсем не нужны,

я слишком строго взвесил и рассчитал все. Препятствий нет никаких, и я перехожу на ампула жениха. Скоро моя скромная особа озарится некоторым ореолом: я перестану быть простым смертным и сделаюсь «партией», даже очень хорошей партией, как скажет тетушка. Да вот кого мне будет впоследствии искренно жаль, так это тетушку: она любит меня такой нежной, сердечной сельскохозяйственной любовью! Она почти обожает меня, так как видит во мне свой идеал.

27 июля

Не в первый раз предстоит мне объясняться в любви, но вся моя опытность не служит в данном случае ничему: это объяснение ничуть не походит на прежние. Поэтому я должен тщательно подготовить свою роль и выбрать нужную маску, в чем я и упражняюсь вот уже некоторое время. Я перебираю мысленно все оттенки, которые можно было бы придать моему объяснению с Корделией. Сделать его эротическим было бы рискованно: этим я преждевременно могу вызвать в ней чувство, которое по моему плану должно было разгораться в ней постепенно, становясь все сильнее и сильнее. Придать ему чересчур серьезный характер также опасно: в такие торжественные минуты душа девушки и без того как-то наэлектризовывается, напрягается в каком-то неестественном возбуждении, как душа умирающего в последнюю минуту. Тривиально-шутливый оттенок не гармонировал бы с моей прежней маской, ни с новой, которую я собирался надеть. Ирония и остроумие будут в том случае так же неуместны. Итак, всего вышеперечисленного нужно избегать. Если бы для меня, как для большинства женихов, вся суть заключалась в одном робком «да», сорвавшимся с уст возлюбленной, задача упростилась бы донельзя. Положим, это «да» нужно и мне, но оно не составляет всей сути дела. Как ни заинтересован я Корделией, но есть все-таки условия, при которых я не согласился бы принять ее «да». Я совсем не гонюсь за тем, чтобы обладать ею в реальном смысле, моя главная мечта наслаждаться ею в художественно-эстетическом смысле. Поэтому и объяснение мое должно быть вполне художественным, так чтобы на все положение был наброшен своего рода туманный и загадочный покров, под которым скрывались бы всевозможные возможности. В случае, если она не поверит мне и сразу заподозрит обман, то сделает большую ошибку – я совсем не обманщик в прямом смысле этого слова; если же она увидит во мне глубоко и верно любящего человека, она также впадет в заблуждение. Я постараюсь, чтобы она вообще не успела собраться с мыслями и остановиться на чем бы то ни было; дать ей время прийти в себя крайне опасно: взор девушки становится в такие минуты почти ясновидящим, как взор умирающих. Милая Корделия! Я должен отнять у тебя нечто прекрасное, но постараюсь вознаградить тебя, насколько это в моей власти. Итак, решено: объяснение мое должно носить простой и обыкновенный характер, так чтобы она, давая свое согласие, не умела объяснить себе, что, собственно, кроется в подобных отношениях. Бесконечная возможность предположений набросает необходимый фон «интересного» для будущих отношений. Если же она сумеет уяснить себе значение происходящего, все мои планы разлетятся вдребезги и отношения с ней потеряют всякий интерес. Она не может дать согласие из любви ко мне: я знаю, что она пока еще не любит меня. Самое лучшее, если мне удастся повернуть дело так, что поступок превратится в случай, так что она даст свое согласие как-то бессознательно и сама потом скажет: «Бог знает, как все это вышло!».

31 июля

Сегодня я писал для одного из моих приятелей любовное послание. Это занятие всегда доставляло мне большое удовольствие. Довольно интересно ведь быть посвященным в такие обстоятельства. Я располагаюсь возможно удобнее, беру сигару, закуриваю и приступаю слушать доклад влюбленного. Последний выкладывает передо мною письма от предмета своей страсти (мне вообще очень интересно знакомиться с тем, как пишут молодые девушки), сам садится рядом, как влюбленный кот, и начинает читать эти письма вслух. Я иногда прерываю это чтение лаконичными замечаниями вроде «недурно пишет», «у нее есть чувство», «вкус», «однако она осторожна», «верно, не в первый раз» и т. п. Кроме чувства понятного интереса, я испытываю еще и чувство некоторого самодовольства: ведь я творю доброе дело – помогаю двум влюбленным соединиться! И так как должные дела требуют награды, то я и вознаграждаю себя: за каждую осчастливленную парочку я высматриваю себе новую жертву и на двух счастливых делаю одну несчастной. Словом, я очень честен и добросовестен, никогда не обманываю ничьего доверия. Маленькие шалости, конечно, не считаются, это лишь законный процент.

А почему я пользуюсь таким доверием? Потому что знаю древние языки, тружусь, всегда держу в тайне свои маленькие приключения и никогда не злоупотребляю оказанным мне доверием.

2 августа

Минута настала. Сегодня я мельком увидел тетку на улице. Эдвард был в таможене, следовательно, я наверное мог рассчитывать застать Корделию одну. Так и случилось. Она сидела за рабочим столиком. Мой утренний визит несколько взволновал ее. Минута чуть не приняла чересчур серьезного оттенка, и случись это, не Корделия была бы тому причиной: она быстро оправилась от своего смущения, но я сам едва мог совладать с собой – такое сильное впечатление произвела на меня молодая девушка. Она была так прелестна в своем простеньком утреннем ситцевом платье, с розой у корсажа. Она сама была похожа на этот свежий, едва распустившийся цветок! И кто знает в самом деле, где проводит ночь молодая девушка? Я думаю – в стране фантазий и золотых грез, там только можно почерпнуть эту юную свежесть и нежность красок! Все существо Корделии дышало такой юностью и в то же время такой полнотой созревшей жизни, как будто мать-природа только что выпустила ее из своих нежных объятий. Я как будто сам присутствовал при этом трогательном прощании, когда эта любящая мать в последний раз прижала ее к своей груди и сказала: «Ступай теперь в свет, дитя мое, я сделала для тебя все, что могла, и пусть мой прощальный поцелуй будет печатью, охраняющей святыню твоей девственной души. Никто не может сорвать ее без твоего согласия, и ты сама почувствуешь, когда этому настанет пора!». И она действительно запечатлела на устах девушки свой божественный поцелуй, не отнимающий что-либо, как поцелуй человеческий, а дарящий сам, дарящий девушке силу поцелуя. Как бесконечно мудра природа! Она дает мужчине дар слова, а девушке красноречие поцелуя! Этот поцелуй Корделия носила на устах своих, прощальное лобзание природы на челе и радостное приветствие во взоре. Она казалась светлой гостьей в собственном доме, была невинна и неопытна, как дитя, и в то же время исполнена того благородного девственного достоинства, пред которым невольно преклоняются люди. Вскоре, однако, я справился со своим волнением и стал по-прежнему бесстрастен и торжественно глуп, как это подобает, если хочешь отнять всякий смысл у действия, полного глубокого значения. Начав несколькими общими фразами, я перевел разговор на тему, более подходящую к случаю, и наконец изложил ей свою просьбу. Вообще, довольно скучно слушать человека, говорящего по-книжному, а между тем иногда очень полезно говорить так. Надо сказать, что книга имеет замечательное свойство: ее содержание можно истолковать как угодно, и я поэтому не выходил из рамок книжной речи. Корделию очень удивило мое предложение, что, конечно, вполне естественно. Трудно, однако, описать выражение ее лица в ту минуту – оно отразило столько впечатлений сразу, что его, пожалуй, можно было сравнить с комментариями к моей еще не изданной книге. Комментарии эти предлагают вам выбор всевозможных истолкований. Стоило мне прибавить еще одно слово – и она могла засмеяться надо мною, и она могла расстрогаться, одно слово – и она замяла бы разговор. Но ни одного такого слова не вырвалось у меня; я оставался торжественно-глупым, держась по всем правилам жениховского этикета. Что же она ответила мне? «Она так еще недавно познакомилась со мной, что»... Ах боже мой! Такие затруднения встречаются только на узкой тропинке, ведущей к браку, а не на усыпанном цветами пути любви!

Однако, я все-таки немного ошибся в своих расчетах: развивая мысленно свой план общения с Корделией, я заранее решил, что она, пойманная врасплох, скажет «да»: вышло не так, она не сказала ни «да», ни «нет», а отослала меня к тетке. Я должен был предвидеть это! Впрочем, все же мне везет, такой результат, пожалуй, лучше всего.

* * *

Тетка дает свое согласие, – в этом я нимало не сомневался, – Корделия следует ее совету. Нельзя, значит, похвалиться, чтобы помолвка моя имела поэтический оттенок, она совершилась по известному шаблону: невеста сама не знает, сказать ли ей «да» или «нет», но тетка говорит «да», и она вторит ей... Я беру невесту, она берет меня, и теперь-то начнется настоящее!

3 августа

Ну вот я и жених, а Корделия невеста. И это, кажется, все, что она знает относительно своего положения. Будь у нее подруга, она могла бы признаться ей в задушевном разговоре, что решительно ничего не понимает во всем этом, что ее влечет ко мне какое-то необъяснимое чувство, что она как-то странно покоряется моему желанию не из любви, потому что вовсе не любит меня, да и никогда, пожалуй, не полюбит, а просто потому, что она, как ей кажется, может прожить со мной довольно счастливо, так как, по-видимому, я не из «требовательных» и удовольствуюсь ее «уживчивым характером». Дорогая моя! Быть может, ты ошибаешься: я потребую от тебя многого... но, пожалуй, меньше всего уживчивости! Из всех нелепых обычаев житейских помолвка – самый нелепейший. В браке все-таки есть известный смысл, хотя и не совсем удобный для меня, но помолвка! Это выдумка, отнюдь не делающая чести своему изобретателю. Помолвка ни то, ни се и относится к любви точно так же, как звездочки подпоручика к лампасам генерала. Ну вот и я теперь запрягся в эту лямку и, пожалуй, не без пользы для себя. Старый балаганный рецензент Тропп не без основания говорит: «Лишь побывав в шкуре балаганного артиста, получишь право судить других артистов». А помолвка? Разве это не балаганщина своего рода?

* * *

Эдвард вне себя от злости: отпустил бороду и сбросил свою черную пару. Это не к добру! Он хочет, кажется, поговорить с Корделией и вывести на чистую воду мое лукавство. Вот это будет потрясающая сцена: Эдвард, небритый, небрежно одетый, говорящий в азарте громким голосом! Только бы он не подвел меня своей бородой in spe! Напрасно я стараюсь урезонить его, объясняя, что наша помолвка дело рук самой тетушки и что Корделия, может быть, чувствует симпатию к нему, что я готов уступить ему свое место, если он сумеет завоевать ее сердце и т. д. С минуту он как будто колеблется: и в самом деле, не сбрить ли бороду и не купить ли новый фрак? Но затем вдруг опять обрушивается на меня. Я думаю все-таки, что мне удастся сохранить наши добрые отношения: ведь как он ни сердится на меня, а шагу не сделает без моего совета. Он не забыл еще, какую пользу приносило ему мое менторство. Да и мне не хочется отнять у него последнюю опору и окончательно поссориться с ним. В сущности, он славный малый, и кто знает, что может случиться со временем?

5 августа

Теперь мне предстоит великая задача: во-первых, подготовить внешний разрыв с Корделией, чтобы доставить себе в будущем высшие и прекраснейшие минуты наслаждения; во-вторых, как можно лучше воспользоваться периодом помолвки, насладиться вдоволь ее девственной прелестью и миловидностью, словом, всем, чем так щедро одарила ее природа, не забегая, однако, вперед. Когда же я научу ее понимать смысл любви, и в особенности любви ко мне, тогда пусть порвутся внешние цепи – она моя!

Другие, напротив, начинают с такого обучения, а добившись результата, надевают на себя цепи помолвки, в ожидании награды добродетельно-скучным браком, но это их дело. В наших отношениях пока еще полное status quo, но ни один жених в мире, ни один скряга, нашедший нечаянно золотую монету, не может быть счастливее, довольнее меня. Я упоен сознанием, что она наконец принадлежит мне. Ее чистая невинная душа прозрачна, как небо, глубока, как море, ни одно эротическое облачко не скользнуло еще по этой девственной лазури! Теперь пора: она должна узнать от меня, какая сила скрывается в любви. Как принцесса, внезапно возведенная из мрака темницы на трон предков, она будет перенесена мною в родное ей царство любви. Да, все это сделаю я, так что она, учась любить вообще, будет учиться любить меня, а когда осознает, что научилась любить у меня, полюбит меня вдвое сильнее. Мысль о таком счастье положительно опьяняет меня!

Душевные силы моей Корделии еще не ослаблены и не растрчены теми неопределенными порывами любви, которые так часто испытывают другие девушки, теряющие вследствие этого способность любить сильно, определенно и нераздельно. В их воображении вечно носится какой-то смутный образ, принимаемый ими за идеал, с которым они и сверяют мимолетные предметы своей любви. Этими туманными иллюзиями они вырабатывают себе некоторый суррогат любви для того, чтобы кое-как поддержать их жизнь. Я уже прозреваю своим чутким взором зарождение любви в глубине ее сердца и стараюсь вызвать эту любовь наружу, маня ее тысячами голосов. Я наблюдаю за ее постепенным развитием – и по мере того, как оно принимает все более и более определенные формы, подготавливаю в самом себе соответственное этим формам содержание. Мое участие в этом процессе, совершающемся в душе Корделии, пока еще таинственное и незримое; когда же он закончится вполне, я пойду навстречу ее желаниям, продолжая в то же время сохранять неуловимое разнообразие душевных оттенков. Нужно явиться достойным избранником ее сердца – девушка ведь любит только раз в жизни!

* * *

Итак, мои права на Корделию установлены законным порядком: я получил согласие и благословение тетки и поздравления родных и друзей... Надо думать, что это обещает прочный и долговременный союз! Все тяготы войны миновали, и настало благоденствие мира. Что за нелепость! Как будто благословение тетки и поздравления родных могут доставить мне обладание Корделией в истинном смысле этого слова? И неужели в любовных делах существует такая резкая разница между военным и мирным положением? Не вернее ли, что любовь – непрестанная борьба, хотя выбор оружия и бесконечно разнообразен. Главная же суть в том, как ведется эта борьба: грудь с грудью или на расстоянии. Чем долее длилась борьба на расстоянии, тем слабее будет рукопашная схватка, представляющая следующие моменты: рукопожатие, пожатие ножки (последнее, как известно, особенно рекомендуется Овидием, хотя собственная ревность его и сильно возрастает против этого) и затем уже поцелуи и объятия. Единственное оружие в борьбе на расстоянии – взгляд, и все же борец-художник владеет им с такой виртуозностью, что достигает куда больших результатов, нежели другой даже в борьбе

грудь с грудью. Он может бросить на девушку свой молниеносный полный неги и страсти взор, и она почувствует как бы жгучее прикосновение его самого, этим взором он охватывает все ее существо крепче самых жарких объятий! Тем не менее одной борьбы на расстоянии еще недостаточно: она не даст настоящего наслаждения. Лишь в борьбе грудь с грудью все приобретает истинное значение. Когда же борьба эта прекращается, любовь умирает. Я совсем не боролся с Корделией на расстоянии, и теперь только вынимаю оружие. Я имею на нее известные права – в юридически-мещанском смысле, но из этого еще ровно ничего не следует, для меня по крайней мере: мои воззрения на любовь гораздо шире и возвышеннее. Она моя невеста, это правда, но если я заключу из этого, что она любит меня, то жестоко ошибусь – она еще не умеет любить. Я имею на нее законные права, права жениха, но еще не обладаю ею так же, как могу обладать другой девушкой, без всяких таких прав.

10 августа

Корделия сидит на диване у чайного стола, я на стуле рядом с нею. Такое расстояние носит в себе что-то дружески фамильярное и вместе с тем нечто чуждое, отстраняющее сближение. Положение вообще очень важно, конечно, для тех, кто что-нибудь смыслит в этом. В любовных отношениях много положений, и мы с Корделией пока еще в одном из первых. Как щедро одарила природа свое любимое дитя! Мягкая округленность форм, чистая невинная женственность, ясность взора – все восхищает меня в Корделии. Я поздоровался с ней, она встретила меня по обыкновению весело, но несколько застенчиво. Она смутно чувствует, что помолвка должна как-то изменить наши отношения, но как именно, не знает. Она подала мне руку, но без прежней открытой улыбки на лице; я ответил ей легким пожатием. Вообще я держу себя с ней просто, дружески, без малейшего эротического оттенка. Она сидит на диване у чайного стола, я на стуле рядом с нею. Какая-то тихая торжественность разлита в воздухе, так бывает в природе перед трепетно ожидаемым ею восходом солнца. Корделия молчит, ничто не нарушает тишины... Взор мой тихо покоится на ней, в нем нет и следа чувственных желаний – для этого нужно быть циником. Тонкий мимолетный румянец набегаем на ее лицо, как розовое облачко на ясное небо, и то загорается, то потухает. Что выражает этот румянец? Зарождающуюся ли любовь, тоску ли, надежду или боязливое предчувствие? Нет, нет, нет и нет! Этот румянец задумчивого недоумения. Она задумывается, но не надо мной – этого мало для нее, и не над собой, а в себе: в ее душе медленно совершается метаморфоза. Такие минуты требуют ничем не нарушимого молчания, ничто не должно мешать этой торжественной работе – ни рассуждение, ни внезапный порыв страсти. Я не принимаю в этом процессе деятельного участия, но присутствие мое необходимо для того, чтобы продлить это душевное раздумье. Все мое существо молчаливо гармонирует с ним. В подобных случаях поклонение молодой девушке, как и поклонение некоторым древним божествам, должно выражаться в глубоком молчании.

12 августа

Для меня очень выгодно бывать в доме моего дяди. Если б я захотел внушить молодому человеку отвращение к курению табака, я повел бы его в курильню немецкой пивной. Если нужно, чтоб девушка потеряла всякий вкус к положению невесты, стоит ввести ее в дом моего дяди: как в цеховом собрании портных участвуют одни портные, так в доме моего дядюшки собираются исключительно женихи и невесты. Нет ничего хуже, как очутиться в такой компании, и не мудрено, что Корделия готова иногда потерять всякое терпение. В общей сложности постоянных женихов и невест наберется там пар с десятков, не считая экстренных добровольцев, появляющихся в пасхальные и рождественские праздники, и все они всласть пользуются прелестями своего положения. Я вожу на этот сборный пункт мою Корделию для того, чтобы она получила невольное отвращение к пошлым приемам этих профанов в деле любви. Весь вечер то тут, то там слышится точно шелканье хлопучек по мухам, это – поцелуи влюбленных. Парочки вообще отличаются премилой непринужденностью, они даже не ищут укромных уголков, а без всяких церемоний рассаживаются вокруг большого стола в гостиной. Я делаю вид, будто не прочь последовать их примеру с Корделией, но при этом мне просто приходится насиловать себя. Было бы возмутительно, если б я действительно намеревался так оскорбить чистую женственность ее натуры. Я бы скорее, кажется, простил себе самый грубый обман, нежели что-либо подобное в отношении с ней. Вообще я могу отдать себе справедливость: всякая девушка, доверившись мне, встретит с моей стороны вполне эстетическое обращение. Положим, дело кончается обыкновенно тем, что я обманываю ее, но это тоже происходит по всем правилам моей эстетики. Да ведь и всегда случается одно из двух: или девушка обманывает мужчину, или мужчина девушку. Было бы интересно заставить какую-нибудь литературную клячу заняться статистикой: просмотреть народные сказки, легенды, песни и высчитать, кто чаще выставляется в них вероломным – девушка или мужчина.

Я не жалею о том, что трачу на Корделию так много времени – почти каждая встреча требует тщательной и продолжительной подготовки с моей стороны. Я переживаю вместе с ней зарождение ее любви, невидимо присутствую в ее душе, хотя и сижу видимо рядом с ней. Это странное отношение можно, пожалуй, сравнить с *pas de deux*, исполняемым одной танцовщицей. Я – невидимый партнер ее. Она движется как во сне, но движения ее требуют присутствия другого (этот другой – я, невидимо-видимый): она наклоняется к нему, простирая объятия, уклоняется, вновь приближается... Я как будто беру ее за руку, дополняю мысль, готовую сформироваться. Она повинуется гармонии своей собственной души, я же не только даю толчок ее движению, толчок не эротический – это разбудило бы ее, – но легкий, почти бесстрастный. Я как бы ударяю по камертону, задавая основной тон для всей мелодии.

14 августа

В чем состоит обыкновенно разговор жениха с невестой? Насколько мне известно, они спешат посвятить друг друга в сложные и скучные подробности своих семейных отношений. Что же удивительного, если вся поэзия любви испаряется? По-моему, если не умеешь сделать любовь абсолютной мистерией, поглощающей все историческое и реальное, то лучше и не суйся совсем в дело любви, а просто женись себе хоть сто раз. То, что у меня есть тетка по имени Марианна, дядя Христофор, отец – майор и т. п., не имеет ровно никакого отношения к мистерии любви. Даже собственная жизнь любящих до зарождения в них любви тут ни при чем. Да молодой девушке вообще и нечего бывает рассказать о своей прежней жизни, если же случается наоборот, то очень может быть, что ее стоит слушать, только уж никак не любить! Что же до меня, то мне не нужно никаких повестей и историй, у меня и своих довольно: я ищу в любви одну непосредственность. Вечный смысл любви заключается именно в том, что влюбленные как бы рождаются друг для друга в самый момент возникновения их любви. При чем же тогда их прежняя жизнь? Они как будто и не существовали до сих пор!

* * *

Надо внушить ей побольше доверия, или, вернее, уничтожить некоторые сомнения. Про меня нельзя сказать, что я принадлежу к разряду влюбленных, любящих из уважения, женившихся из уважения и детей имеющих тоже из уважения. Но я хорошо знаю, что любовь, особенно пока не проснулась страсть, требует от своего предмета известного нравственно-эстетического уважения к себе. В этом отношении любовь имеет, впрочем, свою диалектику. Например, мой поступок с Эдвардом заслуживает с нравственной точки зрения гораздо большего порицания, чем моя комедия с теткой, а все же мне гораздо легче было оправдаться перед Корделией в первом, нежели во втором. Она, конечно, не заговорила об этом сама, но я считал за лучшее объяснить, что не мог поступить иначе. Осторожность, руководящая мной в сближении с ней, льстит ее самолюбию, таинственная загадочность действий приковывает внимание. Положим, ей может показаться, что во всем этом проглядывает слишком много эротической опытности, и она, пожалуй, поймает меня в противоречии самому себе, когда я начну разыгрывать влюбленность в первый раз в жизни. Впрочем, я не боюсь никаких противоречий: пусть она замечает их, я все же добьюсь своего. Это дело ученых беречь свою репутацию и заботиться о недопущении противоречий в своих диспутах; жизнь девушки слишком богата содержанием, чтобы она вообще могла избежать противоречий и, следовательно, не оправдать их в других. Корделия целомудренно-горда, хотя и не имеет никакого понятия о чувственной любви. Теперь она до известной степени преклоняется передо мной в духовном смысле, но очень возможно, что, когда эротическое чувство вступит в свои права, она противопоставит моим желаниям свою гордость. Она, видимо, колеблется еще, недоумевая относительно действительного значения женщины – оттого так и легко было возбудить в ней гордое презрение к Эдварду. Чувство это было совершенно своеобразного характера, так как сама Корделия не имела представления о настоящей любви. Но явись оно – не замедлит явиться и истинная женская гордость, тоже, пожалуй, с приправой некоторой своеобразности. Возможно даже, она не пожалует о данном согласии, но увидит, что оно досталось мне дешево, и поймет свой промах. А раз придя к такому выводу, она, без сомнения, попытается померяться со мною силами. Мне же только этого и надо. Тогда я удостоверюсь, насколько глубоко затронула ее душу любовь.

17 августа

Да, да, да! Я еще издали заметил эту миленькую кудрявую головку, выглядывавшую из окна. И сегодня уже третий день, как я вижу то же самое. Ну, молодая девушка не станет даром караулить у окошка! У этой плутовки, разумеется, тоже есть свои причины. Но, однако! Не высовывайтесь так! Прошу вас! Я уверен, что вы встали на перекладину стула. Подумайте только, какой ужас, если вы вдруг вылетите из окна прямо на голову – не мне, я держусь пока в сторонке, но ему, ему! Ведь там внизу уж конечно есть такой «он». Ба! Кого я вижу? По тротуару шагает мой приятель, кандидат богословия Петерсен! В его походке заметно что-то не совсем обыкновенное, ноги как будто скользят по панели. Я готов пари держать, что к ним прикреплены крылышки любви. Да разве он бывает в этом доме? И я не знал этого?! А вы исчезли, прелестная незнакомка! Конечно, вы пошли отворять ему двери. Напрасно, вернитесь! Ему совсем не надо в этот подъезд! Вы, может быть, думаете, что знаете об этом побольше моего? Могу, однако, уверить вас, что я слышал это собственными ушами из его собственных уст, и, если бы этот экипаж не грохотал так сильно, вы тоже услышали бы нашу беседу. Я сказал ему мимоходом: «Тебе в этот подъезд»? И получил в ответ категорическое «нет». Так вот и скажите вашему кандидату «прощай», мы с ним отправляемся гулять! Он смущен и немного растерян, а такое душевное состояние делает обыкновенно людей словоохотливыми, и мы заводим длиннейший разговор о вакантном месте, которого он добивается. До свидания, милочка! Мы уходим на Лангелиние! Дотащившись наконец туда, я говорю своему спутнику: «Ах, черт возьми, и затащил же ты меня своими разговорами! Мне надо было совсем в другую часть города!».

Мы поворачиваем обратно и вот мы опять здесь... Как, она все еще у окна? Какая непоколебимая верность! Да, такая девушка непременно осчастливит человека. Вы, может быть, гневно спросите меня, зачем я все это проделал? Затем, что я дурной человек, которому доставляет удовольствие дразнить других? – Совсем нет! Я сделал это из дружеского расположения к вам. Сейчас я все объясню. Во-первых, я заставил вас подождать и поскучать о вашем кандидате, так что он показался вам вдвое милее, когда, наконец, явился. Во-вторых, войдя к вам, он скажет: «Нашу тайну чуть-чуть не открыли! Принесла же нелегкая этого проклятого человека к подъезду! Я только что хотел войти к тебе! Но я тоже себе на уме: завязал с ним нескончаемый разговор о вакантном месте! Говорили, говорили, я и затащил его на Лангелиние! Я вполне уверен, что он ничего не заметил!». – Ну и что же? Разве вы не любите теперь своего милого еще сильнее? Вы и прежде знали, что он прекраснейший молодой человек, безукоризненной честности и редких правил, но чтобы он был так умен?! Теперь вы сами убедились в этом и за это должны быть благодарны мне. Меня осенила мысль: она еще не объявлена его невестой официально – я знал бы это; а девушка такая миленькая, свеженькая. Только уж чересчур молода! Ее житейская опытность далеко не созрела еще, и она, пожалуй, делает этот серьезный шаг довольно легкомысленно! Этого нельзя так оставить, я должен поговорить с ней. Это моя прямая обязанность по отношению к ней: она наверное премолая девушка. Это моя обязанность и по отношению к нему: он ведь друг мой, а она – нареченная моего друга. Это моя обязанность и по отношению к ее семейству: без сомнения, это самое почтенное семейство. Наконец, это моя обязанность и по отношению ко всему человечеству: ведь я сделаю доброе дело – действовать во имя всего человечества, обладать такими огромными полномочиями! Однако пора и к Корделии! Мое настоящее настроение будет как раз кстати. Да, это трогательное нетерпение прелестной молодой девушки положительно взволновало меня!

19 августа

Борьба с Корделией начинается, и я отступаю, суля ей победу надо мною. В своем отступлении я демонстрирую перед ней все оттенки любви: беспокойство, страсть, тоску, надежду, нетерпение. Все это, проходя перед ее умственным взором, производит глубокое впечатление на ее душу и оставляет в ней зародыши подобных же чувств. Это нечто вроде триумфального шествия: я веду ее за собой, воспевая победу и указывая ей путь. Увидев власть любви надо мной, она научится верить, что любовь великая сила. Она поверит мне, я уверен в этом, и потому, что верю в свое искусство, и потому, что в основе моих действий все-таки лежит истина. Не будь последнего, мне не удалось бы обмануть Корделию. Теперь же каждый мой новый маневр все сильнее и сильнее укрепляет в ее душе зарождающуюся любовь и сознание своего значения как женщины. До сих пор я не ухаживал за ней в пошлом смысле этого слова, теперь я начинаю ухаживать за ней, но по-своему. Цель этого ухаживания – освобождение ее от всех уз. Я хочу любить ее только вполне свободной. Но она не должна подозревать, что обязана своим нравственным освобождением мне – тогда она потеряла бы веру в свои собственные силы. Когда же она наконец почувствует себя свободной, свободной настолько, что ей почти захочется воспользоваться этой свободой – порвать со мной связь, тогда-то начнется настоящая борьба! Я не боюсь развития страсти и жажды борьбы в ее душе, каков бы ни был непосредственный исход этого. Пусть даже гордость окончательно вскружит ей голову, пусть она порвет со мной! Хорошо! Она будет свободна и все-таки – моя! Помолвка не могла связать ее, да и я желаю обладать ею лишь тогда, когда она будет совсем свободна. Разрыв так разрыв. Борьба все-таки начнется вновь, и победителем из нее выйду – я! Это так же верно, как и то, что ее победа надо мной в борьбе, которую мы ведем теперь и которую можно назвать предварительной, – лишь мнимая. Чем больше назревает в ней стиль для предстоящей впереди «настоящей» борьбы, тем интенсивнее будет сама борьба. Первая борьба, борьба освобождения, была лишь игрой, вторая же, борьба завоеваний, будет борьбой на жизнь и смерть!

* * *

Люблю ли я Корделию? Да! Искренно? Да! С честными намерениями? Да, в эстетическом смысле: но ведь и это что-нибудь да значит. И какая же, в сущности, была бы польза для Корделии, если б она попала в руки честного мужа-простофили? Что из нее бы вышло? Ничего. Говорят, что одной честностью не проживешь на белом свете, а я добавлю: для того, чтобы любить такую девушку, нужно иметь еще кое-какие достоинства, кроме честности. Одно из таких достоинств и есть во мне – лукавство. А все-таки я люблю ее вполне честно. Я строго сдерживаю свои желания, направляя все усилия к тому, чтобы ее богато одаренная натура достигла полного своего развития. Я – один из немногих, способных на такой подвиг, она – одна из немногих, способных на такое развитие: не пара ли мы?

* * *

Разве грех – вместо того чтобы смотреть на пастора, заглядываться на изящно вышитый платок в ваших руках? Разве грех, что вы держите его так, напоказ? На углу платка вышито ваше имя. Вас зовут Шарлотта Ган? А ведь соблазнительно узнать таким случайным образом имя хорошенькой девушки. Как будто какой-то таинственный дух услужливо познакомил меня с вами. Разве это не счастливая случайность, что платок ваш развернулся как раз так, что я мог прочесть метку? Вы тронуты проповедью, отираете слезу, и платок снова разворачивается. Вас

поражает, что я так пристально смотрю на вас, а не на пастора, вы опускаете глаза на платок и... замечаете, что он выдал мне ваше имя. Ну, что ж из того? Ведь это самая невинная вещь на свете! Узнать имя молодой девушки не особенно трудно. Зачем же мстить платку, комкать и мять его? Зачем сердиться на этот несчастный платок и на меня? Послушайте, что говорит пастор: не вводите никого в соблазн; даже тот, кто сделает это ненамеренно, понесет жестокую кару, во избежание которой он должен поскорее искупить вину сугубой заботливостью о соблазненном. Вот он произнес «аминь». Теперь, по выходе из церкви, я думаю, можно было бы позволить своему платку свободно развеяться по ветру. Или вы боитесь меня? Почему же? Разве я сделал что-нибудь особенное, чего вы не можете простить мне или чего не смеете даже вспомнить, чтобы простить?

22 августа

В своей борьбе с Корделией я должен вести двойную игру. Если я буду постоянно пассивно отступать перед ее превосходством, то эротический элемент разовьется в ней, пожалуй, слишком рано, не дав окристаллизиться ее глубокой женственности, и она не в состоянии будет дать мне возбуждающего отпора в борьбе, предстоящей впереди. Нет, пусть победа в этой предварительной борьбе дастся ей почти даром – это так и должно быть по моему плану, – но в то же время надо постоянно возбуждать и дразнить ее. Если ей покажется, что победа готова ускользнуть от нее, она будет стремиться изучить искусство удержать ее за собой. В таком-то постоянном преломлении душевных сил мало-помалу и окристаллизуется ее женственность. К достижению моей цели ведут два пути. Я могу пользоваться разговорами, чтобы воспламенить ее, признавая ее полную победу над собой, и письмами, чтобы охладить ее чувства. Могу воспользоваться этими средствами и наоборот. Последний образ действий во всех отношениях целесообразнее. Я буду иметь возможность пользоваться самыми богатыми по содержанию моментами ее жизни. Когда сладкий яд моего послания уже проникнет в кровь, достаточно будет одной искры слова, чтобы вызвать в ней взрыв любви! Но в следующую затем минуту он будет охлажден льдинками моей иронии, которые застынут в ее сердце в виде недоумения и сомнения. Последние чувства не должны, однако, быть слишком сильны, чтобы не заглушить в ее сердце гимна победы, который будет раздаваться в нем, при получении каждого нового письма, все громче и громче. Пользоваться же иронией в письме не так удобно: рискуешь быть непонятым. Нежность и страсть могут, в свою очередь, блеснуть в разговоре всего лишь на мгновение. Кроме того, мое личное присутствие невольно остановит всякий экстаз, тогда как, читая письмо, она сможет свободно восторгаться мной как каким-то всеобъемлющим высшим существом, обитающим в ее сердце. Письмо дает также гораздо больше простора для выражения эротических чувств: в письме я отлично могу падать к ее ногам, петь дифирамбы ее красоте и т. п., что легко может показаться театральной галиматьей, попробуй я проделать все это на самом деле. Контраст же этих писем с разговорами, которые я буду вести с ней, будет и дразнить и искушать ее и таким образом послужит к развитию и укреплению ее любви ко мне. Нельзя, однако, сразу придать моим посланиям слишком яркого эротического колорита. Лучше, если они будут вначале несколько смешанного характера, заключая в себе лишь отдельные намеки и разъяснения некоторых сомнений. Можно, например, как будто невзначай, намекнуть на преимущества, которые представляет официальная помолвка в смысле отвода глаз посторонним. Неудобства же, вытекающие из этого положения, она увидит сама. Дом моего дядюшки, как уже сказано, битком набит карикатурами на отношения между влюбленными. Каков же будет результат? Так как эротических представлений о своей роли она не сумеет вызвать в себе без моей помощи, а я немного помучу ее упомянутыми карикатурами, то ей скоро надоеет быть невестой! Но она никогда не догадается, что виной всему – я. Сегодня я отправляю ей маленькое письмо, которое, заключая в себе описание моих чувств, даст ей намек и на то, что творится в ее собственной душе. Это будет самая верная метода для достижения моей цели, – метода вообще мой конек! За это я благодарю вас, милые девушки! Вам одним я обязан своим эротическим развитием, благодаря которому я и могу показаться Корделии чем захочу. Да, вам принадлежит эта честь, и я отдаю ее вам, признавая, что молодая девушка – прирожденный ментор, у которого всегда можно учиться, если ничему другому, так по крайней мере искусству обмануть ее же! Никто на свете не научит этому лучше ее самой. И я до самой глубокой старости буду проповедовать истину: только тогда пропал человек окончательно, когда состарился настолько, что уже ничему больше не может научиться у молодой девушки!

* * *

Моя Корделия!

Ты никогда не воображала, что я могу стать таким, каков я теперь, но ведь и я никогда не воображал этого. А что, не изменилась ли в сущности ты сама? Возможно ведь, что изменился не я, а твой взгляд на меня. А может быть, и я действительно изменился, изменился потому, что люблю тебя, да и ты изменилась, потому что я люблю тебя. Прежде я смотрел на все окружающее с высоты величия, в холодном спокойствии разума. Ничто не могло ужаснуть меня. Пусть даже в мою дверь постучался бы выходец с того света, – я, как Дон Жуан, спокойно взял бы в руки свечу и бестрепетно пошел отворять. Я не задрожал бы, столкнувшись лицом к лицу с этим ужасным гостем. Но случилось иное: за дверью был не бледный бескровный призрак, а ты, моя Корделия! Не холодное веяние могилы, а жизнь, юность, здоровье и красота так и хлынули мне навстречу! Рука моя дрожит, я не могу держать свечу. Я отступаю перед тобой, не в силах оторвать от тебя взгляда! Да, я изменился, но как? В чем состоит это изменение? Не знаю. Я ничего не могу прибавить к этим загадочным необъяснимым словам: я изменился.

Твой Йоханнес.

23 августа

Моя Корделия!

Любовь – тайна; помолвка – разоблачение. Любовь – молчание; помолвка – оглашение. Любовь – тихий шепот сердца; помолвка – громкий крик. И несмотря на все это, наша помолвка, благодаря твоему искусству, моя Корделия, скроет нашу тайну от глаз посторонних. В непроглядном мраке ночи нет ничего опаснее маленького огонька, вводящего в заблуждение больше, чем сама тьма.

Твой Йоханнес.

24 августа

Она сидит на диване у чайного стола, я – рядом с нею. Она держит меня за руку; головка ее, отягченная наплывом дум, склоняется на мое плечо. Она, по-видимому, так близка ко мне и в то же время так далека от меня. Во всем ее существе просвечивает какое-то затаенное сопротивление, ненамеренное или обдуманное, но инстинктивное сопротивление женственности. Впрочем, сущность женщины в том и заключается, чтоб отдаваться сопротивляясь. Она сидит на диване у чайного стола; я рядом с ней. В биении ее сердца не слышно пылких желаний, в колебании груди – тревожной тоски; сердце бьется спокойно, грудь вздымается ровно, в лице мягкие переливы красок. Что это? Любовь? Нет. Она только прислушивается, внимает. Она прислушивается к крылатым словам, она жадно внимает им. Эти слова, хотя и слетают с уст другого, но все равно что ее собственные. Этот голос как бы раздается в ее собственном сердце. Он сулит блаженство и ей, и другому.

* * *

Что я делаю? Обольщаю ли я Корделию? Совсем нет; это меньше всего входит в мои намерения. Хочу ли украсть ее сердце? Напротив, предпочитаю, чтобы моя возлюбленная сберегла его. Так что ж я делаю? Я придаю своему сердцу новую форму по образцу ее сердца. Художник рисует на полотне черты возлюбленной, скульптор лепит ее формы; моя работа тоже нечто вроде скульптуры, конечно, в духовном смысле. Сама Корделия не знает, что сердце ее служит мне моделью; я пользуюсь им тайно, и это – единственное лукавство с моей стороны; в этом смысле можно, пожалуй, сказать, что я украл сердце Корделии, как Рахиль украла сердце Лавана, тайно похитив его домашних богов.

27 августа

Обстановка, как рамка действия, имеет, без сомнения, большое влияние на человека; она сильно и глубоко врезается в память, или, вернее, в душу, – и не изглаживается никогда. Сколько бы лет не пришлось мне прожить, я никогда не сумею представить себе Корделию иначе, как в этой обстановке, в этой маленькой гостиной. Когда я прихожу к ним, горничная обыкновенно провожает меня через зал в маленькую гостиную, и в ту минуту, как я отворяю дверь, ведущую в последнюю из зала, Корделия отворяет другую дверь из своей комнаты, так что наши глаза встречаются еще в дверях. Гостиная такая маленькая, скромная и уютная, что скорее походит на будуар; она смотрит одинаково мило и уютно со всех пунктов, но мое любимое местечко – это диван. Я сижу на нем обыкновенно рядом с Корделией; перед нами стоит круглый стол, с него красивыми складками спускается изящная скатерть. На столе лампа. Формой она похожа на цветок, пышно развернувшийся под стеклянным колпаком, прикрытым прозрачным абажуром. Абажур этот так тонок и воздушен, что дрожит от малейшей струи воздуха. Цвет и форма лампы напоминают Восток, а легкое колебание абажура – тихое веяние этого далекого края. Пол гостиной скрыт под затейливо сплетенной циновкой, сразу выдающей свое иноземное происхождение. Иногда я беру лампу исходной точкой для полета моей фантазии: я воображаю тогда, что сижу рядом с Корделией на траве под тенью роскошной пальмы. Иногда же плетеная циновка переносит меня с ней в кают-компанию корабля. Мы плывем по волнам безбрежного океана. Диван стоит далеко от окна, поэтому окружающих строений не видно, а взор прямо устремляется в далеко уходящий, синеватый простор неба. Вследствие этого иллюзия еще усиливается. Сидя рядом с моей возлюбленной, я заставляю эти картины пронеситься над окружающей нас обстановкой, и они скользят легкой воздушной толпой снов, проходящих мимо изголовья спящей красавицы. Обстановка вообще играет большую роль, особенно в воспоминаниях. Эротические отношения должны быть обставлены так, чтобы впоследствии легко было воскресить в памяти картину всего, что было в них прекрасного. Вот почему следует обращать на обстановку особенное внимание и, если ее нет или она не соответствует предмету, создавать ее искусственно.

Данная обстановка, однако, как нельзя более гармонирует с существом Корделии и с ее любовью. Совсем иная картина встает в моем воображении, когда я вспомню Эмилию. Ее я не могу, или, вернее, не хочу даже, представить себе иначе, как в маленькой стеклянной галерее, выходящей в сад. Двери открыты настежь, и взор невольно упирается в маленький тенистый садик, ставящий предел его желанию следовать за убегающей вдаль дорогой. Эмилия была прелестна, но не так богата душевным содержанием, как Корделия, и вся обстановка была тоже как будто рассчитана на это. Пол галереи почти не возвышался над уровнем земли, и взор держался преимущественно земного, не стремился смело и необузданно вдаль, а спокойно отдыхал на переднем плане картины. Как ни заманчиво убегала из глаз дорога, она все-таки не в силах была соблазнить взора: он как-то мельком обегал кругом все небольшое видимое пространство и возвращался обратно, чтобы вновь и вновь сделать тот же самый круг. Обстановка, окружающая Корделию, напротив, не должна иметь переднего плана, а лишь бесконечный простор горизонта. Сама Корделия не должна быть прикована к земле, а свободно парить в воздухе, не ходить, а летать, не описывать все тот же круг, а неудержимо стремиться вперед!

* * *

Стоит только самому стать женихом, и все почтенные товарищи по несчастью принимают откровенничать, посвящая тебя во все свои дурачества. Несколько дней тому назад кандидат Петерсен просто надоел мне своими рассказами о милой девушке, своей невесте. Он

сообщил мне, что она прелестна, – это я и без него знал, что она очень молода, – и это для меня не новость, что, наконец, молодость ее и есть одна из причин, заставивших его остановить свой выбор именно на ней: он желает перевоспитать ее по своему идеалу. Скажите пожалуйста! Этаким несчастненький кандидатик и такая цветущая, жизнерадостная девушка! Я уж довольно старый практик и все-таки не дерзаю приблизиться к девушке – этому перлу создания, иначе как с целью самому учиться у нее. Оказать же на нее какое-нибудь воспитательное влияние я могу лишь настолько, насколько сумею научить ее тому, чему сам выучился у нее.

28 августа

Надо взволновать душу Корделии, произвести в ней полный переворот, и не постепенно, отдельными порывами, а сразу, мгновенно. Она должна постигнуть бесконечное и понять, что оно-то именно ближе и свойственнее всего человеку. Но постигнет она это не умом, не напряженной работой мысли – тогда она сошла бы со своего пути, а непосредственно, воображением. Воображение, являющееся лишь одним из элементов существа мужчины, является субстанцией женщины и, в данном случае, главным посредником между мной и Корделией. Корделия не должна добираться до понятия о бесконечном путем неустанной работы мозга – женщина ведь не рождена для упорного труда; она схватит его легко и свободно одним воображением и сердцем. «Бесконечное» является для девушки таким же простым и естественным понятием, как и «любовь», и «счастье». Взор молодой девушки всюду видит бесконечное, и переход в него для нее лишь легкий прыжок – прыжок женский, а не мужской; мужской в этом случае никуда не годится. Посмотрите только, как неуклюжи его приготовления к такому прыжку: он измеряет глазом расстояние, прицеливается, примеряется, собирается, наконец пускается с разбегу и вдруг останавливается в испуге! Назад; снова приготовится, снова разбежится, прыгнет и... провалится! Молодая девушка прыгает не так. Представьте себе два острых выдающихся уступа, разделенных зияющей пропастью, которые так часто встречаются в горах. Посмотреть вниз – голова кружится; ни один мужчина не дерзнет перепрыгнуть такую пропасть. Молодая же девушка, по словам предания, отважилась на это, и с тех пор это место называется «Девичьим прыжком». Я охотно верю этому рассказу добродушных жителей гор, как верю и всему, что говорят о превосходстве молодых девушек, всему, даже самому необыкновенному и чудесному, – удивляюсь и все-таки верю. По-моему, единственный предмет удивления на свете – молодая девушка; по крайней мере, она первая удивила меня; она же будет, по всей вероятности, и последней. Итак, прыжок в бесконечное для девушки – лишь легкий грациозный скачок; мужчина же, собирающийся перепрыгнуть эту пропасть, просто смешон. Как широко ни расставляет он ноги, точно желая соразмерить силу прыжка, все его усилия – ничто в сравнении с расстоянием вершин. Ну, а можно ли представить себе девушку, занятую такими неуклюжими приготовлениями к прыжку? Девушку можно представить себе бегающей, но этот бег – игра, наслаждение, проявление ее легкости и грации. Приготовления же к прыжку заключают в себе нечто диалектически обдуманное, что противно духу самой женской природы. Прыжок девушки – полет; мгновение – и она уже на другой стороне, стоит там такая легкая, грациозная, посылая нам воздушные поцелуи. На лице ее ни тени утомления или напряжения, она стала лишь еще прелестнее. Как свежий, только что распутившийся из горной расщелины цветок, склоняет она свою головку над пропастью, и голова кружится, когда вы смотрите на нее. Итак, Корделия должна изучить все проявления любви, суметь оторвать свои мысли от всего земного, узкого, ограниченного, отдать себя всей душой бесконечному, убаюкивать себя вечной переменной настроений, смешивать в грезах поэзию с действительностью, быть с вымыслом, парить мыслью в безграничном просторе бесконечного. Когда она наконец дойдет до этого, я закружу ее в страстном вихре любви и сделаю из нее все, что захочу. Тогда мой труд будет окончен, я спущу все свои паруса, сяду рядом с ней, и мы понесемся уже на ее парусах! В самом деле, раз Корделию охватит это всесильное эротическое упоение, дай бог только усидеть на руле, убавляя ход, чтобы ничто не явилось слишком преждевременно или в искаженном виде. То и дело придется прокалывать в парусах дырочки, и все-таки мы будем нестись, как на крыльях ветра.

* * *

Корделию положительно возмущают собрания у моего дядюшки. Она уже не раз просила меня прекратить наши визиты, но я всякий раз умею найти предлог для нового. Вчера вечером, возвращаясь оттуда, она так страстно сжала мою руку! Бедняжка, вероятно, чувствовала себя порядком измученной, и не мудрено. Если бы меня не забавляли так эти неестественные выходки искусственной любви, я б и сам не выдержал, пожалуй. Сегодня я получил от нее письмо, в котором она очень остроумно трунит над нелепым поведением влюбленных. Я поцеловал это письмо: оно для меня дороже всех, прежде полученных. Bravo, моя Корделия! Приветствую твои успехи.

30 августа

Случилось так, что на Восточной улице есть две кондитерские, как раз одна против другой. В том же доме, где помещается одна из них, но на втором этаже, живет молоденькая барышня. Она обыкновенно прячется за маленькой японской ширмочкой, закрывающей одно из стекол окна; ширмочка эта полупрозрачна, так что тот, кто знает девушку и обладает хорошим зрением, легко различит черты ее лица, между тем как посторонний, да еще с плохими глазами, уловит лишь смутные очертания какой-то темной фигуры. Последнее до известной степени относится ко мне, а первое – к молодому поручику, который ежедневно, ровно в полдень, появляется здесь и устремляет свои взоры на ширмочку. Ширмочка-то, собственно, и открыла мне эти остроумные телеграфные сношения: в других окнах не видно ничего подобного, и, конечно, такая одинокая заплатка на одном из окон невольно наводит на мысль, что за ней кто-то скрывается. Однажды я сидел у окна в кондитерской, в доме, находящемся напротив. Был как раз полдень. Я не обращал никакого внимания на прохожих, все мое внимание поглощала ширмочка. Вдруг темная фигура за ней зашевелилась, и в соседнем стекле мелькнула изящная женская головка, ласково кивнувшая кому-то. Затем видение исчезло. Я сразу заключил, что, во-первых, предмет поклона – мужчина, так как движение молодой девушки было слишком страстно, чтоб относиться к какой-нибудь подруге, во-вторых, появился он с того угла улицы, который виден из-за ширмочки. Барышня уселась, следовательно, так, чтобы ей возможно было заприметить своего избранника еще издали и, пожалуй, даже приветствовать его воздушными поцелуями из-за своей баррикады. Я угадал. Ровно в 12 часов является сам герой этого маленького любовного приключения, милейший г-н поручик. Сегодня я восседаю уже у окна другой кондитерской, находящейся в том же доме, где живет барышня. Поручик увидел ее. Смотрите же, друг мой, отвесить изящный поклон во втором этаже – дело вовсе не шуточное! Однако, он недурен: стройный стан, орлиный нос, черные волосы, фуражка набекрень. Теперь держитесь! Ваши ноги начинают уже выписывать «мыслете». Это производит на глаз такое же ощущение, какое является во рту во время зубной боли, с той лишь разницей, что тогда зубы становятся как будто длиннее обыкновенного, а тут – ноги. Разумеется, если сосредоточиваешь все силы души во взоре, направленном на второй этаж, то отвлекаешь чересчур много силы от ног! Прошу извинить меня, г-н поручик, что я осмеливаюсь перехватить ваш взор в его заоблачном полете! Многоговорящим этого взора назвать нельзя, но многообещающим – пожалуй. И вот все эти обещания так сильно ударяют г-ну поручику в голову, что он шатается и... шлеп! Нет, это уж слишком печально! Будь только в моей власти, я ни за что не допустил бы этого! Право, он слишком мил для такого крушения. Роковое падение! Ведь если хочешь произвести на даму сердца впечатление изящного кавалера, то уж никак нельзя падать! Вот если являешься в виде обыкновенной интеллигентной величины, тогда дело другое! И упадешь, так никого не удивишь! Но какое же впечатление произвело это позорное падение героя на нашу героиню? К сожалению, я не могу сидеть одновременно по обеим сторонам этого Дарданелльского пролива. Положим, можно было бы посадить по ту сторону какого-нибудь приятеля, но, во-первых, я люблю наблюдать сам, во-вторых, нельзя знать, какие последствия могут выйти для меня из всей этой истории – в иных случаях неудобно иметь соучастника. Мой милый поручик начинает, однако, мне надоедать. Изо дня в день появляется он тут во всем блеске полной формы. Ведь это же просто непозволительное терпение. Ну прилично ли это для военного? Разве у вас нет с собою оружия? Что ж вы не возьмете этого дома приступом и не увезете девушку? Еще будь вы какой-нибудь студент или семинарист, питающийся надеждами, тогда другое дело. Впрочем, я готов, пожалуй, простить вам ваше поведение, потому что девушка нравится мне все больше и больше! Карие глаза так и светятся шаловливым лукавством. При виде вас лицо ее озаряется какой-то особенной прелестью, она становится еще

милее. Из этого я заключаю, что у нее богатая фантазия. А фантазия – природное косметическое средство прекрасного пола, куда лучше всех патентованных, искусственных.

31 августа

Моя Корделия!

Что такое тоска, этот душевный мрак, эта тьма? Плохие поэты рифмуют на это – «тюрьма». Какая нелепость! Разве тоскует лишь тот, что сидит в тюрьме? Разве не тоскуют на свободе? Будь я свободен, как бы я тосковал! А ведь, собственно говоря, я свободен, как птица, и все-таки тоскую! Тоска не покидает меня, когда я иду к тебе, когда ухожу от тебя, даже когда сижу рядом с тобой, я тоскую о тебе! Но разве можно тосковать о том, что имеешь? Да, если боишься потерять его в следующую же минуту. Моя тоска – вечное нетерпение. Лишь пережив вечность и убедившись, что ты во всякую минуту принадлежала мне одному, мог бы я спокойно вернуться к тебе и вновь пережить с тобой эту вечность. Если бы и тогда у меня не хватило терпения даже на минутную разлуку с тобой, то я мог бы по крайней мере быть спокойным в те минуты, когда сидел бы рядом с тобой.

Твой Йоханнес.

1 сентября

Моя Корделия!

Перед нами маленький кабриолет. Он мал, но для меня он больше всего на свете, так как достаточно велик для нас двоих. Он запряжен парой коней, диких и необузданных, как силы стихий, нетерпеливых, как моя страсть, смелых, как твои мысли. Хочешь, я увезу тебя, моя подруга! Молви лишь слово, и натянутые вожжи ослабнут, кони вырвутся на волю и помчатся, унося нас в безумном беге! Я увезу тебя, но не от людей к людям, нет, мы умчимся из мира действительности. Кони взвиваются на дыбы, экипаж подымается. Кони несутся почти вертикально ввысь. Мы пролетаем сквозь облака, стремясь в необъятный простор неба. Свист и шум вокруг. Что это? Сидим ли мы сами неподвижно, весь мир движется, или действительно мы мчимся в безумном полете? Если у тебя кружится голова, моя Корделия, крепче держись за меня, у меня голова не закружится. Этого не может случиться ни в духовном смысле, если думаешь о другом, – а я думаю лишь о тебе, ни в физическом, если устремляешь взор на один предмет, – а я смотрю лишь на тебя. Держись же крепче, и пусть рушится мир, пусть легкий экипаж исчезнет из-под наших ног, мы все-таки останемся в объятиях друг друга, витая в гармонии сфер!

Твой Йоханнес.

3 сентября

Это уж из рук вон! Лакей мой продежурил под проливным дождем целых шесть часов, а я сам – два, карауля эту миленькую Шарлотту. Она каждую среду, между двумя и пятью часами, навещает свою старую тетку и, как на зло, не явилась именно сегодня, когда я так хочу встретить ее! А зачем? Затем, что она всегда навевает на меня какое-то особенное настроение. Я кланяюсь ей, она делает мне реверанс с такой миной, точно готова провалиться сквозь землю, а между тем взор ее говорит, что она на седьмом небе! Этот реверанс, мина и выражение глаз зажигают во мне священный огонь желания. Этим, впрочем, и ограничивается мой интерес к ней. Я добиваюсь только ее поклона; большего, если б даже она сама пошла навстречу, мне не нужно. Но поклон ее вызывает во мне нужное настроение, которое я и трачу затем на Корделию. Пари держу, что лукавая девчонка как-нибудь да проскользнула мимо нашего носа. Не в одних только комедиях, в действительной жизни тоже очень трудно усмотреть за молодой девушкой, тут надо быть стоглазым Аргусом. Предание говорит, что была некогда нимфа Кардея, дурачившая мужчин. Она обитала в лесу, заманивала жертву в чашу и исчезала. Так хотела она, между прочим, подшутить и над Янусом, но он сам подшутил над ней: у него ведь были глаза и на затылке.

* * *

Письма мои достигают своей цели, они развивают Корделию, хотя еще и не в эротическом смысле. Для этого письма не годятся, тут нужны маленькие *billets-doux*. Чем короче, сосредоточеннее будет содержание этих записочек, тем скорее они воспламят в ней эротические чувства. Не желая развить в ней чрезмерную сентиментальность, я буду слегка подмораживать ее пылкие чувства иронией разговоров, что в то же время возбудит в ней жажду к опьяняющему напитку писем. Эти последние смутно намекнут ей о каком-то таинственном, высшем наслаждении, а когда в ее душе загорится страстное желание этого наслаждения, письма прекратятся. Такое искусственное сопротивление с моей стороны сделает то, что ожидаемое воплотится в ее душе в яркое представление, станет как бы ее собственной мыслью, влечением ее собственного сердца. Это мне и нужно.

4 сентября

Моя Корделия!

Где-то в городе живет семейство: мать – вдова и три дочери. Две из них учатся стряпать в «Королевской кухне». Было это весной, часов в 5 пополудни. Дверь в гостиную тихо отворилась, чей-то пытливый взор оглядел комнату. Никого из хозяев нет, только у рояля сидит молодая девушка. Дверь неслышно приотворилась наполовину – из передней подслушивают. Играет на рояле не артистка – молодая девушка играет какую-то шведскую песню о кратковременности красоты и юности. Слова песни как будто смеются над юностью и красотой, но юность и красота самой девушки смеются над словами песни. Кто прав, девушка или песня? Звуки льются так тихо и меланхолично, как будто грусть решает спор в свою пользу. Но грусть тут не судья. Что общего между утром и вечером? Клавиши дрожат и стонут. Духи резонанса встают в смятении и не понимают друг друга. Моя Корделия, зачем так горячо, зачем эта страсть? Какой промежуток времени должен, однако, отделять нас от события, чтобы мы могли вспоминать о нем, и какой, чтобы тоска воспоминания не могла больше уловить его? Для большинства людей существуют в этом отношении известные границы: они не могут вспоминать ни того, что слишком близко к ним по времени, ни того, что слишком далеко. Я же не знаю границ: пережитое вчера я мог бы отодвинуть от себя за тысячу лет и все-таки могу вспомнить о нем, как о вчерашнем.

Твой Йоханнес.

5 сентября

Моя Корделия!

Я должен доверить тебе тайну моего друга! Кому же и доверить мою тайну, как не тебе? Отзывчивому эхо? Оно выдало бы ее. Звездам? Они светятся таким холодным безучастным блеском. Людям. Люди не поймут. Тебе одной доверяю я мою тайну, ты ведь сумеешь хранить ее. Слушай же. Есть на свете девушка, прекраснее мечты, ярче солнечного луча, глубже моря, горделивее полета орла. О, склони же свою головку ко мне на плечо, приникни к моим устам и внимай моей речи, чтобы ни одно слово не ускользнуло от тебя: эту девушку я люблю больше жизни – она моя жизнь; больше всех моих желаний – она мое единственное желание; больше всех моих мыслей – она моя единственная мысль! Я люблю ее горячее, чем солнце – полевой цветок, нетерпеливее, чем раскаленный песок пустыни – дождь! Я льну к ней всей душой, всем существом нежнее, чем взор матери к любимому ребенку, доверчивее, чем душа молящегося к божеству, неразрывнее, чем растение к своему корню! Внезапный наплыв мыслей клонит твою головку к груди, поднимающейся к ней на помощь. Ты поняла меня, моя Корделия, ты ничего не пропустила из моей речи, ты поняла ее вполне! И ты сохранишь мою тайну, я мог доверить ее тебе. Говорят, что преступники обязываются к молчанию своим соучастием в преступлении. Я доверил тебе свою тайну, содержание всей моей жизни. Не хочешь ли ты в свою очередь сообщить мне нечто до того важное, прекрасное и целомудренное, что все силы небесные и земные поднялись бы в гневе, будь это выдано посторонним!

Твой Йоханнес.

6 сентября

Моя Корделия!

Темные тучи заволокли небо, сдвинулись, как хмурые брови, на его гневном челе; лес стонет и качается, бросаемый из стороны в сторону тревожными сновидениями. И я потерял тебя в лесу! За каждым деревом мерещится мне женская фигура, похожая на тебя. Я приближаюсь, и видение исчезает за следующим деревом. Что же ты не показываешься, не даешься мне? Все мутится в моей голове, в глазах мешается. Деревья теряют свои резкие очертания и сливаются в каком-то море тумана, где скользят и тают воздушные женские призраки, похожие на тебя. Тебя же все нет и нет! Твой образ лишь неуловимо мелькает среди пенистых волн воображения. Но я счастлив и тем, что вижу образы, хоть чуть напоминающие тебя. Чем объяснить их появление? Богатым ли единством твоего существа или бедной многосторонностью моего? Любить одну тебя, не значит ли это – любить весь мир?

Твой Йоханнес.

8 сентября

Интересно было бы записывать все наши разговоры с Корделией. К сожалению, это невозможно. Ведь если бы даже и удалось вспомнить каждое слово, которым мы обменялись, то как восстановить нерв всей беседы? Как передать эту неожиданность восклицаний, страстность блеснувшей мысли, невольный порыв желания, словом, все, составляющее жизненный элемент беседы? Я более не подготавливаюсь к разговорам с Корделией, это противоречило бы самому существу разговора, раз он должен носить эротический оттенок. Но содержание моих писем у меня всегда в памяти, и я постоянно имею в виду вызванное ими в Корделии настроение. Мне, конечно, в голову не приходит справляться, прочла ли она эти послания – в этом и без того нетрудно убедиться; и вообще я избегаю всякого прямого разговора о них; зато через всю нашу беседу проходит как бы нить, таинственно поддерживающая связь с ними, иногда для того, чтобы сильнее запечатлеть в ней известное настроение, иногда же, чтобы сгладить его и ввести ее в заблуждение. В последнем случае я имею в виду, что она может перечитать письмо, получить новое впечатление и т. д.

С Корделией произошла или, вернее, происходит какая-то перемена. Чтобы определить ее настоящее душевное настроение, я назову его, пожалуй, «пантеистически смелым». Это сразу читается в ее взгляде: в нем светится какое-то безумно смелое ожидание, жажда чего-то необыкновенного и в то же время как будто грустная недоверчивость, мечтательность – почти мольба. Она ищет чудесного вне себя, она готова молить, чтобы оно явилось – как будто не в ее власти вызвать его! Против всего этого надо принять меры, иначе я слишком рано получу перевес над нею. Вчера еще она сказала, что во мне есть нечто царственное; она, пожалуй, готова преклониться передо мной, но этого нельзя допускать. Ты права, моя дорогая, во мне есть нечто царственное, но ты и не подозреваешь, каким царством я управляю! Я царствую над своими страстями! Я держу их в тесном заключении, как Эол – бури, лишь изредка давая волю то одной, то другой. Теперь нужно будет подлить в мои письма сладкого яда лести. Лесть придаст ей известную долю самоуверенности, определит границы моих и ее преимуществ так, что перевес окажется пока на ее стороне. Лесть, однако, – опасное оружие, и обходиться с ним надо очень осторожно. Иногда приходится ставить самого себя очень высоко, оставляя, впрочем, свободной самую верхнюю ступень, иногда – очень низко. Первое ведет к цели преимущественно в духовных отношениях, второе же – в эротических. Теперь подумаем: обязана ли она мне чем-нибудь? Нет. Желая ли я сам, чтобы она была мне обязана? Нет. Я слишком тонкий знаток эротического, чтобы позволить себе такие глупости. И если бы даже действительно оно было так, я всеми силами постарался бы заставить позабыть об этом ее и усыпить такую мысль в самом себе. У всякой девушки, как и у Ариадны, есть нить, помогающая отыскать дорогу в лабиринт ее сердца, но не ей самой, а другому.

9 сентября

Моя Корделия!

Скажи, и я повинуюсь. Желание твое – приказание, просьба – могучее заклинание, всякая, даже мимолетная прихоть – счастье для меня! Ведь я, повинуюсь тебе, нахожусь не вне тебя, как покорный дух из «Тысячи и одной ночи», нет: ты говоришь – воля твоя принимает определенные формы, создается, а с нею и я. Я – душевный хаос, ожидающий слова твоего!

Твой Йоханнес.

10 сентября

Моя Корделия!

Ты знаешь, как я люблю беседовать с самим собой? В себе самом я нашел самого интересного собеседника из всех моих знакомых. Иногда я боялся, что у меня не хватит материала для этих бесед, теперь же я уверен, что он никогда не иссякнет: теперь у меня есть ты! Я говорю о тебе с самим собою, т. е. о самом интересном предмете с самым интересным собеседником. Увы! Я – только интересный собеседник, ты же интереснейший предмет беседы!

Твой Йоханнес.

11 сентября

Моя Корделия!

Ты говоришь, что я полюбил тебя так еще недавно... Тебя как будто беспокоит мысль, что я мог любить раньше? Слушай: есть старинные рукописи, в которых острый взгляд знатока сразу улавливает бледные следы древнего письма, выцветшие от времени и теперь почти исчезнувшие под новыми письменами. Тогда новое письмо вытравляется, стирается и восстанавливается древнее. Твой взор помог мне найти в себе меня самого. Я дал забвению стереть с моей души все наносное, не касающееся тебя, и что же? Я открыл на дне моей души древние и вместе с тем божественные письмена, я открыл, что моя любовь к тебе родилась вместе со мною!

Твой Йоханнес.

12 сентября

Моя Корделия!

Как может существовать государство, разделившееся в самом себе, ведущее борьбу с самим собою? Как существую я, если силы моей души разделились и борются между собою? Из-за чего? Из-за тебя. Я хочу найти спокойствие в мысли, что люблю тебя. Но как же достигнуть этого спокойствия? Одна из борющихся сил хочет убедить других, что она сильнее, искреннее всех любит тебя, другая хочет того же и т. д. Если б эта борьба происходила вне меня, она бы не особенно встревожила меня; я не побоялся бы ничего, пусть даже кто-нибудь дерзнул бы влюбиться или не влюбиться в тебя, – и то и другое одинаково преступно, – но эта борьба во мне самом убивает меня! Это – страсть, разделившаяся в самой себе!

Твой Йоханнес.

* * *

Да, да, прелестная рыбачка, прячься, прячься себе за деревьями, подымай свою ношу, тебе так идет это легкое сгибание стана! С какой природной грацией согнулась ты под связкой хвороста, собранного тобой. Да, подумать только, что такое изящное, стройное создание обречено таскать хворост! Ты наклоняешься и вновь выпрямляешься, как танцовщица, выказав при этом красоту своих форм: тонкую талию, широкие плечи, пышную грудь. Да, это оценит в тебе всякий знаток прекрасного. Ты, пожалуй, скажешь: «Какие пустяки! Городские дамы куда красивее». Э, дитя мое! Ты еще не знаешь, сколько на свете фальши. Продолжай-ка лучше свой путь в этом огромном лесу, который тянется без конца, без края!

А может быть, ты вовсе не простая рыбачка, а сказочная заколдованная принцесса в плену у какого-нибудь злого чародея? Только у такого и хватит жестокости заставить тебя таскать хворост. Зачем ты так углубляешься в чащу? Ведь если ты действительно рыбачка, то тебе нужно идти в рыбацкий поселок по дороге мимо меня. Так-так, иди себе по тропинке, игриво выющейся между деревьями, – я не потеряю тебя из виду; оглядывайся сколько хочешь – меня не сдвинуть с места! Желание не увлекает меня; я сижу спокойно на изгороди и курю сигару. Подвернись ты в другое время – пожалуй. Ты все продолжаешь оглядываться на меня, взор твой блещит так лукаво, легкая походка так и манит. Я знаю, куда ведет твой путь! В чащу густого леса, где тихо шепчут деревья, где царит тишина, полная звуков. Смотри, само небо покровительствует тебе: солнце прячется за облаками, в лесу темнеет, деревья сдвигаются, образуя таинственную завесу. Прощай, моя очаровательная рыбачка, спасибо за эту прекрасную минуту! Твоя красота и грация произвели на меня чудное впечатление, хоть и не достаточно сильное, чтобы сдвинуть меня с моей твердой позиции на изгороди, но зато богатое внутренним содержанием.

* * *

Иаков, заключивший с Лаваном условие брать себе в награду лишь пестрых овец, раскладывал в ручье, откуда пили овцы, пестрые палки. Так и я повсюду помещаю перед Корделией себя, взор ее постоянно обращен на меня. Она думает, что в этом сказывается одно лишь нежное, заботливое внимание влюбленного, но у меня имеется в виду другая цель. Я же добиваюсь, чтобы она потеряла интерес ко всему остальному, постоянно видела перед своими духовными очами одного меня!

15 сентября

Моя Корделия!

Да разве я могу забыть тебя? Разве моя любовь к тебе – дело памяти?

Пусть время сотрет со своих скрижалей все, пусть уничтожит даже самую память – отношения мои к тебе не потеряют силы, ты не будешь забыта. Забыть тебя! О чем же я стал бы тогда помнить? Я ведь забыл самого себя, чтобы помнить о тебе; забыв же тебя, мне пришлось бы вспомнить о себе, но в ту же минуту, как я вспомню о себе, я не могу не вспомнить и о тебе! Забыть тебя? Да что же было бы тогда?! Есть старинная картина, изображающая Ариадну, которая тревожно вскочила со своего ложа и впиалась взором в уплывающий на всех парусах корабль. Рядом с Ариадной стоит Амур с луком без тетивы и утирает слезы. Немного поодаль видна женская фигура с крыльями за плечами и шлемом: та самая картина, но в несколько измененном виде: Амур не плачет и лук его цел, – ведь ты же не сделалась бы ни менее прекрасной, ни менее обаятельной оттого, что я потерял разум? Итак, Амур улыбается и готов пустить стрелу; Немезида тоже не стоит спокойно, она тоже натягивает лук. Затем на старой картине на корме уплывающего корабля виднеется мужская фигура, углубленная в какую-то работу; ее считают Тезеем. На моей же картине он стоит на корме, тоскливо смотрит на оставленный берег и простирает к нему руки: он раскаялся, или, вернее, безумие оставило его, но корабль уносит! И Амур, и Немезида – оба готовы пустить свои стрелы, и они попадут в цель: обе ударят ему в сердце, в знак того, что любовь была для него Немезидой – мстительницей.

Твой Йоханнес.

16 сентября

Моя Корделия!

Обо мне говорят, что я влюблен в самого себя. Меня это несколько не удивляет. Как же могут заметить посторонние, что я способен любить, если я люблю одну тебя? Они даже подозревать этого не могут – ведь я люблю только тебя. Ну что же? Пусть я влюблен в самого себя... А почему? Потому что люблю тебя, люблю все, принадлежащее тебе, люблю между прочим и себя: мое «я» тоже ведь принадлежит тебе. Если бы я разлюбил тебя, я бы разлюбил и себя! Итак, то, в чем профаны видят доказательство высшего эгоизма, будет теперь для твоего просвещенного взора лишь выражением чистейшей любви и симпатии. То, в чем они видят одно прозаическое чувство самосохранения, будет для тебя проявлением восторженнейшего самоуничтожения!

Твой Йоханнес.

18 сентября

Я особенно опасался, что душевное развитие Корделии займет у меня слишком много времени; вижу, однако, она делает быстрые успехи. Теперь, чтобы поддержать в ней этот подъем духа, надо постоянно волновать ее душу. Нельзя допустить, чтобы силы ее упали раньше времени, т. е. раньше наступления той поры, когда время для нее совсем перестанет существовать!

* * *

Да, истинная любовь не пойдет большой дорогой – по ней ходит только брак; она не изберет и проселочной тропинки – тропинка эта уже протоптана; любовь предпочитает сама пробивать себе дорогу. А в таком случае, что может быть лучше, удобнее Коршунова леса? Можно углубиться в самую чашу, там не встретишь ни души посторонней, и, гуляя в таком уединении, рука об руку, отлично поймешь друг друга. То, что прежде только смутно радовало или томило вас, станет вдруг ясным. Да, вот этот чудный бук – немой свидетель вашей любви. Под его кудрявой листвою вы признались друг другу в любви, и воспоминание ярко вспыхнуло в ваших сердцах: вы вновь увидели себя на балу, почувствовали первое пожатие рук. Вы вспомнили, как расстались затем, как потом думали об этой чудной встрече, не смея еще признаться в своей любви не только друг другу, но и самим себе. Право, очень интересно подслушать все это и проследить таким образом любовный роман двух юных существ... Вот они упали под деревом на колени, клянутся друг другу в вечной любви, и печатью, скрепляющей этот договор ненарушимого союза, был первый поцелуй. Эта сцена как раз кстати навеяла на меня такое настроение, какое мне понадобится сегодня для разговора с Корделией. Итак, этот бук стал нечаянным свидетелем вашего свидания. Что ж, дерево вообще недурной свидетель, но одного такого свидетеля все-таки как будто маловато. Положим, вы уверены, что и небо было вашим свидетелем, но небо – это уж слишком абстрактная идея! Потому-то и явился еще один свидетель – я. Не показаться ли мне теперь? Нет, меня могут узнать, и это, пожалуй, повредит мне в будущем. Или не выйти ли мне из-за кустов тогда, когда они будут уходить и таким образом дать им знать о моем присутствии? Нет, и это нецелесообразно. Нецелесообразно? Да разве у меня есть какая-нибудь цель? Пока еще довольно неопределенная, но я предвижу, что они могут мне понадобиться для нового сильного ощущения. Они в моей власти, я могу даже различить их, если захочу: я знаю их тайну, а от кого я мог узнать ее? Лишь от него или от нее. Когда мне нужно будет это новое ощущение, я поражу их этим внезапным открытием. Но на кого направить удар? Если сказать ему, что она выдала мне тайну, он, пожалуй, лишь вежливо пожмет плечами: «Это невозможно!». А если ей? Пари держу, что она поверит и возмутится: «Как это гнусно!» и т. д. Итак, ура! А ведь это почти злорадство с моей стороны. Ну, да там еще видно будет. Впрочем, если окажется, что только от нее и только именно этим путем я могу получить нужное мне впечатление во всей полноте, то делать нечего – придется воспользоваться случаем!

19 сентября

Моя Корделия!

Я беден, ты – мое богатство! Я мрачен, ты – мой свет. У меня нет ничего, но я ни в чем не нуждаюсь. Да и как же я могу иметь что-нибудь? Как может обладать чем-либо тот, кто потерял власть над самим собою? Я счастлив, как дитя, которое не может и не должно обладать ничем. У меня тоже нет ничего, и я сам весь принадлежу тебе. Я более не существую сам по себе, я перестал существовать, чтобы стать твоим.

Твой Йоханнес.

20 сентября

Моя Корделия!

Какой смысл в слове «моя»? Ведь оно не обозначает того, что принадлежит мне, но то, чему принадлежу я, что заключает в себе все мое существо. Это «то» мое лишь настолько, насколько я принадлежу ему сам. «Мой Бог» ведь это не тот Бог, который принадлежит мне, но тот, которому принадлежу я. То же самое и относительно выражений: «моя родина», «мое призвание», «моя страсть», «моя надежда». Не существуй уже с давних времен понятие о бессмертии, мысль, что я твой, создала бы его.

Твой Йоханнес.

21 сентября

Моя Корделия!

Кто я? Скромный певец твоей победы, танцовщик, слегка поддерживающий тебя, когда ты грациозно и легко поднимаешься на воздух, ветвь, на которой ты отдыхаешь на мгновение от своего воздушного полета, или бас, оттеняющий мечтательно серебристые звуки твоего сопрано, заставляя их подыматься еще тоном выше? Что я такое наконец? Я – земная тяжесть, приковывающая тебя к земле, я – тело, материя, земля, прах, пепел, ты же, моя Корделия, ты – душа, ты – дух!

Твой Йоханнес.

22 сентября

Моя Корделия!

Любовь – все, и для того, кто любит, все остальное теряет всякое другое значение, кроме того, какое придает ему любовь. Если бы какой-нибудь жених признался своей невесте, что он интересуется и другой девушкой, то оказался бы, пожалуй, преступным в ее глазах, она возмутилась бы. Ты же, я знаю, увидела бы в таком признании лишь преклонение перед тобой. Ведь ты знаешь, что полюбить другую для меня невозможно, а если случится нечто похожее на это, то только потому, что моя любовь к тебе бросает свой отблеск и на все окружающее. Да, моя душа полна одной тобой, и жизнь получает для меня теперь совсем иное значение: она превращается в миф о тебе!

Твой Йоханнес.

23 сентября

Моя Корделия!

Любовь уничтожила во мне все! У меня остался лишь голос мой, который вечно повторяет тебе, что я люблю тебя! Но ты ведь не устала внимать ему, хотя он и сторожит твой слух повсюду? На разнообразном, вечно меняющемся фоне моего сознания твой чистый и цельный образ выступает еще ярче, еще рельефнее.

Твой Йоханнес.

24 сентября

Моя Корделия!

В старинных легендах рассказывается об озере, влюбленном в молодую девушку. Моя душа похожа на такое озеро. Оно то спокойно дает твоему образу отражаться в его недвижимой глубине, то вдруг воображает, что наконец схватило твой образ, и выступает из берегов, чтобы не дать ему ускользнуть, то опять утихает и лишь слегка колыхнется, играя твоим изображением, то вновь темнеет, мечется и бьется в отчаянии, вообразив, что потеряло его... Моя душа похожа на озеро, влюбленное в тебя.

Твой Йоханнес.

26 сентября

Откровенно говоря, даже не обладая особенно пылкой фантазией, можно, кажется, вообразить себя в более удобном, а главное, более приличном экипаже. Ехать с мужиком на возу, восседать на мешках с картофелем!? Такой оригинальностью если и можно возбудить внимание, то лишь в довольно невыгодном смысле. За что ни ухватишься, впрочем, в минуту крайности? Бывает ведь, что пойдешь прогуляться за город и заберешься нечаянно слишком далеко. Устанешь, конечно, а экипажей здесь уж не найдется, извините. Что ж прикажете делать? Обрадуешься и мужицкому возу с картофелем! Подсядешь и поедешь преспокойно. Встречных никого не попадается, значит все благополучно. Вот уж недалеко и от подгородного села.

Ах! вот досада! Ну можно ли было ожидать встретить тут одного из городских франтов?! Что я городской житель, вы сразу видите – в деревне таких нет: этот особенный, самоуверенный, пытливый и несколько насмешливый взгляд. Да, моя милая, ваше положение не из красивых! Вы сидите, как на подносе: мешки уложены так неудобно, что вам даже некуда спустить ножки. Впрочем, если вам угодно, мой экипаж к вашим услугам, если вы только не стесняетесь сесть рядом со мной. Или я, пожалуй, перемещусь на козлы и буду очень рад довести вас до города. Ваша соломенная шляпа такого неудобного фасона, что даже не защищает вас от взгляда, брошенного сбоку.

Напрасно вы наклоняете головку – я все-таки люблю ваш прелестный профилем. А, вам досадно, что мужик вздумал еще раскланиваться со мной! Но это же в порядке вещей – мужик кланяется важному барину. Но подождите... вам предстоит испытать еще нечто более неприятное. Перед вами постоялый двор, и мужик, конечно, не может проехать мимо, не засвидетельствовав своего почтения Бахусу. Теперь уж я позабочусь о нем. У меня удивительный дар приобретать расположение таких мужиков. Вот если бы удалось попасть в милость и к вам! Мужик, разумеется, не в силах устоять против моего заманчивого предложения выпить стаканчик. Мы входим в гостеприимно открытую дверь, а там, если я сам не особенный мастер по части чарочки, то слуга мой постарается! Да, возница ваш сидит теперь и попивает вино, а вы на возу.

Кто она такая, однако? Мещанка, что ли, или дочь какого-нибудь мелкого торговца?.. Если так, то она необыкновенно хороша и изящна; одета тоже с большим вкусом. Папенька ее, должно быть, загребает барыши порядочные. А впрочем. Может статься, она богатая и знатная барыня, которой надоело кататься в колясках и потому вздумалось добратся до дачи в таком оригинальном экипаже, рискуя натолкнуться на маленькие приключения. Что ж, подобные примеры бывали. Мужик-то, досадно, глуп – ничего не знает, только и умеет пить! Ну да ладно, пей на здоровье! Но неужели... Да, так и есть! Теперь я узнал ее. Это Мальвина Нильсен, дочь богатого коммерсанта! Помилуйте, да мы даже знакомы! То есть, я видел ее однажды в экипаже на Широкой улице, она сидела спиной к лошадям и старалась поднять окно кареты, но это ей никак не удавалось. Я накинул *pinse-pez* и с любопытством следил за ее движениями. Сидеть ей было не особенно удобно: кроме нее, в карете сидело еще человек пять, так что она едва-едва могла пошевелиться, а кричать «караул» верно, стеснялась. Теперешнее ее положение не менее неловко. Итак, судьба положительно сводит меня с ней. Говорят, что она вообще большая оригиналка, и вот теперь, например, она пустилась в такое путешествие, конечно, на свой страх и риск. Но вот мой слуга и ее возница выходят назад. Мужик совсем пьян. Фи! Какая гадость! Вот испорченный народ, эти картофельные мужики! Ну, да есть люди и похуже их! Нечего сказать, хорошо вы теперь потащитесь! Пожалуй, вам самой придется взять в руки вожжи, что будет уже верхом оригинальности! Повторяю, мой экипаж стоит на дворе, вернитесь. Но нет, вы упорствуете, желаете показать, что вам отлично и на возу. Ну, положим, меня-то вам не провести! Я ведь вижу все насквозь. Ага! Не выдержала, соскочила с телеги! Можно-

де, пойти по опушке леса. Не торопитесь только. Сейчас оседлают мою лошадь, и я догоню вас. Ну вот, теперь никто не посмеет обидеть вас. Да не бойтесь же меня, не то я сейчас вернусь. Нет, нет, я хотел только попугать вас и полюбоваться вашим волнением: оно придает вашему личику новую прелесть. Так как вы не знаете, что мужика напоили по моему приказанию, и так как я держу себя в высшей степени прилично и скромно, то вы, кажется, вполне можете довериться мне. Уверяю вас, что все окончится вполне благополучно – я придам делу такой оборот, что вы сами только посмеетесь над всей этой историей. Не опасайтесь же ловушки с моей стороны! Я – друг свободы, и то, что не дают вполне добровольно, мне совсем не нужно! Вы, впрочем, сами убедились, что продолжать путь пешком до самого города невозможно. Ну, что ж колебаться? Я отправляюсь на охоту и отлично могу ехать туда верхом, тогда как экипаж мой, оставшийся на постоялом дворе, сейчас догонит вас и отвезет, куда прикажете. Сам я, увы, не могу сопровождать вас. Даю вам честное слово охотника – охотники ведь, как известно, никогда не лгут, это самый правдивый народ на свете. Вы согласны? Сию минуту все будет в порядке, и вам нет нужды конфузиться при новой встрече со мной, по крайней мере, не больше, чем это идет вам. Теперь вы можете посмеяться над своим маленьким приключением и уделить мне местечко в своих воспоминаниях. Большого я не требую: это ведь начало, а я всегда был особенно силен по части всяких начинаний.

28 сентября

Вчера вечером у тетки собралось небольшое общество. Я знал, что Корделия непременно возьмется за свое вышивание, и заранее спрятал в него маленькую записку. Она взяла работу, выронила записку, подняла ее и вся вспыхнула от нетерпеливого любопытства. Да, подобный способ доставки писем производит поразительное действие! Сама по себе записка незначительна, но прочитанная украдкой и наскоро, в сильном волнении, приобретает всегда какое-то особенно глубокое значение. Ей, видимо, хотелось поскорее поговорить со мной, но я устроил так, что мне пришлось провожать домой одну даму, и волей-неволей бедная Корделия должна была дожидаться сегодняшнего свидания – впечатление успело, следовательно, глубже врезаться в ее душу. Вот такими-то способами я всегда и живу в ее мыслях, она всегда ждет от меня какого-нибудь нового сюрприза.

* * *

У любви, как я уже не раз замечал, своя диалектика. Когда-то я был влюблен в одну молодую девушку. Приехав в прошлом году в Дрезден, я увидел в театре актрису, поразительно похожую на мою прежнюю возлюбленную. Мне, конечно, захотелось убедиться, как далеко простирается это сходство. Я познакомился с актрисой и убедился, что «несходство» было очень велико. Сегодня я встретил на улице даму, очень похожую на эту актрису. Да так, пожалуй, и конца не будет!

* * *

Мои мысли всегда окружают Корделию, я посылаю этих добрых гениев охранять ее. Как Венера летит в колеснице, запряженной голубями, так Корделия сидит в триумфальной колеснице, в которую я запряг мои крылатые мысли. Она восседает радостная и счастливая, как дитя, могущественная, как богиня, а я скромно иду подле нее. Молодая девушка всегда была и будет богиней всего земного. Никто не знает этого лучше меня. Жаль только, что это великолепие так кратковременно. Корделия улыбается мне, манит меня так доверчиво и просто, как будто она сестра мне, но мой страстный взгляд сразу напоминает ей, что она моя возлюбленная.

30 сентября

В любви много степеней. Корделия быстро проходит их. Теперь она садится иногда ко мне на колени, руки ее мягко обвивают мою шею, голова покоится на моем плече. Глаза ее скрываются за опущенными ресницами; грудь ослепительно бела и блестяща, как мрамор – взор мой не мог бы остановиться на ней, соскользнул бы, если б грудь слегка не волновалась. Что выражает это волнение? Любовь? Может быть, но скорее – лишь мечту о ней: смутное желание. Ей не достает пока энергии: ее объятия нежны и воздушны, как веяние ветерка; ее губки прикасаются мягко и осторожно, будто она целует лепестки цветка; поцелуи ее бесстрастны – так небо целует море, кротки и тихи – так роса освежает цветы, торжественны – так море целует образ луны! Теперь ее страсть можно еще назвать наивной, когда же в ней произойдет душевный переворот, а я начну отступать, она употребит все усилия, чтобы удержать меня; для этого у нее будет только одно средство – страсть, и она направит ее против меня, как единственное свое оружие. То чувство, которое я искусственно разжигаю в ней, заставляя смутно предугадывать и желать чего-то большего, разгорится тогда ярким пламенем и будет от меня требовать того же. Моя страсть, сознательная, обдуманная, уже не удовлетворит ее; она впервые заметит мою холодность и захочет побороть ее, инстинктивно чувствуя, что во мне таится та высшая пламенная страсть, которой она так жаждет. Тогда-то ее неопределенная наивная страсть превратится в цельную, энергичную, всеохватывающую и диалектическую, поцелуй приобретет силу, полноту и определенность, объятия сконцентрируются. Она придет ко мне требовать свободной страсти и найдет ее тем скорее и легче, чем крепче я сожму ее в своих объятиях. Тогда формальные узы порвутся, и затем ей нужно будет дать маленький отдых, не то в сильных порывах ее страсти могут появиться режущие диссонансы; отдохнув же, страсть ее вновь соберется с силами, сосредоточится в последний раз, и – она моя!

* * *

Как во времена блаженной памяти Эдварда я заботился о книгах для Корделии скрыто, так теперь делаю это открыто. Я даю пищу ее воображению, ее развивающейся страсти: мифологию и сказки. Но и тут я ничего не навязываю, а предоставляю ей, по моему обыкновению, полную свободу: я лишь осторожно выслушиваю ее желания, и, если их нет еще, искусно вкладываю в ее душу сам.

2 октября

Летние прогулки служанок в Дюргавене – плохое удовольствие. Побывать там им удается какой-нибудь раз в год, зато они и стараются натешиться всласть. Наденут, конечно, шляпы, накидки, модные платья, словом, обезобразят себя всячески. И самое веселье в Дюргавене какое-то дикое, разнузданное; гуляние в Фридрихсбергском саду куда лучше и приличнее; сюда они могут отправляться почти каждое воскресенье; сюда люблю хаживать и я. В этом саду они веселятся так мило и скромно, что, право, люди, у которых нет склонности к подобным прогулкам, много теряют. По-моему, пестрая толпа служанок – самое прекрасное войско у нас в Дании. Будь я королем, я знаю, что бы сделал: я не стал бы делать смотры одним линейным войскам! А будь я одним из 32-х эдилов, непременно подал бы проект о назначении особой комиссии для поощрения в служанках – советами, назиданием и соответствующими наградами – вкуса к изящным и приличным туалетам. Зачем же, в самом деле, красоте служанок пропадать даром? Пусть она хоть раз в неделю покажется в подобающем блеске. Но для этого нужен вкус, и служанка не должна выглядеть барыней. А если нам удастся развить в служанках вкус к изящному, то – какая блестящая мысль! – не повлияет ли это благотворно и на дочерей наших? Мысль моя – может быть, чересчур смелая – мчится и еще дальше: я уже предвижу созданное таким путем бесподобное будущее для Дании! Если бы только мне суждено было дожить до этого золотого века! Я бы целые дни проводил на улицах, – и не без пользы, – любясь прекрасным зрелищем. Да, во мне сразу виден патриот! Но пока я еще только в Фридрихсбергском саду, куда приходят погулять по воскресеньям служанки и – я. Вот первая партия: деревенские девушки; некоторые из них идут каждая отдельно под руку со своим дружкой; другие идут шеренгой, переплетаясь между собой руками и имея в арьергарде такую же шеренгу парней; третьи, наконец, прогуливаются тройками: парень в середине, две девушки по бокам. Эта первая партия составляет нечто вроде рамки гулянья, так как члены ее сидят или стоят преимущественно вдоль дорожек и на большой лужайке перед павильоном. Девушки здоровые, свежие, краснощекие, так что сочетание красок лица и наряда немножко режет глаз. Затем вторая партия: ютландские и финские девушки, рослые, стройные, с несколько чересчур пышными формами; костюмы их не выдержаны и производят смешанное впечатление – вот где моей комиссии представилось бы обширное поле действий! В саду нет недостатка и в представительницах борнгольмской дивизии бойких кухарок, к которым, однако, опасно подходить слишком близко и в кухне, и здесь. В их манерах есть что-то говорящее: держись подальше! Тем не менее они служат эффектным оттеняющим фоном для других гуляющих красавиц, и отсутствуй здесь эти бойкие стряпухи, я первый пожалел бы об этом, хотя и не рискую завязывать с ними знакомства. Наконец показывается и самое ядро этого прекрасного войска: девушки из «Новой Слободки» – небольшого роста, полные, с пышной грудью, нежной кожей, веселые, бойкие, болтливые, кокетливые и, самое главное, – с открытыми головами. В их одежде допускается некоторое сближение с городскими модами, причем, однако, исключаются накидки и шляпы. К ним, впрочем, идут еще платочки, пожалуй, даже кокетливые чепчики, но лучше всего они с открытыми головами.

– «А, здравствуйте, Мария! Вот уж я не думал встретить вас здесь. Давно же мы с вами не видались. Вы все еще у ее превосходительства?» – «Да». – «Что ж, хорошее место?» – «Да». – «Но вы, кажется, одна здесь, вам не с кем гулять, с вами нет дружка? Или, может быть, ему некогда сегодня! Или он еще придет? Да что вы! У вас нет дружка? Может ли это быть? У самой-то красивой девушки в целом городе, такой нарядной и богатой, горничной ее превосходительства?! Стоит посмотреть на один платочек в вашей руке, – из тончайшего батиста, и еще с монограммой... пожалуй, даже с короной? Не у всякой знатной-то барыни найдется такой! Затем французские перчатки, шелковый зонтик. И у такой девушки нет жениха?! Это ни на

что не похоже! Вы, может быть, знаете все-таки Йенса, камердинера графа? Ну, я вижу, что угадал! А за чем же дело стало? Он, кажется, славный паренек, у него такое хорошее место, и через протекцию графа он может сделаться даже полицейским. Ведь это недурная партия! Вы, верно, сами виноваты, вы были к нему слишком строги?» – «Нет, но я узнала, что у него уже раньше была одна невеста, и он поступил с ней нехорошо!» – «Неужели? Кто бы мог подумать! Да, уж эти отставные гвардейцы, на них нельзя положиться! Вы поступили как следует: такая девушка, как вы, должна дорожить собой. Вы, наверное, сделаете гораздо лучшую партию. А как поживает ваша барышня Юлия? Я давно не видал ее. Вы, милая Мария, бесконечно услужите мне некоторыми сведениями. Ведь из-за того, что человек сам несчастлив в любви, не следует лишать своего участия других влюбленных. Но здесь так много народа, что я просто стесняюсь говорить с вами, нас могут подслушать. Знаете что? Пойдемте лучше в ту тенистую аллею, там никто ничего не увидит и не услышит. Ну вот и отлично. Сюда доносятся только тихие звуки оркестра. Здесь я могу сказать вам о своей любви. Правда ведь, если бы Йенс не был таким дурным человеком, ты бы гуляла теперь с ним под руку, была бы так весела, счастлива. Ну, полно, стоит ли плакать! Забудь его! Ты несправедлива ко мне, ведь я пришел сюда только для тебя, для тебя я бываю и у ее превосходительства. Разве ты не догадалась? Ты должна полюбить меня. Завтра вечером я все объясню тебе; я приду по черной лестнице, часов в двенадцать. Прощай, милая Мария, не надо, чтобы кто-нибудь догадался о нашем свидании, ты одна должна знать мою тайну!» Прелесть, что за девушка! Из нее может выйти кое-что. Только я доберусь до ее комнаты – живо разовью ее. Такое милое, нетронутое дитя природы!

4 октября

Интересно было бы невидимо присутствовать возле Корделии, когда она читает мои письма. Тогда бы я убедился, насколько она схватывает их смысл. Письма – вообще неопценимое средство для того, чтобы произвести на девушку сильное впечатление. Мертвая буква действует иногда сильнее живого слова. Письма таинственно поддерживают сердечную связь; ими производишь на душу желаемое действие, не оказывая никакого давления своим присутствием. А молодая девушка любит быть наедине со своим идеалом в те минуты, когда он производит сильнейшее впечатление на ее душу. Как бы ни соответствовал любимый человек лелеемому в душе идеалу, бывают все-таки моменты сомнений, когда девушка чувствует, что в нем чего-то недостает. Надо поэтому предоставить ей пережить великое торжество примирения идеала с действительностью – наедине с собой. Следует только хорошо подготовить момент, чтобы она вернулась к действительности не расслабленной или разочарованной, но укрепленной и сильной. Такого рода подготовкой и служат письма: в них ты сам невидимо присутствуешь возле девушки в эти священные мгновения; мысль же о том, что автор письма – действительное лицо, представляет для девушки легкий и естественный переход – от мечтаний об идеале к мысли о действительности.

* * *

Мог ли бы я ревновать Корделию? Черт возьми – да! С другой стороны, пожалуй, что и нет: если бы я одержал верх в борьбе с соперником, но увидев, что ее существо хоть несколько пострадало от конфликта, не осталось тем, что мне было нужно, – я махнул бы на нее рукой.

* * *

Один древний философ сказал как-то, что, воспроизводя все переживаемое на бумаге, невольно, сам того не сознавая, сделаешься философом. Я вот уже порядочное время считаюсь членом жениховской корпорации – какую-нибудь пользу должна же принести мне такая компания! И мне пришла в голову мысль собрать кое-какие материалы для моего нового сочинения: «Теория поцелуев», которое я посвящаю всем нежно любящим сердцам. Странно, право, что до сих пор никто не затрагивал этой темы! Если мне удастся довести свой труд до конца, я пополнию этот давно ощущаемый пробел в нашей литературе. Не знаю, право, чем и объяснить его существование, разве тем, что философы не думают о таких вещах или попросту не понимают их? Некоторыми указаниями я, впрочем, уже могу поделиться с нуждающимися. Во-первых, для того чтобы поцелуй был действительно настоящим поцелуем, нужно участие двух лиц разных полов: мужчины и женщины. Поцелуй между двумя мужчинами безвкусен или, что еще хуже, с неким привкусом. Затем я нахожу, что поцелуй более соответствует своей идее, если мужчина целует девушку, нежели наоборот. Там, где с течением времени вырабатывается индифферентность в этом отношении, поцелуй теряет свое настоящее значение. Это замечание относится преимущественно к супружеско-домашнему поцелую, которым супруги отирают после обеда друг другу рот за неимением салфетки, приговаривая: на здоровье! Если разница лет между мужчиной и женщиной очень велика, то поцелуй также мало соответствует своей идее. Я припоминаю, что в одном провинциальном женском пансионе было в ходу особое выражение: «целовать его превосходительство», связанное с не особенно приятным представлением. Дело в том, что у начальницы пансиона был брат, отставной генерал-старик, который позволял себе с девицами маленькие вольности, вроде поцелуев, трепания по щеке ипр.

Истинный поцелуй должен выражать определенную страсть; поэтому поцелуй между братом и сестрой, поцелуй во время игры в фанты, наконец, поцелуи украденные – все это не настоящие поцелуи. Поцелуй – символическое действие, теряющее всякое значение, раз чувство, выражением которого он служит, отсутствует. Если пытаться составить классификацию поцелуев, то можно установить много различных подразделений. Во-первых, можно разделить их на ряды по звуку. К сожалению, язык отказывается выразить все наблюдения по этой части. Какое разнообразие звуков нашел я только в доме моего дядюшки! Тут были поцелуи щелкающие, и чмокающие, и шипящие, и громкие, и гулкие, и глухие, и булькающие... Во-вторых, можно различать их и по силе – есть поцелуи почти воздушные, легкие, поцелуи *en passant*, поцелуи «взасос» и т. д. В-третьих, по продолжительности – бывают поцелуи короткие и бывают длинные. Есть, наконец, и еще одно различие; это различие первого поцелуя от всех последующих. Особенность первого поцелуя не заключается, однако, ни в звуке, ни в силе, ни в продолжительности. Так как, вероятно, очень немногим приходило в голову поразмыслить над тем, в чем же именно состоит качественная особенность первого поцелуя, то заняться этим вопросом предстоит хотя бы мне!

5 октября

Моя Корделия!

Соломон говорит, что хороший ответ подобен сладкому поцелую. Я, как ты знаешь, постоянно пристаю с вопросами. Многие даже бранят меня за это. Но ведь они не понимают, о чем я спрашиваю. Ты одна понимаешь меня, ты одна умеешь мне дать хороший ответ. Хороший же ответ подобен сладкому поцелую, говорит Соломон.

Твой Йоханнес.

7 октября

Есть некоторая разница между духовным и чувственным эротизмом. До сих пор я старался развивать в Корделии первый, теперь пора вызвать второй. До сих пор я лишь как бы аккомпанировал ее настроению, теперь пора соблазнять. Я старательно готовлюсь к этому, читая у Платона известное место о любви. Чтение это электризует все мое существо и является превосходной прелюдией. Да, Платон кое-что смыслил в эротизме!

* * *

Моя Корделия!

Один из древних писателей говорит, что внимательный ученик не спускает взгляда с уст своего наставника. Для любви все может служить аллегорией, да и сама аллегория, вдобавок, часто превращается в действительность. Разве я не усердный и внимательный ученик твой? Но ты ведь не говоришь еще ни слова!

Твой Йоханнес.

8 октября

Если бы кто-нибудь другой управлял ходом душевного развития Корделии, то он, пожалуй, счел бы себя слишком умным, чтобы позволить ей первенствовать над собой. А если спросить умения у какого-нибудь жениха, то он, чего доброго, пожалуй, прямо ответил бы: «Я тщетно ищу в положениях вашей любви той звуковой фигуры, которою влюбленные обыкновенно говорят друг другу о своей любви». Но я бы сказал ему на это: очень рад, что вы ищите напрасно, – этой звуковой фигуре совсем нет места в области эротизма, если даже в нем и есть примесь интересного. Любовь слишком самосушественна, чтобы удовлетворяться болтовней, эротические положения чересчур богаты содержанием, чтобы переполняться еще разговорами. Они молчаливы, тихи, строго ограничены и тем не менее красноречивы, как музыка колосса Мемнона. Эрот жестикулирует, но не разговаривает, а если и случается, то лишь загадочными намеками, образной музыкой. Эротические положения всегда пластичны или живописны, а в длинном разговоре о любви нет ни живописности, ни пластики. Солидные женихи и невесты, впрочем, всегда начинают с подобной болтовни, которая так и потянется красной нитью через все их болтливое супружество, обещая, что в их браке никогда не окажется недостатка в приданом, упоминаемом еще Овидием: *dos est uxoria likes*. Если же вообще допустить, что между влюбленными непременно должно быть сказано что-нибудь, то довольно; если говорит один мужчина, который поэтому должен обладать одним из даров, заключающихся в поясе Венеры, – даром беседы и сладкой, т. е. вкрадчивой, лести. Из всего вышесказанного нельзя, однако, заключать, что Эрот – немой или что беседа вообще не должна иметь никакого места в строго эротических отношениях. Нет, нужно только, чтобы и она носила эротический характер, а не расплывалась в пространных и глубокомысленных рассуждениях на тему будущей жизни влюбленных. Истинно эротическая беседа должна быть отдыхом от эротической борьбы, времяпрепровождением, а не главным делом. Такая беседа, такое *confabulatio* прекрасно, и мне никогда не надоест беседовать с молодой девушкой – одна известная девушка может, пожалуй, надоест, но разговор с молодой девушкой вообще – никогда. Последнее для меня так же невозможно, как устать дышать. Главная прелесть такой беседы – ее жизненный саморасцвет, т. е. то, что разговор, держась преимущественно земли, не сосредоточивается, однако, на какой-нибудь одной теме, а вполне подчиняется закону случайности. Итак, случайность – закон всех движений такой беседы, а ее содержание – цветок под названием «тысяча радостей».

* * *

Моя Корделия!

«Моя», «твой» – вот слова, которые, как в скобках, заключают бедное содержание моих писем. Замечаешь ли ты, что они все сближаются, расстояние между ними становится все меньше. О моя Корделия! Ведь чем бессодержательнее становится заключающееся в них, тем знаменательнее сами скобки.

Твой Йоханнес.

9 октября

Моя Корделия!
Объятия – разве борьба?
Твой Йоханнес.

10 октября

Корделия вообще молчалива, и я всегда особенно ценил в ней это качество. Натура ее слишком женственно-глубока, чтобы резать мне слух «зиянием», которое вообще довольно часто слышится в разговоре женщины, особенно же часто, если собеседник, который должен подыскивать предыдущую и последующие гласные, так же женственен по своей природе, как и она сама. Иногда только какая-нибудь короткая, невольно вырвавшаяся фраза намекнет о том, какие нетронутые сокровища таятся в глубине ее девственной души. В таких случаях я всегда стараюсь помочь ей, развить ее мысль, и в результате получается то же самое, что бывает, если позади ребенка, набрасывающего какой-нибудь рисунок своими слабыми, неверными пальчиками, стоит взрослый, твердой и умелой рукой исправляющий сделанное, – из слабого, неопределенного наброска выходит нечто смелое, рельефное. Так и с Корделией – она и удивляется достигнутому результату и, в то же время, как будто гордится своим собственным искусством. Поэтому я неустанно слежу за каждым брошенным словом, за каждой случайной фразой, подхватываю их на лету и возвращаю ей в таком обработанном и преображенном виде, что она и узнает, и не узнает свою собственность.

* * *

Сегодня мы обедали с Корделией в гостях. Когда мы выходили из-за стола, лакей доложил Корделии, что ее спрашивает какой-то посыльный. Человек этот был послан мной и принес письмо, содержавшее в себе намек на нечто сказанное мной сейчас за столом. Мне так искусно удается вплести нужное мне замечание в общий разговор, что Корделия, хоть и сидела далеко от меня, все-таки услышала его и... не поняла; на это именно и было рассчитано мое письмо. В случае, если бы мне не удалось придать разговору за столом необходимого направления, я сам явился бы вовремя, чтобы конфисковать письмо. Она скоро вернулась и на вопросы посторонних принуждена была немного солгать. Подобные обстоятельства только усиливают эротическую таинственность, без помощи которой Корделии не пробраться по указанному мною пути любви.

12 октября

Моя Корделия!

Веришь ли ты, что если заснешь, положив голову на лесной холм, то увидишь виллису? Я не знаю этого, но знаю, что, склонив голову на твою грудь и не закрывая глаз, я вижу ангела. Думаешь ли ты, что можно заснуть спокойно, положив голову на лесной холм? Я не думаю, но знаю, что, склонив голову на твою грудь, я совсем не могу сомкнуть глаз от волнения.

Твой Йоханнес.

14 октября

Jacta est alea. Пора настала!

Я был у нее сегодня, но почти не видел ее и не слышал ее голоса, так, видимо, увлекала меня одна идея, которую я все время и развивал перед Корделией. Идея эта была настолько интересна сама по себе, что приковала и внимание Корделии, я же, видимо, был увлечен ею всецело. Начать новый образ действий резкой переменной манеры держать себя по отношению к ней, т. е. прямой холодностью и равнодушием, было бы неразумно. Теперь же, после моего ухода, когда она выйдет из-под обаяния моего красноречия, она откроет, что я был сегодня не такой, как всегда. Открытие это больно уязвит ее сердце, а уединение еще растравит эту рану, и чем дальше продолжится уединение, тем глубже станет боль от раны. Когда же, наконец, ей представится случай поговорить со мной, она уже не будет в состоянии вспыхнуть сразу, высказать все, что передумала в этот долгий промежуток, и на дне ее души останется ядовитый осадок сомнения. Беспокойство и волнение ее будут все расти и расти, а письма прекратятся, в эротической пище будет недостаток, над любовью прозвучит какая-то скрытая насмешка. Пожалуй, она и сама будет не прочь принять участие в этой игре, но лишь на минуту, более ей не выдержать: ей захочется приковать меня тем же, чем я пользовался по отношению к ней, – страстью.

* * *

В вопросе о разрыве с женихом всякая девушка – великий казуист. В женских школах не читают лекций по этому предмету, и тем не менее все девушки как нельзя более сведущи – в каких именно случаях можно и должно нарушить данное жениху слово. Правду говоря, этому вопросу следовало бы постоянно фигурировать в виде темы на выпускных экзаменах, тем более, что обыкновенные экзаменационные сочинения девиц до невозможности скучны и однообразны; тогда же, по крайней мере, не оказалось бы недостатка в разнообразии. Подобная тема дала бы широкий простор острому уму девушек, а отчего же в самом деле и не дать бедным девушкам случая показать свой ум с блестящей стороны? Разве каждой из них не представилось бы тогда случая хотя бы письменно доказать свою зрелость и права на звание невесты? Однажды я участвовал в беседе, очень заинтересовавшей меня. Я зашел как-то в одно семейство, где бываю лишь изредка. Оказалось, что все старшие ушли, а две молоденькие дочери созвали к себе небольшой кружок подруг на утренний кофе. Всех девушек было восемь, от шестнадцати до двадцати лет. В их планы, вероятно, не входило принимать посторонних гостей, и они поручили горничной отказывать всем под тем предлогом, что никого из старших нет дома. Я, однако, ухитрился пробраться к ним и заметил, что мой приход их застал врасплох.

Бог знает, о чем могут беседовать восемь молоденьких девушек в таком торжественном заседании? Замужние женщины тоже собираются иногда в кружок, но их беседа – пасторальное богословие; решаются обыкновенно важные вопросы: можно ли пускать кухарку одну ходить на рынок, лучше ли брать провизию в кредит или за наличные, как узнать, есть ли у кухарки жених, и как затем избавиться от этой вечной возни с женихами, замедляющей стряпню, и т. д. Как бы то ни было, мне все же дали местечко в этом прекрасном кружке. Дело было ранней весной, и солнце уже посылало на землю свои первые слабые лучи, как вестников, объявляющих о его скором прибытии. В комнате все было еще по-зимнему, но именно потому эти маленькие отдельные лучи и приобретали такое вещее значение. Кофе стоял на столе, распространяя свой приятный аромат, а молодые девушки сидели вокруг – такие веселые, радостные, шаловливые и цветущие. Страх и неловкость их скоро прошли: да и чего им было стес-

няться? Ведь превосходство сил было на их стороне. Мне скоро удалось навести разговор на тему: в каком случае жениху с невестой следует разойтись? В то время, как взор мой с наслаждением порхал с одного цветка на другой в этом прелестном цветнике, отдыхая то на одном, то на другом миловидном личике, а слух впитывал музыку девичьих голосов, сознание мое тщательно проверяло все сказанное. Одного слова было иногда достаточно, чтобы я мог уже глубоко проникнуть в сердце девушки и прочесть его историю. А любопытно ведь проследить таким образом, как далеко зашла по пути любви каждая из них. Я не переставал подливать масла в огонь, и различные остроты, шутки и эстетическая объективность – все это содействовало непринужденности и живости беседы, не выходявшей в то же время из границ самого строгого приличия. В этой шутливой легкости общего разговора дремала, однако, возможность одним ловким оборотом поставить милых девушек в роковое затруднение. Возможность эта была вполне в моей власти, но девушки едва ли подозревали о ней. Легкая игра беседы все еще отстраняла опасность, как сказки Шехеразады ее смертный приговор. Я то доводил беседу до границ грусти, то давал простор шаловливой девической фантазии, то манил их на диалектический путь мысли. Какая же другая тема может, впрочем, представить больше разнообразия, нежели та, о которой здесь идет речь.

Я приводил все новые и новые примеры, рассказал между прочим о девушке, которую насилие родителей заставило взять назад свое слово. Эта печальная история даже вызвала слезы у моих слушательниц. Рассказал и о человеке, который разошелся с невестой из-за того, что, во-первых, она была слишком высока ростом, а во-вторых, он забыл стать на колени, признаваясь ей в любви. На все возражения против неразумности и неосновательности таких причин он отвечал, что для него они достаточно разумны и правильны: основываясь на них, он достигает желаемого, и, кроме того, никто в сущности не может дать ему на них разумных и веских возражений. Наконец я предложил на обсуждение собрания трудный вопрос: права ли молодая девушка, отказавшая жениху, убедившись в том, что они не сходятся в мнениях? Когда отверженный хотел урезонить ее, она ответила: «Одно из двух – или мы сходимся в мнениях, и в таком случае ты сам понимаешь, что нам надо разойтись, или же мы не сходимся, раз ты утверждаешь противное, и в таком случае мы тоже должны разойтись». Забавно было наблюдать, как молодые девушки ломали себе головки, чтобы уразуметь эту обоюдоострую речь. Я заметил, однако, что две из них отлично поняли меня, потому что, как сказано, в подобных вопросах молодые девушки природные казуистки. Да, я думаю, что легче было бы переспорить самого черта, чем молодую девушку, если речь пойдет о том, в каких случаях жениху с невестой следует разойтись.

17 октября

Сегодня я опять был у нее и поспешил навести разговор на вчерашнюю тему, стараясь довести ее до возбуждения. «Вот что мне пришло в голову, когда я уходил от тебя вчера», – начал я разговор. Намерение мое вполне удалось. Пока я с ней, она с наслаждением слушает меня, но как только остается одна, сразу замечает, что я обманываю ее, что я изменился. Так и выберешь все свои акции назад. Способ, правда, лукав, зато целесообразен, как вообще всякий не прямой образ действий. Она хорошо понимает, что предмет моего разговора может сильно увлекать меня, он увлекает ведь и ее в данную минуту, но затем в следующую она все-таки почувствует, что я обманул ее, лишив эротической пищи.

* * *

«Oderint dum tetipt», – как будто только страх и ненависть могут идти рука об руку, а страх и любовь не имеют ничего общего! Разве не именно страх придает любви интерес? Разве любовь наша к природе не скрывает в себе частицы таинственного трепета, начало и причина которого в сознании, что чудная гармония сил природы вырабатывается непрерывным уничтожением их и кажущимся беззаконием, а уверенность и неизменность ее законов – постоянной изменчивостью? И этот-то благоговейный трепет приковывает нас к природе больше всего. То же и относительно всякой любви, если только она интересна. Она должна быть окутана тревожной мглой ночи, из которой разворачивается роскошный цветок любви. Так венчик «*pimperna alba*» покоится на поверхности воды, но мысль страшится проникнуть в глубокую тьму, где скрывается его корень. Я замечаю, что Корделия всегда пишет мне: «мой», но у нее не хватает духу назвать меня так в разговоре. Сегодня я сам нежно попросил ее об этом. Она было попробовала, но сверкнувший, как молния, мой иронический взгляд лишил ее всякой возможности продолжать, хотя уста мои и уговаривали ее изо всех сил. Вот такое настроение мне и нужно.

18 октября

Она – моя. Но я не поверяю этой тайны звездам, как вообще водится у влюбленных, да и не думаю, чтобы подобное сообщение могло заинтересовать эти далекие светила. Я не поверяю этого никому, даже самой Корделии. Я схороню эту тайну в самом себе, шепну ее на ухо самому себе, в своих таинственных беседах с самим же собой. Отпор с ее стороны не был особенно силен, зато эротические силы, развернувшиеся в ней теперь, просто изумительны. Как она интересна в своей глубокой страстности, как велика и могущественна! Как гибко она увертывается, как ловко подкрадывается, едва завидит в моем существе уязвимое местечко! Теперь все силы пришли в движение, и я среди этой бури страстей чувствую себя в своей стихии. Как ни сильно волнуются, однако, в груди Корделии страстные желания, сама она остается по-прежнему спокойно-изящной. Душевное содержание ее не мельчает в быстромменяющихся настроениях, не разменивается на отдельные моменты. Она похожа теперь на Афродиту, олицетворяя собою и телесную, и душевную гармонию красоты и любви, с той лишь разницей, что она не покоится, как богиня, в наивном и безмятежном сознании своей прелести, а взволнованно прислушивается к биению своего переполненного любовью сердца и всеми силами борется с мановением бровей, молнией взора, загадочностью чела, красноречием вздымающейся груди, опасной заманчивостью объятий, мольбой и улыбкой уст, словом – со сладким желанием, охватывающим все ее существо! В ней есть сила, энергия валькирии, но эта сила чисто эротическая и умеряется каким-то сладким томлением, веющим над ней. Нельзя, однако, оставлять ее слишком долго на этой высоте настроения, где страх и волнение могут воодушевить ее и не дать пасть. Надо, чтобы она почувствовала всю стеснительность и мелочность формальной связи, выражением которой является помолвка – тогда она сама станет соблазнительницей и заставит меня перешагнуть границы обыденной житейской морали, сама потребует этого, и это для меня важнее всего.

* * *

Из разговоров с Корделией можно заметить, что наша помолвка надоела ей. Такие вспышки не ускользают от моего слуха, они мои проводники в лабиринте ее души, концы нитей, которыми я опутаю ее и увлеку в плен.

19 октября

Моя Корделия!

Ты жалуешься на нашу помолвку; тебе кажется, что наша любовь не нуждается в цепях, которые являются одной помехой. В этих словах я сразу узнаю тебя, моя несравненная Корделия, и удивляюсь тебе! Эти внешние узы, в сущности, лишь разделяют нас; они – нечто вроде перегородки, стоявшей между Пиратом и Фисбой. Больше всего мешает нашей любви то, что посторонние знают о ней. Свобода и счастье в противоположном. Любовь имеет значение только тогда, когда никто посторонний не подозревает о ее существовании. Любовь счастлива лишь тогда, когда посторонние предполагают, что любящие ненавидят друг друга.

Твой Йоханнес.

21 октября

Скоро порвутся наружные узы! Она сама разорвет их, думая, что свобода отношений еще сильнее пленит меня, как распущенные локоны пленяют взор больше, чем связанные лентой. Если бы я сам возвратил ей кольцо, я лишил бы себя удовольствия видеть в ней эту соблазнительную эротическую метаморфозу, верный признак смелости ее души. Это первая и главная причина. Кроме того, подобный шаг с моей стороны повлек бы за собою много других неприятных последствий для меня. Невинные девушки стали бы презирать меня, ненавидеть, хотя и несправедливо. Ведь поступок мой был бы даже выгоден для некоторых из них. Есть немало девиц, которые за неимением настоящего жениха были бы довольны стать невестой хоть на время. По их мнению, это все же кое-что, хотя, по правде сказать, и не много: раз девушке удастся попасть в список таких кандидаток – прощай возможность настоящего производства! И чем большее число раз заносится она в этот список, тем слабее становится и возможность. В мире любви не существует, как в служебной иерархии, принципа старшинства по отношению к производству и повышению. И, тем не менее, несмотря на все эти невыгоды, барышни иногда так надоеет ее невозмутимая, нетронутая девическая жизнь, что она почувствует непреодолимую потребность хоть в каком-нибудь волнении. А что же в таком случае лучше несчастной любви, особенно если обладаешь способностью не слишком горячо принимать свои неудачи к сердцу? И вот такая девица воображает сама и рассказывает другим, что она «обманута» и, если еще не получила права поступить в обитель «Кающейся Магдалины», то во всяком случае достойна попасть в приют «Плачущих дев». Итак, ненавидеть меня будут скорее по обязанности, нежели от чистого сердца. Затем, к ненависти девиц первой категории, надо еще будет присоединить ненависть всецело, наполовину, на три четверти и т. д. В этом отношении девицы делятся на несколько степеней, начиная с тех, которые могут сослаться на обручальное кольцо, и кончая цепляющимися к какому-нибудь рукопожатию в кадрили. К какой бы степени они, однако, ни принадлежали, сердечная рана их была бы, без сомнения, растравлена новым примером вероломства мужчины, и они воспылали бы ко мне горячей ненавистью. Впрочем, – на здоровье. Ведь все эти ненавистницы изображают на самом деле тайных искательниц моего бедного сердца! Король без королевства – нелепая фигура, но война за первенство среди толпы претендентов на несуществующее королевство – еще нелепее.

Выходит, таким образом, что на основании всего вышесказанного прекрасному полу следовало бы, напротив, полюбить меня за мое предполагаемое вероломство, как какого-нибудь содержателя «ссуды любви». Настоящий жених может ведь удовлетворить лишь одну, а я в этой новой роли удовлетворил бы (не надо только спрашивать, как) скольких угодно. И вот от всего этого вздора я теперь избавлюсь, да еще получу кое-какие преимущества. Молодые девушки будут жалеть меня, сочувствовать мне, вздыхать обо мне. Я, конечно, сумею петь в унисон, и таким образом мне удастся, пожалуй, изловить еще кое-кого.

* * *

В последнее время я с ужасом замечаю у себя появление компрометирующего знака, которым Гораций желает снабдить каждую вероломную девушку, – черного зуба, да еще переднего вдобавок! Как, однако, человек мелочен: зуб этот положительно отравляет мне жизнь, он – моя слабая струна, я не могу вынести даже малейшего намека на него. Вообще я довольно-таки неуязвим, но самый величайший болван может нанести мне удар несравненно глубже и сильнее, чем он сам это думает, лишь слегка затронув в разговоре этот предмет. Право, на свете много странного! Один вид моего черного зуба мучит меня куда больше самой упорной зубной боли. Я хочу вырвать его, но этим я испорчу свое произношение, нельзя уже будет владеть

речью в таком совершенстве. Но будь что будет, я все-таки вырву его и вставлю фальшивый. Последний будет фальшью только относительно посторонних людей.

24 октября

Великолепно! Помолвка наша положительно возмущает Корделию. Да, брак все-таки почтенный обычай, хоть и набрасывает на кипящую жизнь молодость ту серую тень скучной почтенности, которая приличествует, по-моему, лишь бесстрастной старости. Но помолвка – это чисто человеческая выдумка, которая имеет в одно и то же время одинаково нелепое, как и важное значение, так что, с одной стороны, вполне естественно, если девушка в порыве страсти перепрыгнет через нее, а с другой стороны, подобный прожект все-таки столь важен, что потребует от нее сильного душевного напряжения и энергии. Теперь моя задача – направить Корделию так, чтобы она, боясь лишиться моей любви, пренебрегла такой несовершенной человеческой выдумкой, как помолвка, погналась за чем-то высшим и в этом смелом фантастическом беге совершенно потеряла из виду берег действительности. И мне нечего опасаться неудачи. Ее жизненная поступь уже настолько стремительна, легка и воздушна, что действительность давно, в сущности, осталась позади. Кроме того, я сам ведь не схожу с корабля и всегда могу выкинуть новые паруса.

* * *

Женщина всегда была и останется для меня неисчерпаемым материалом для рассуждений, вечным источником наблюдений и выводов. Человек, не чувствующий потребности в изучении женской природы, может, по-моему, быть чем угодно, только не эстетиком. Божественное преимущество эстетики именно в том, что предмет ее исключительно прекрасное: изящная литература и прекрасный пол. Я восхищаюсь, видя, как солнце женственности и красоты, сияя бесконечным разнообразием переливов, разбрасывает свои лучи во все уголки мира. Каждая отдельная женщина носит в себе частицу этого всемирного богатства, причем все остальное содержание ее существа гармонически группируется около этой блестящей точки. В этом смысле женская красота бесконечно делима, но каждая отдельная частица ее непременно должна находиться, как уже сказано выше, в гармоническом сочетании с внутренним содержанием женщины, иначе от нее получится неопределенно-смешанное впечатление – как будто природа задумала что-то, да не выполнила. Взор мой никогда не устанет любоваться этими разбросанными, отдельными проявлениями красоты – ведь каждая частица представляет своего рода совершенство, свою особенную прелесть. У каждой женщины есть нечто свое собственное, принадлежащее ей одной: например, веселая улыбка, лукавый взгляд, поклон, шаловливый нрав, пылкое волнение, тихая грусть, глубокая меланхолия, земное вожделение, повелительное мановение бровей, тоскливый взор, манящие уста, загадочное чело, длинные ресницы, небесная гордость, земная стыдливость, ангельская чистота, мгновенный румянец, легкая походка, грация движений, мечтательность, стройный стан, мягкие формы, пышная грудь, тонкая талия, маленькая ножка, прелестная ручка – у каждой свое, не похожее на то, чем обладают другие. Налюбовавшись вдоволь на это разнообразие сверкающих лучей красоты, вызывавшее во мне тысячу раз и улыбку, и вздох, и угрозу, и желание, и искушение, и слезы, и наслаждение, и надежду, и страх, я, наконец, закрываю веер – разбросанное сосредоточивается в одно, частицы в целое. Тогда душа моя исполняется блаженства, сердце бьется и вспыхивает страсть. Есть, однако, девушка, которая одна соединяет в себе все, что разбросано в тысячах других, и эта единственная во всем мире девушка должна быть моей. Я оставляю правоверным весь Магометов рай – пусть только она принадлежит мне. Я знаю, что выбираю; я знаю, что, принадлежи она к числу гурий, сам рай не захотел бы расстаться с ней. Что же и осталось бы в нем, если бы я взял ее? Правоверные мусульмане были бы обмануты в своих надеждах – им бы пришлось обнимать в раю лишь бледные бессильные тени, встречать всюду лишь бескровные

уста, потускневшие очи, безжизненные груди, слабые рукопожатия. Да и как иначе? Ведь вся теплота сердца сосредоточена в ее груди, румянец на ее устах, огонь в ее взоре, волнующая страсть желаний, обещание рукопожатий, упоение объятий – все, все соединено в ней одной, отдавшей мне одному то, что хватило бы тысячам других на целую жизнь и на земле, и в раю Магомета! Я вообще часто думаю о женщине и всякий раз, увлекаясь сам, представляю себе и ее такой же пылкой, горячей, полной страстных желаний. Теперь же я хочу, для разнообразия, попробовать нарисовать себе ее, не выходя из роли хладнокровного мыслителя, хочу представить себе и уяснить существо женщины категорически. Какое определение выразит сущность женщины? «Бытие для другого». Не следует, однако, понимать этого определения в дурном смысле, предполагать, что она существует и для другого, и для третьего и т. д. Нет, тут, как и почти всегда при абстрактном мышлении, следует вообще строго воздерживаться от всяких ссылок на опыт. Иначе мне самому пришлось бы на основании опыта говорить теперь и за, и против себя. Опыт ведь, собственно говоря, странная персона, его сущность в том, чтобы быть и за, и против чего-нибудь. Итак, женщина – это «бытие для другого», и напрасно ссылаться на опыт, поучающий нас, что, напротив, женщины, к которым бы действительно подходило это определение, встречаются очень редко, что большинство из них остается «ничем», как для себя, так и для других. Определение свое – «бытие для другого», женщина разделяет ведь со всей природой и с отдельными частями ее, принадлежащими к женскому роду. Вся органическая природа также существует для другого – для духа; отдельные части ее – также; растительность, например, разворачивается во всей своей могучей прелести не для себя самой, а для других. То же с другими категориями женского рода, – загадка, тайна, гласная буква и т. д. – все это ничего не значит само по себе, все это – «бытие для другого». Вполне понятно, почему Творец, создавая Еву, навел на Адама сон: женщина – сновидение, мечта мужчины. Можно прийти к тому же выводу, что женщина есть «бытие для другого», и иным путем. Сказано ведь, что Иегова взял одно из ребер мужчины; возьми же он, например, частиц его мозга, женщина, конечно, оставалась бы «бытием для другого» – хоть в качестве бреда, но все же это было бы не то, что теперь. Теперь она стала плотью и кровью, а через это стала и частью природы, которая вся – «бытие для другого»; кроме того, как уже сказано выше, женщина есть мечта, сновидение; она перестает быть мечтой, сновидением, т. е. пробуждается лишь от прикосновения любви. В период сновидений и грез женщины можно, однако, различить две степени: когда любовь грезит о ней, и – когда она сама грезит о любви.

Что же такое подразумевается под этим определением «бытие для другого», в чем оно состоит? В девственности женщины. Надо заметить, впрочем, что девственность лишь отвлеченное понятие, и получает оно свое истинное значение «бытия» только тогда, когда проявляется в действительности, т. е. отдается другому, то же самое можно отнести к понятию о женской невинности. Итак, если смотреть на женщину как на самостоятельное бытие, она исчезает, становится как бы невидимкой. Вот почему, вероятно, и не существовало изображений Весты, богини, олицетворявшей саму по себе вечную девственность. Стараться изобразить или хоть представить себе невидимое – значит ведь исказить самую сущность его. И тем не менее во всем этом кроется кажущееся противоречие: то, что существует для «другого», как бы не существует на самом деле, и самое проявление его всецело зависит от этого «другого»! Противоречие это, впрочем, не имеет в себе ничего нелогичного, и человек с логическим мышлением не только поймет его, но и придет от него в восторг. Лишь нелогичные люди могут воображать, что все, существующее для «другого», существует в обыденно-определенном смысле, как и всякая вещь, о которой можно сказать: «Вот это мне пригодится». Это «бытие» женщины (слово «существование» слишком широкое понятие, так как она не существует сама по себе и для себя) лучше всего назвать «благоухающей прелестью» женского существа: выражение это вызывает представление о растительном царстве, а женщина ведь вообще похожа на цветок, как любят говорить поэты, в ней даже духовное ее содержание растет, разворачивается, как

почка растения. Она всецело подчинена определению, присущему самой природе, и свободна только в эстетическом смысле, в действительном же смысле становится свободной лишь тогда, когда освободит ее своей любовью мужчина. И если только он влюблен в нее, как следует, не может быть и речи о выборе с ее стороны. Это не значит, впрочем, что женщина совсем не выбирает, и она выбирает отчасти, но нельзя же представить себе, что этот выбор является результатом долгого обсуждения, подобный выбор был бы не женственным. Оттого получить отказ от женщины – позор для мужчины, это значит, что он возмечтал о себе слишком много, вздумал освободить женщину и не сумел. В самих отношениях между мужчиной и женщиной, с момента ее освобождения его любовью, кроется, однако, глубокая ирония. То, что существует лишь для другого, получает вдруг преобладающее значение: мужчина признается в любви – женщина выбирает; женщина по самому существу своему есть лицо побежденное, мужчина же – победитель, и тем не менее победитель преклоняется пред побежденной. И все-таки, все это, в сущности, настолько естественно, что надо быть очень грубым, глупым и ничего не смыслящим в делах любви, чтобы вздумать игнорировать то, что раз навсегда установилось так, а не иначе. В основе таких отношений лежит глубокая причина: женщина ведь непосредственное бытие, мужчина – размышление, потому она и не выбирает сама по себе; она может выбирать лишь тогда, когда мужчина уже признается ей в своей любви. Таким образом, объяснение со стороны мужчины – вопрос, выбор женщины – лишь ответ на этот вопрос, так что, если в одном отношении мужчина стоит, пожалуй, выше женщины, зато в другом – бесконечно ниже. Итак, самая сущность бытия женщины для другого состоит в ее чистой девственности, последняя же, как сказано, понятие отвлеченное и становится действительностью лишь тогда, когда отдается другому, т. е. перестает существовать, исполняя свое назначение. Если же она захочет проявиться в жизни в какой-нибудь другой форме, то единственно возможной является в таком случае форма прямо противоположная: абсолютная неприступность. Но эта же самая противоположность доказывает, что существование женщины – «бытие для другого». Диаметральная противоположность тому, чтобы отдаться всецело, есть полная девственная неприступность, которая в своем истинном значении существовала лишь в виде отвлеченного понятия, не поддающегося никаким объяснениям и представлениям, но зато и не переходящего в жизнь. Если такая девственность пойдет дальше, то проявится она уже в форме отвлеченной жестокости, которая представляет собою карикатурную крайность истинной девственной неприступности. Этим объясняется, почему мужчина никогда не может быть так бессознательно жесток, как девушка. В мифах, народных сказаниях и легендах – везде, где только изображается стихийная сила, не знающая пощады в своей бессознательной жестокости, она олицетворяется девственным существом. Сколько, например, бессознательной жестокости в рассказах о девушках, которые безжалостно дают погибнуть своим женихам! Какой-то сказочный «Синяя Борода» убивал своих жен на другой же день после свадьбы, но ему ведь не доставляло наслаждения убивать их – напротив, наслаждение уже предшествовало убийству; жестокость совершалась, следовательно, не ради самой жестокости, а вследствие особых причин. Возьмем затем Дон Жуана. Он обольщает девушек и бросает их, но и для него наслаждение не в том, чтобы бросить, а в том, чтобы обольстить – и здесь нет признаков упомянутой отвлеченной, девственной жестокости. Словом, чем больше я думаю о существовании женщины, тем более убеждаюсь, что моя практика вполне гармонирует с моей теорией. Практика моя основана на убеждении, что женщина есть «бытие для другого». Поэтому минута приобретает здесь бесконечное значение: «бытие для другого» исчерпывается одной минутой. Может пройти много или мало времени, прежде чем минута эта настанет, но раз она настала – абсолютное бытие прекращается, переходя лишь в относительное, а затем и конец всему! Я знаю, мужья много говорят о том, что женщина есть «бытие для другого» в высшем смысле, что она для них – все в продолжение всей их совместной жизни. Что ж? Приходится простить этим добрым людям их заблуждение, хотя, правду сказать, я думал, что они, утверждая это, только отводят глаза друг другу. Во

всяком обществе существуют ведь известные установленные обычаи, в особенности же известные «обманы»; к последним относится, между прочим, и этот взаимный отвод глаз. Уловить минуту, понять, что она настала, впрочем, не легкая задача, и нечего удивляться, если профаны навязывают себе, благодаря тугому соображению, скуку на целую жизнь. Минута – все, и в эту минуту женщина также – все; последствий я вообще не признаю. Мало того, одного из таких последствий, детей, я (хоть и считаю себя последовательным мыслителем) даже представить себе не могу, не понимаю даже возможности его – для этого, вероятно, нужно быть женатым. Вчера мы с Корделией были в гостях в одном знакомом семействе, живущем на даче. Общество почти все время проводило в саду, занимаясь различными играми. Играли, между прочим, в серсо. Я воспользовался случаем занять место одного господина, игравшего с Корделией. Какую бездну женственности и грации проявила она в бессознательном увлечении игрой. Какая чудная гармония отражалась во всех ее движениях, воздушных и легких, как танцы эльфов при лунном свете! Какая смелость, энергия, какой вызывающий взгляд! Самая сущность этой игры кольцами представляла для меня особенный интерес. Корделия же, по-видимому, не догадывалась об этом, и вскользь брошенный мной одному из партнеров намек на прекрасный обычай обмениваться кольцами поразил ее как молния. С этой минуты игра осветилась каким-то особенным внутренним светом, получила глубокое значение для нас обоих. Энергия самой Корделии все разгоралась. Вот, наконец, я схватил оба кольца и немного подержал их оба на своей палке, разговаривая с окружающими. Она поняла эту паузу. Я перебросил кольца к ней, она схватила их и как бы невзначай взметнула оба сразу прямо вверх, так что они разлетелись в разные стороны и мне нельзя было поймать их. Движение это сопровождал взгляд, полный безграничной отваги.

Рассказывают об одном французском солдате, участвовавшем в походе на Россию, которому надо было ампутировать ногу вследствие гангрены. Когда мучительная операция окончилась, он схватил ногу за ступню и подбросил ее вверх с криком: «Vive l'Empereur!». Такой вдохновенный порыв охватил Корделию, когда, прекрасная и торжественная, бросив оба кольца вверх, она воскликнула про себя: «Да здравствует любовь!» Я счел одинаково рискованным и последовать за ней в этом сверхъестественном разбеге ее души, и предоставить ей увлечься этим душевным движением одной: за таким сильным возбуждением следует обыкновенно упадок душевных сил. Потому я счел за лучшее успокоить ее своим равнодушным видом, притворяясь, что ничего не заметил и не понял, и игра продолжалась. Подобный образ действий придаст ее силам еще большую упругость.

* * *

Если бы в наше время возможно было ожидать сочувствия к подобного рода исследованиям, я назначил бы премию человеку, сумеющему ответить на вопрос: кто, с эстетической точки зрения, более целомудрен – молодая девушка или новобрачная, несведущая или сведущая, и кому из них можно предоставить поэтому большую свободу?

Но, увы. Подобные вопросы не занимают никого в наш серьезный век. Вот в Древней Греции такое исследование возбудило бы всеобщее внимание, взволновало бы все государство, особенно – самих молодых девушек и женщин. В жизни замужней женщины есть две эпохи, когда она бывает интересна, – в самой первой молодости и затем много лет спустя, когда делается гораздо старше. Есть, впрочем, в ее жизни минута, когда она бывает милее, прелестнее молодой девушки, внушает к себе большее уважение. К сожалению, такая минута случается в действительной жизни очень редко, место ей скорее в воображении. Представьте себе женщину – молодую, цветущую, пышную... Она держит в руках ребенка, в созерцание которого ушла всей душой. Это самая чудная картина, для которой только может дать сюжет действи-

тельная жизнь, – это какой-то поэтический миф! Но поэтому его и нужно видеть лишь в художественном изображении, а не в действительности.

На этой картине не должно быть других фигур, никаких декораций – все это только мешает впечатлению. В церкви, при крестинах, например, часто можно встретить мать с ребенком на руках, но окружающая обстановка, не говоря уже о раздражающем крике ребенка и о беспокойных лицах родителей, встревоженных мыслью о будущем крикуна, сводит впечатление к нулю. Особенно мешает в этом случае присутствие отца – один вид его уничтожает почти всякую иллюзию, а как увидишь затем (страшно сказать даже) целое войско кумов и кумушек – что же останется тогда?! Картина же матери с ребенком на руках, рисуемая воображением, прелестна, и, случись мне наблюдать ее в действительности, признаюсь, у меня не хватило бы ни духу, ни безумной дерзости отважиться на эротическое нападение – я был бы обезоружен.

25 октября

Моя душа полна одной Корделией! И все-таки конец близок: мое сердце настойчиво требует новизны. Я уже слышу вдали крик петуха. Может быть, и она слышит его, но думает, что он возвещает не зарю пробуждения, а зарю новой любви. Зачем девушка так хороша и зачем ее прелесть так недолговечна? Наслаждайся и не рассуждай? Люди, углубляющиеся в подобные размышления, не умеют наслаждаться. Не мешает, впрочем, время от времени подчиняться подобными вопросами: они нагоняют на тебя меланхолическую грусть, а эта последняя придает мужественной красоте человека особенно выгодный оттенок и является одним из эротических орудий мужчины. Да, раз девушка отдалась – все кончено. К молодой девушке я всегда приближаюсь с каким-то внутренним трепетом: сердце бьется, я чувствую, какая вечная сила вложена в ее существо. Перед замужней женщиной я ничего подобного не ощущаю. Слабый, искусственный отпор с ее стороны не имеет ровно никакого значения в эстетическом смысле, и отступить с большим уважением перед чепчиком замужней женщины, чем перед непокрытой головкой молодой девушки, – бессмыслица. Диана всегда была моим идеалом. Это олицетворение чистой девственности и абсолютной неприступности сильно интересует меня. Тем не менее, я не могу не коситься на нее слегка. Она хорошо знала, что все ее значение в одной девственности, потому и осталась строго целомудренной. Кроме того, мне удалось подслушать в одном таинственном историко-филологическом уголке намеки на то, что Диана имела представление об ужасных родовых муках, вынесенных ее матерью, и что это обстоятельство испугало ее больше всего. Впрочем, она совершенно права, и я согласен с Еврипидом: лучше три раза побывать на войне, чем один раз родить. Я, конечно, не мог бы влюбиться в Диану, но дорого дал бы за разговор с ней, за основательный разговор, «по душам», что называется. Я уверен, что она очень шаловлива и довольно-таки сведуща. Пожалуй, эта целомудренная богиня куда менее наивна, чем сама Венера, и меня ничуть не манит подсматривать за ней в купальне. Другое дело – поговорить с ней! Я бы тщательно подготовился к этой беседе и, приступая к ней вооруженный с ног до головы, привел бы в движение все мои эротические силы!

* * *

Я часто раздумываю о том, какое положение, какую минуту следует считать самой соблазнительной? Ответ зависит, конечно, от того, что соблазняет данного человека, и каково его эстетическое развитие. Что же до меня самого, то я лично стою за день свадьбы и особенно за известную минуту его. Это минута, когда невеста стоит в своем венчальном наряде, и весь блеск и пышность его бледнеют перед ее красотой, а она сама бледнеет перед чем-то неизвестным, неизведанным, ожидающим ее сейчас, когда сердце ее почти останавливается в груди, взор теряется в пространстве, ножка скользит, когда торжественность положения подкрепляет ее, надежда поднимает на своих крыльях, когда она вся уходит в самое себя, не принадлежа более миру, чтобы принадлежать «ему» одному, когда грудь ее волнуется, слеза дрожит на ресницах, когда загадка готова разрешиться, зажигает факел и жених ожидает ее! Но эта минута так скоро исчезает в вечности; довольно ведь одного шага. Да, одного шага; однако и этого иногда достаточно, чтобы оступиться! В такую минуту и незначительная сама по себе девушка проявляет нечто высшее; какая-нибудь Церлина и та становится интересной.

* * *

Остался ли я в своих отношениях с Корделией верен священным обязательствам моего союза? Да – обязательствам союза с эстетикой. Моя сила в том и заключается, что я постоянно остаюсь верен идее. В этом тайна моей силы, как тайна силы Самсона была в его волосах, но никакой Далиле не вырвать у меня признания. Обольстить девушку попросту, добиться одного физического обладания ею – для такого дела у меня, пожалуй, не хватит энергии и силы характера; лишь мысль о том, что я служу идее, может придать мне силу быть строгим к самому себе, воздерживаться от всякого запрещенного наслаждения и неуклонно идти к цели. Не преступил ли я хоть раз за все это время законов интересного? Ни разу. Я имею право смело сказать это самому себе. Интересный фон для всех моих действий был набросан уже самой помолвкой; интерес именно в том и заключался, что помолвка эта была лишена того оттенка, который обыкновенно называют «интересным», и вследствие этого обстановка ее составила интересное противоречие с ее внутренним содержанием. Если бы наша помолвка оставалась в тайне между мной и Корделией, она бы тоже была интересна, но уже только в обыкновенном смысле. И вот теперь союз наш порвется – она сама его порвет, чтобы перейти границы обычного и унести в высшие сферы. Так и должно быть: это обещает фазис интересного, и это-то привлекает ее сильнее всего.

27 октября

Узы порвались! Исполненная сладкого желания, силы и отваги, летит она, как орлица, только что почуявшая возможность расправить свои молодые крылья. Лети, моя орлица, лети! Будь этот царственный полет удалением от меня, я огорчился бы, бесконечно огорчился бы, как Пигмалион, если бы его ожившая статуя вновь окаменела. Я сам сделал Корделию легкой, как мысль, и вдруг эта мысль перестала бы принадлежать мне – было бы отчего сойти с ума! Положим, случись это минутой раньше – меня оно не тронуло бы, минутой позже – я тоже отнесся бы к этому равнодушно, но теперь! Эта минута значит для меня больше, чем сама вечность! Впрочем, ей не улететь от меня. Лети же, моя орлица, лети, несись на своих гордых крыльях, скользи в воздухе! Скоро я присоединюсь к тебе, скоро укроюсь с тобой в глубоком уединении! Тетку несколько озадачило это известие. Она, однако, слишком либеральна, чтобы вздумать неволить Корделию, хотя я, – отчасти для того, чтобы окончательно усыпить всякие подозрения, отчасти, чтобы немножко подразнить Корделию, – не раз принимался упрашивать ее принять участие в моей беде. Тетушка, впрочем, искренно сочувствует мне, принимает во мне самое горячее участие, нисколько и не подозревая, что я желаю одного – избавиться от всякого участия и вмешательства в мои дела.

* * *

Корделия получила позволение уехать на несколько дней в деревню к своим знакомым. Это превосходно. Ей нельзя, следовательно, будет всецело отдаться своему возбужденному настроению. Совсем же улечься ему не даст некоторое сопротивление извне. Я не перестану поддерживать с нею письменные сношения и постараюсь подкрепить ее, внушая ей несколько эксцентричное презрение к людям и ко всему обыденно-житейскому. И вот наконец настанет день – за ней придет экипаж, и мой верный слуга проводит ее на место свидания. Если я могу кому-нибудь доверить такое важное поручение, так это именно моему Юхану: после себя я не знаю более подходящего человека. Гнездышко же убрано мной самим с большим старанием: все, что только может соблазнить ее душу и убаюкать ее в блаженном сне, все соединено тут, ничто не забыто.

28 октября

Моя Корделия!

Еще отдельные крики почтенных горожан не слились в общее гоготание capitoлийских гусей, но прелесть ядовитых соло тебе, наверное, уже пришлось отведать. Представь же себе все это собрание мужчин и женщин-сплетниц под председательством дамы, бессмертного создания Клавдиуса, председателя Ларса в юбке, – и вот тебе готовая картина, мерило того, чего ты лишилась, – мнения добрых людей. Я прилагаю при сем знаменитую гравюру, изображающую заседание под председательством этого почтенного Ларса. Отдельно ее нельзя было достать, и я купил весь том, вырвал ее и посылаю тебе. Остальное тебе не нужно – я не смею обременять тебя подарками, не имеющими для тебя никакого значения в настоящую минуту, и, напротив, употребляю все усилия, чтобы дать тебе только то, что может доставить хоть минутное удовольствие. Ничего ненужного, ничего лишнего! Неуместная щедрость свойственна лишь природе да человеку, рабски связанному узкими житейскими требованиями. Ты же, моя Корделия, – свободна и ненавидишь все подобное!

Твой Йоханнес.

* * *

Что ни говори, весна – прекраснейшая пора для любви, а осень – лучшее время для того, чтобы стоять у цели своих желаний. Осень проникнута какой-то грустью, соответствующей тому волнению, которое возбуждает в душе сознание, что долго лелеемое желание твое наконец исполнено и тебе пока нечего более нетерпеливо и страстно ждать... Сегодня я опять посетил дачу, где Корделия найдет обстановку, вполне гармонирующую с ее душевным настроением. Я не хочу приехать вместе с ней и разделить таким образом ее удивление и радость при виде всего окружающего: это могло бы ослабить эротическое напряжение ее души. Очутившись там одна, она скорее отдастся мечтам, повсюду увидит намеки – и волшебный мир любви охватит ее своими чарами. Если же я буду стоять рядом, впечатление пропадет – мое присутствие заставит ее позабыть о том, что уже минуло то время, когда мы вместе могли поддаваться обаянию окружающего. Обстановка дачи рассчитана, впрочем, не на то, чтобы наркотически усыпить душу Корделии, которая, напротив, должна почувствовать себя здесь легкой, свободной и понять, что все это – пустяки в сравнении с ожидающим ее впереди. В продолжение нескольких дней, которые остаются еще до ее приезда, я намерен часто посещать этот уголок, чтобы поддержать в себе нужное настроение.

29 октября

Моя Корделия!

Теперь я могу назвать тебя моей: ни один наружный признак не напоминает мне более о моем обладании. Да, скоро ты будешь воистину моя! Когда я крепко сожму тебя в своих объятиях и ты прильнешь ко мне, тогда нам не нужно будет кольца, напоминающего, что мы принадлежим друг другу: сами объятия – не то же ли, что кольцо, только гораздо крепче всякого обыкновенного? И чем теснее, чем плотнее охватит нас это кольцо, тем свободнее будем мы сами. Ведь твоя свобода именно в том, чтобы быть моей, а моя – быть твоим.

Твой Йоханнес.

30 октября

Моя Корделия!

Алфей влюбился на охоте в нимфу Арефузу. Она, однако, не хотела внять его мольбам и все бегала от него, пока, наконец, не превратилась в источник. Алфей так сильно горевал о ней, что сам стал рекою. Но и в новом своем виде он не забыл своей возлюбленной и под землей соединился с дорогим источником. Миновала ли пора метаморфоз? Миновала ли пора любви? С чем же мне сравнить твою чистую, глубокую, не имеющую ничего общего с этим миром душу, как не с источником? И не говорил ли я тебе, что похож на озеро, влюбленное в тебя? Не бросаюсь ли я теперь, когда мы разлучены, в непроглядную глубину, чтобы вновь соединиться с тобой? Только там, под покровом непроницаемой тайны, мы можем принадлежать друг другу, как должно.

Твой Йоханнес.

31 октября

Моя Корделия!

Скоро, скоро ты будешь моей! Когда солнце сомкнет свое всевидящее око, когда минет пора историй и начнутся мифы, когда ночь укроет меня своим темным плащом, я поспешу к тебе, прислушиваясь во тьме, чтобы найти тебя, не к звуку твоего голоса, а к биению сердца.

Твой Йоханнес.

2 ноября

В дни, когда я не вижу с ней, меня тревожит мысль: а что если ей придет в голову подумать о будущем? До сих пор я умел усыплять ее воображение эстетическими грезами и таким образом устранять опасность. По-моему, нельзя представить себе ничего более «неэротического», как эта болтовня о будущем, происходящая от того, что нечем наполнить настоящее, и когда я сам с ней, я умею заставить ее забыть и время, и вечность. Кто не умеет до такой степени овладеть душой девушки, тот лучше и не пытайся обольстить ее – он ведь неминуемо наткнется на два подводных камня: вопрос о будущем и религиозную исповедь. Не мудрено, что Гретхен спрашивала Фауста о вере, он ведь неосторожно явился ей в образе рыцаря, а в борьбе с подобным противником девушка пускает в ход и соответствующие требования.

3 ноября

Теперь, кажется, все готово к ее приему. Да, у нее не будет недостатка в случаях удивляться моей памяти, моей тонкой предусмотрительности, вернее, не хватит даже времени удивляться. Не забыта ни одна мелочь, которая могла бы иметь для нее значение. Моя заботливая рука видна во всей обстановке, хотя нет и ни одного предмета, который бы прямо указывал на меня. Общее впечатление, однако, вполне зависит от первой минуты. Я позаботился о том, чтобы она получила именно то впечатление, которое нужно: Юхану дана подробнейшая инструкция, а уж он мастер своего дела и сумеет по моему приказанию проронить небрежное замечание, где следует, сумеет и промолчать вовремя, и притвориться незнающим, словом, он незаменим в таких случаях. Местоположение дачи как раз таково, какое бы пожелала сама Корделия. Посредине зала не видишь в окна никакого переднего плана, взор уходит прямо вдаль, в безбрежное море воздуха, и чувство какого-то грустного одиночества невольно овладевает душой. Немного приблизившись к окнам, различаешь на дальнем горизонте мягкие очертания леса, как венком, окаймляющего все видимое пространство. Так и должно быть. Чего желает всегда любовь? Отгородить себе уголок. Ведь и самый рай был чудесным отгороженным уголком земного шара. Если же подойти к окну вплотную – перед глазами блеснет серебряное озеро, притаившееся около дома; у берега привязан челнок. Один вздох переполненной груди, одно движение взволнованной мысли – челнок отчаливает и скользит по светлому озеру, мечтающему о глубокой мгле леса. Мягкое веянье сладкого желания гонит челнок... дальше, дальше... наконец ты исчезаешь в уединении темного леса! Из окон с другой стороны видна бесконечная ширь моря; ничто не останавливает взора, гонимого беспокойной, ничем не сдерживаемой мыслью. Чего жаждет любовь? Бесконечного простора. Чего страшится любовь? Узких границ. За большим залом идет маленькая гостиная, или, вернее, будуар, – двойник такой же комнаты в доме Валь. Плетеная циновка покрывает пол, перед диваном чайный стол, на нем лампа, копия к той, которую привыкла видеть Корделия. Словом, все то же, но только немного изящнее, богаче – такое изменение я считаю вполне уместным. В большом зале стоит фортепьяно, напоминающее фортепьяно Янсен. Оно открыто, на пюпитре развернутые ноты, это шведская песенка. Дверь в коридор будет стоять полуотворенной, так что, когда Корделия войдет через другие двери (об этом позаботится Юхан), она сразу увидит и фортепьяно, и маленькую гостиную. Воспоминание вспыхнет в ее душе. Юхан проводит ее затем в саму гостиную – иллюзия полная. Она обрадуется – в этом я уверен, взглянув на стол и увидев книгу. Юхан сейчас же возьмет ее, как бы желая убрать, и заметит вскользь: «Должно быть, барин забыл сегодня утром». Тогда она, во-первых, узнает, что я был здесь сегодня, а во-вторых, захочет посмотреть книгу. Это будет немецкий перевод известной сказки Апулея «Амур и Психея»; вещь не особенно художественная, да этого в данном случае и не нужно: предложить девушке при таких обстоятельствах какое-нибудь поэтическое творение – значит почти оскорбить ее. Как будто она сама не обладает достаточной чуткостью души, способностью воспринять всю поэзию своего положения без того, чтобы чужая мысль предварительно переработала и подготовила ей впечатление! Вообще на подобные вещи мало обращают внимание, а между тем здесь все играет очень важную роль. Корделия прочтет книгу, и моя цель будет достигнута: дойдя до того места, где остановился последний читатель, она найдет свежесорванную миртовую веточку и поймет, что последняя служит не только закладкой.

4 ноября

Моя Корделия!

Чего бояться?! Раз мы держимся друг друга – мы сильны, сильнее всего мира, сильнее самих богов! Ты помнишь, мы читали, что некогда жило на земле поколение, хоть и состоявшее также из людей, но совершенно не похожих на нас. Каждый находил удовлетворение в самом себе, не ища союза любви с родственной душой. Они были могущественны, так могущественны, что даже вздумали взять приступом небо. Сам Юпитер испугался и разделил их так, что из одного стало двое: мужчина и женщина. И если теперь иногда случается, что части, составлявшие некогда одно целое, вновь соединяются в тесном союзе любви, союз этот может заставить трепетать самого Юпитера! Союзники ведь получают силу, не только равную силе одного существа до его разделения; они становятся вдвое сильнее, так как союз любви – нечто высшее.

Твой Йоханнес.

6 ноября

Ночь тиха... Три четверти двенадцатого... Все спит безмятежно, только не любовь. Вздыхайте же, таинственные силы любви, соберитесь все в мою грудь! Все молчит, ночная птица бьет крылом, задев в своем низком полете обрызганный росой скат земляного вала. Резкий крик ее будит сонный воздух. И она спешит на свидание. Вся природа полна предзнаменованиями! Я вижу их в полете птиц, в их крике, в шаловливых всплесках рыб в озере, в их исчезновении в глубине, в отзвуках городского шума, в едва слышном стуке колес, в шагах, прозвучавших вдали. В этот ночной час мне не мерещатся призраки, я не нахожусь под властью былого, но грядущего; оно таится и в зеркальной глади озера, и в поцелуях росы, и в тумане, охватившем землю своими плодотворными объятиями. Все рисует мне чудную картину, рассказывает волшебную сказку. Я сам становлюсь мифом о самом себе. Да разве все происходящее теперь – не миф? Я спешу на свидание; кто я, что я – не имеет никакого значения; все конечное, временное исчезло, остается вечное: сила любви, ее желание, ее блаженство! Моя душа напряжена, как натянутый лук, желания лежат в колчане, как стрелы, хотя и не ядовитые, но вполне готовые смешаться с кровью.

Я чувствую себя сильным, светлым, всеобъемлющим, как божество! Да, природа создала ее прекрасной. Великое спасибо тебе, чудная природа! Как мать, ты взлелеяла ее. Спасибо за твою заботливость! Благодаря тебе ее чистая, цельная, глубокая натура ничем не искажена. Спасибо и вам, люди, которым она обязана этим. Эстетическое же развитие ее – моя заслуга, и скоро я получу награду. Сколько сил затрачено мной, чтобы подготовить одно мгновение, которое сейчас ожидает меня! Смерть и ад, если оно ускользнет от меня! Я еще не вижу моего экипажа.

Но, чу! Слышны удары кнута. Это мой Юхан. Поезжай же, насмерть загони лошадей, пусть они рухнут оземь у крыльца, только не медли ни одной секунды, пока мы не вместе!

* * *

Почему не может продлиться такая ночь? Если Электрион забывался, отчего же солнце не может быть так сострадательно? Но теперь все кончено, и я не желаю более видеть ее. Раз девушка отдалась – она потеряла всю свою силу, она всего лишилась. Невинность лишь отрицательный момент у мужчины и – суть существа женщины. Теперь сопротивление перестало быть возможным, – оно не имеет больше смысла, а лишь пока существует оно, и прекрасно любить. Как только оно прекращается, остается одна слабость и привычка. Не хочу никаких напоминаний о моих отношениях с ней; она уже потеряла свой аромат. Да и минули давно те времена, когда обманутая девушка могла превратиться с горя в гелиотроп, я не хочу прощаться с ней: для меня нет ничего противнее женских слез и молений, которые, изменяя все, в сущности ничего не значат. Я любил ее – да, но теперь она не может занимать меня больше. Будь я божеством, я сделал бы для нее то, что Нептун сделал для одной нимфы, – превратил бы ее в мужчину. Интересно, однако, решить один вопрос: нельзя ли так поэтически выбраться из сердца девушки, чтобы оставить ее в горделивой уверенности, что это ей надоели отношения? Решение этого вопроса создало бы довольно интересный эпилог к истории любви, богатый психологическими данными из области эротизма.

Афоризмы

Grandeur, savoir, renommée,
Amitié, plaisir et bien
Tout n'est que vent, que fumée:
Pour mieux dire, tout n'est rien.

Величие, мудрость, громкое имя,
Дружба, удовольствия и добродетель —
Не что иное, как ветер, как дым,
Иными словами, – ничто (*франц.*).

* * *

Что такое поэт? Несчастный, переживающий тяжкие душевные муки; вопли и стоны превращаются в его устах в дивную музыку. Его участь можно сравнить с участью людей, которых сжигали заживо на медленном огне в медном быке Фалариса: жертвы не могли потрясти слуха тирана своими воплями, звучавшими для него сладкой музыкой.

И люди толпятся вокруг поэта, повторяя: «Пой, пой еще!», иначе говоря – пусть душа твоя терзается муками, лишь бы вопль, исходящий из твоих уст, по-прежнему волновал и улаждал нас своей дивной гармонией.

Требование толпы поддерживают и критики: это верно, так и должно быть по законам эстетики! Критик, впрочем, – тот же поэт, только в сердце его нет таких страданий, а на устах – музыки. Оттого, по-моему, лучше быть пастухом, понятым своим стадом, чем поэтом, ложно понятым людьми!

* * *

Я предпочитаю разговаривать с детьми – есть, по крайней мере, надежда, что из них выйдут разумные существа, – тогда как те, которые считают себя таковыми... увы!

* * *

Какие люди странные! Никогда не пользуясь присвоенной им свободой в одной области, они во что бы то ни стало требуют ее в другой: им дана свобода мысли, так нет, подавай им свободу слова!

* * *

Ничего не хочется. Ехать не хочется – слишком сильное движение; пешком идти не хочется – устанешь; лечь – придется валяться попусту или снова вставать, а ни того, ни другого не хочется. Словом, ничего не хочется.

* * *

Есть насекомые, умирающие вслед за оплодотворением. Так и наши радости: момент самого полного наслаждения – и их уже нет!

* * *

Полезный совет писателям: следует набрасывать свои размышления как придется и прямо отдавать в печать; при чтении же корректуры могут появиться и новые мысли. Итак, те, у кого до сих пор не хватало храбрости выступить в печати, – смелее! Не следует пренебрегать и опечатками: блеснуть остроумием, – хотя бы только и благодаря опечаткам, – по меньшей мере, законное право писателя!

* * *

Главное несовершенство человеческой природы состоит в том, что цели наших желаний – всегда в противоположном. Можно привести такую массу примеров, что и психологу будет над чем поломать себе голову. Так, ипохондрик особенно чуток к юмору, сластолюбец охотно говорит об идиллии, развратник о морали, скептик о религии. Да и святость постигается не иначе, как в грехе.

* * *

Кроме многочисленных знакомых, у меня есть один друг – грусть. Среди шумного веселья и в часы усердной работы он вдруг отзывает меня, увлекает в свое уединение, и я иду за ним, хотя, в сущности, и не двигаюсь с места. Никогда сердце мое не имело более верного друга – мудрено ли, что я принадлежу ему всем сердцем!

* * *

Какую бесконечную грусть испытываешь при виде человека, совершенно одинокого на свете! На днях я видел такую бедную девушку, – она шла на конфирмацию одна-одинешенька!

* * *

Есть болтливое резонерство, которое по своей нескончаемости и в смысле значения для истории сходно со списком необозримых египетских родословных.

* * *

Старость, как известно, осуществляет мечты юности; пример – Свифт. В молодости он построил дом для умалишенных, а на старости лет и сам поселился в нем.

* * *

Можно просто испугаться того, с каким мрачным глубокомыслием открывали в старину англичане двусмысленность в основе смеха. Вот что говорит, например, д-р Гартли: «Смех при появлении у детей есть начинающийся плач, вызванный болью, или сразу подавленное и повторяющееся через короткие промежутки выражение чувства боли». Что, если бы все на свете было лишь одним недоразумением, если бы смех был, в сущности, плачем!

* * *

Корнелий Непот рассказывает, как один начальник большого кавалерийского отряда, запертый неприятелем в крепости, приказывал ежедневно бить лошадей кнутом, чтобы они не захворали от продолжительной стоянки и бездействия.

Я тоже теперь живу как осажденный и, чтобы не пострадать от продолжительного бездействия, плачу, плачу, пока не устану.

* * *

Сдается мне, я представляю собой нечто в роде шахматной фигуры, о которой противник говорит: заперга!

* * *

Алладин¹ производит на нас такое освежающее впечатление именно потому, что мы видим в этой пьесе детски гениальную смелость самых причудливых желаний. А многие ли в наше время дерзают действительно пожелать, потребовать что-либо, обращаясь к природе: или, как благовоспитанное дитя, с просьбой «пожалуйста», или с бешенством отчаяния? В наше время много толкуют о том, что человек создан по образу и подобию Божию, но много ли найдется людей, которые, сознавая это, принимают по отношению к жизни тон повелителя? Не похожи ли мы все на Нурредина, низко кланяющегося духу, опасаясь потребовать слишком много или слишком мало? Не низводим ли мы каждое великое требование наше к болезненному созерцанию собственного я? Вместо того, чтобы предъявлять требования к жизни, мы предъявляем их к себе, к этому нас, впрочем, готовят и дрессируют!

* * *

Громадная неувядаемая мощь древней народной поэзии в том и состоит, что в ней есть сила желаний. Желания же нашего времени только греховны и пошлы, – у нас все сводится к желанию поживиться за счет ближнего. Народная поэзия превосходно сознает, что у ближнего нет того, чего она жаждет, и поэтому, если иной раз и предъявляет какое-нибудь грешное желание, то оно до того величественно, до того вопиет к небу, что заставляет содрогнуться. Эта поэзия не торгуется в своих требованиях с холодными соображениями трезвого рассудка. До сих пор, например, Дон Жуан проходит перед нами на сцене со своими «1003 любовни-

¹ Драма Эленшлегера. Сюжет взят из «Тысячи и одной ночи».

цами», – и никто не осмелится улыбнуться, – уже из одного уважения к преданию. А вздумай поэт создать что-либо подобное в наше время, его, наверное, осмеют.

* * *

Предание говорит, что Пармениск потерял способность смеяться в трюфонийской пещере, но снова приобрел ее на острове Делос, увидав уродливый обрубок, считавшийся изображением богини Лето. Нечто вроде этого было и со мной.

В ранней юности я было разучился смеяться в трюфонийской пещере; возмужав, я взглянул на жизнь открытыми глазами, засмеялся и с тех пор не перестаю. Я понял, что значение жизни сводится к «теплому местечку»; что цель жизни – чин статского или иного советника; истинный смысл и желание любви – женитьба на богатой; блаженство дружбы – денежная поддержка; истина – лишь то, что признается большинством; восторженность – способность произнести спич; храбрость – риск подвергнуться десятирублевому штрафу; сердечность – послеобеденное пожелание «на здоровье»; набожность – ежегодное говение. Я взглянул на жизнь и засмеялся.

Чем я связан? Из чего была цепь, которою сковали волка Фенриса? Из шума кошачьих шагов, из бород женщин, из корней гор, из дыхания рыб, из слюны птиц. И я скован цепью из мрачных фантазий, тревожных грез, беспокойных дум, жутких предчувствий и безотчетных страхов. Цепь эта «упруга, легка как шелк, растяжима до бесконечности, и ее нельзя разорвать».

* * *

Я, может быть, и постигну истину, но до познания блаженства душевного мне еще далеко. Что же мне делать? Скажут: «займись делом». Каким? Чем мне заняться? Разве оповещать человечество о своей грусти, стараясь представить новые доказательства печального ничтожества человеческой жизни? Или открывать какие-нибудь новые, еще не известные доселе, темные стороны жизни? Этим я мог бы, пожалуй, стяжать себе редкую награду: прославиться, наподобие астронома, открывшего новые пятна на Юпитере. Предпочитаю, однако, молчать.

* * *

Удивительная вещь: во всех возрастах жизни человек занят одним и тем же, трудится над разрешением одной и той же проблемы и не только не двигается с места, а скорее даже идет назад. Еще пятнадцатилетним мальчиком я преважно написал школьное сочинение на тему «Доказательства бытия Бога, бессмертия души, необходимости веры и действительности чуда». На выпускном экзамене мне опять пришлось писать о бессмертии души, и мое сочинение удостоилось особого одобрения; несколько позже я получил даже премию за другое сочинение на ту же тему. Кто поверит, что после такого многообещающего начала я к двадцати пяти годам от роду дошел до того, что не мог привести ни одного доказательства в пользу бессмертия души! Особенно памятно мне, что одно из моих сочинений на упомянутую тему было прочитано учителем вслух и расхвалено как за мысли, так и за слог. Увы! Сочинение это я давно куда-то забросил! Какая жалость! Может быть, оно рассеяло бы теперь мои сомнения. Вот мой совет родителям, начальникам и учителям: следует внушить детям хранить все написанные ими в пятнадцатилетнем возрасте сочинения на родном языке. Дать такой совет – единственное, что я могу сделать для блага человечества.

* * *

Как человеческая натура всегда верна себе! С какой природной гениальностью дает нам иногда маленький ребенок живую картину сложных житейских отношений. Так забавно было сегодня смотреть на маленького Людвига. Он сидел на своем высоком креслице и предвительно посматривал вокруг. По комнате прошла его няня Мария. «Мария!» – кричит он. «Что, Людвиг?» – ласково отвечает она и подходит к нему, а он, слегка наклонивши головку набок и глядя на нее своими большими лукавыми глазенками, прехладнокровно заявляет: «Не ту Марию, другую!» А мы как поступаем? Взываем ко всему человечеству, а когда люди приветливо идут нам навстречу, мы восклицаем: «Не ту Марию!»

* * *

Моя жизнь – вечная ночь. Умирая, я мог бы воскликнуть, как Ахиллес:
Du bist vollbracht, nachtwache meines Daseins!²

* * *

Моя жизнь совершенно бессмысленна. Когда я перебираю в памяти различные ее эпохи, мне невольно хочется сравнить ее с немецким словом «Schnur», обозначающим, как известно, во-первых – шнурок, во-вторых – эпоху. Недоставало только, чтобы оно обозначало еще: в-третьих – верблюда, а в-четвертых – швабру.

* * *

Право, я похож на люнебургскую свинью. Мышление – моя страсть. Я отлично умею искать трюфели для других, сам не получая от того ни малейшего удовольствия. Я подымаю носом вопросы и проблемы, но все, что я могу сделать с ними, – это перебросить их через голову.

* * *

Как, однако, скука ужасно скучна! Более верного или сильного определения я не знаю: равное выражается лишь равным. Если бы нашлось выражение более сильное, оно бы нарушило эту всеподавляющую косность. Я лежу пластом, ничего не делаю. Куда ни погляжу – везде пустота: живу в пустоте, дышу пустотой. И даже боли не ощущаю. Прометею хоть коршун печень клевал, на Локи хоть яд беспрерывно капал, – все же было хоть какое-нибудь разнообразие, хоть и однообразное. Для меня же и страдание потеряло свою сладость. Посулите мне все блага или все муки земные – я не повернусь даже на другой бок ради получения одних или во избежание других. Я медленно умираю. Что может развлечь меня? Вот если бы я увидел верность, восторжествовавшую над всеми испытаниями, увлечение, все преодолевшее, веру,двигающую горы, если б я видел торжество мысли, примиряющее конечное с бесконечным. Но ядовитое сомнение разрушает все. Моя душа подобна Мертвому морю, через которое не перелететь ни одной птице, – достигнув середины, она бессильно падает в объятия смерти.

² Ты завершилась, ночная стража моего бытия! (нем.).

* * *

Сопrotивляться – бесполезно. Нога моя скользит. Жизнь моя все-таки остается жизнью поэта. Можно ли представить себе более злосчастное положение? Я отмечен, судьба смеется надо мной, показывая мне, как все мои попытки к сопротивлению превращаются в поэтические моменты. Я могу описать надежду с такой жизненной правдой, что всякий, «надеющийся и верующий» в жизнь, узнает себя в моем описании, а оно все-таки – ложь: я создал его лишь по воспоминаниям.

* * *

Несоразмерность в построении моего тела состоит в том, что у меня, как у новоголландского зайца, слишком короткие передние ноги и слишком длинные задние. На месте я вообще сижу спокойно, но чуть двинусь с места, движение это проявляется громадным прыжком к ужасу всех, кто связан со мной узами родства или дружбы.

* * *

Удивительно! С каким страхом цепляется человек за жизнь, одинаково боясь и утратить, ее и удержать за собою. Иногда мне приходит мысль сделать решительный шаг, перед которым все мои прежние эксперименты окажутся детской забавой: хочу пуститься в неведомый путь великих открытий. Кораблю, спускаемому с верфи в море, салютуют выстрелами, так же хотел бы я отсалютовать и себе самому. А между тем... Мужества, что ли, не хватает у меня? Хоть бы кирпич свалился мне на голову и пришиб меня до смерти, – все был бы исход!

* * *

Зачем я не родился в бедной семье, зачем не умер ребенком? Отец положил бы меня в гробик, взял его под мышку, снес ранним воскресным утром на кладбище и сам бы закопал в могилку, пробормотав несколько слов, ему одному понятных. Лишь счастливой древности могла прийти мысль изображать младенцев в Элизиуме, оплакивающими свою преждевременную смерть.

* * *

Я никогда не был веселым в душе, а между тем веселье как будто всегда сопутствует мне, вокруг меня словно всегда порхают невидимые для других, легкие гении веселья, любуясь которыми, глаза мои сияют радостью. И вот люди завидуют мне, когда я прохожу мимо них счастливый и веселый, как полубог, а я хохочу, – я презираю людей и мщу им. Я никогда не унижался до того, чтобы пожелать обидеть кого-нибудь фактически, нанести действительное оскорбление, но всегда умел повернуть дело так, что люди, вступавшие со мной в сношения, выносили впечатление какой-то обиды. Слыша, как хвалят других за честность и верность, я хохочу. Я никогда не был жестокосердным, но именно в минуты наисильнейшего сердечного волнения я принимал самый холодный и бесчувственный вид. Слыша, как превозносят других за доброе сердце, любят за нежные глубокие чувства, я хохочу. Видя ненависть и презрение ко мне со стороны людей, слыша их проклятия моей холодности и бессердечию, я хохочу, потому что презираю людей и мщу им; я хохочу – и моя злоба удовлетворяется. Вот если бы

этим добрым людям удалось довести меня до того, чтобы я провинился фактически, поступил несправедливо, – тогда я был бы побежден.

* * *

Вино больше не веселит моего сердца: малая доза вызывает у меня грустное настроение, большая – меланхолию. Моя душа немощна и бессильна; напрасно я вонзаю в нее шпоры страсти, она изнемогла и не воспрянет более в царственном прыжке. Я вконец утратил иллюзии. Напрасно пытаюсь я отдаться крылатой радости: она не в силах поднять мой дух, вернее, он сам не в силах подняться; а, бывало, при одном веянии ее крыльев я чувствовал себя так легко, свежо и бодро. Бывало, еду по лесу верхом, тихим шагом, а чудится – лечу на крыльях ветра. Ныне же – конь весь в пене, готов рухнуть оземь, а все кажется, что я не двигаюсь с места!

* * *

Я одинок, я всегда был одинок; я покинут не людьми, – это меня не огорчило бы, – а гениями веселья. Бывало, они окружали меня со всех сторон, всюду отыскивали себе товарищей, везде ловили для меня случай; сонмы веселых эльфов толпились вокруг меня, как вокруг пьяного шаловливые школьники, и я улыбался им. Душа моя утратила самое понятие о возможности. Если бы мне предложили пожелать чего-нибудь, я пожелал бы не богатства, не власти, а страстной веры в возможность, взора, вечно юного, вечно горящего, повсюду видящего возможность. Наслаждение разочаровывает, возможность – никогда. Где найдется вино, такое душистое, пенистое, опьяняющее, как «возможность»?

* * *

Звуки проникают и туда, куда не проникают солнечные лучи. Комната у меня темная, мрачная; высокая каменная стена против окна почти совсем заслоняет дневной свет. Слышатся звуки музыки. Должно быть, из соседнего двора. Вероятно, бродячий музыкант... Какой же это инструмент? Камышовая свирель? Что я слышу! Менуэт из Дон Жуана. «Умчите же меня, могучие, полные звуки, к танцам, к шумному веселью, к женщинам!» Аптекарь что-то толчет в ступе, кухарка выскребает кастрюлю, конюх выколачивает о мостовую скребницу. Но звуки музыки принадлежат мне одному, увлекают лишь одного меня! О, благодарю тебя, благодарю, кто бы ты ни был! Душа моя так оживлена, так полна восторгом!

* * *

Семга сама по себе вещь очень вкусная, но в большом количестве она вредна для желудка, как и всякая тяжелая пища. Поэтому-то однажды во время большого улова семги возле Гамбурга полиция запретила домохозяевам кормить прислугу семгой больше одного раза в неделю. Вот бы вышел такой же приказ относительно сентиментальности!

* * *

Солнце весело и ласково заглядывает в мое жилище; в соседней комнате открыто окно. На улице тихо, – послеобеденная воскресная пора. Я слышу, как поет жаворонок под окном красивой девушки в соседнем дворе. Из какой-то дальней улицы доносится выкрикивание разносчика рыбы. В воздухе разлита такая теплота, а город будто весь вымер. Мне вспоминается

моя молодость, моя первая любовь, когда я так грустил. Теперь я грущу лишь по той первой грусти. Что такое юность? Сон. Что такое любовь? Сновидение.

* * *

Моя печаль – моя крепость; она расположена на вершине горного хребта среди облаков, как гнездо орла; никто не может овладеть ею. Оттуда я делаю набеги в действительную жизнь, хватаю добычу, приношу домой и создаю из нее картину для украшения стен моей башни. Я живу там отшельником. Все пережитое я погружаю в купель забвения вечных воспоминаний; все конечное забыто и стерто. Я, как седой старец, сижу здесь в глубокой задумчивости и тихо, почти шепотом, объясняю себе картины. Меня слушает ребенок, хотя он и помнит все сам без моих рассказов.

* * *

Со мной случилось внезапное чудо: я вдруг очутился на седьмом небе, перед сонмом богов. В знак особой милости мне было предоставлено право пожелать чего-нибудь. «Хочешь, – спросил Меркурий, – молодости, красоты, власти, долгой жизни или любви первой красавицы на свете, или какую-нибудь другую усладу из нашего хлама, – выбирай, но что-нибудь одно». После минутного раздумья я обратился к богам со следующими словами: «Почтенные современники! Я выбираю право всегда смеяться последним». Ни один из богов не ответил ни слова, но все засмеялись, из чего я заключил, что, во-первых, просьба моя уважена, а во-вторых, что боги обладают тактом: было бы ведь некстати серьезно ответить мне: «Да будет по-твоему»!

* * *

Какое-то неопределенно-грустное настроение овладело мной при виде бедняка, медленно пробирающегося по улице в потертом светло-зеленом с желтым отливом сюртуке. Мне было жаль его, но особенно взволновал меня цвет его сюртука, так живо напомнивший мне мои первые ребяческие попытки в благородном искусстве живописи: этот цвет, как нарочно, представлял мое любимое сочетание красок. Не грустно ли в самом деле, что в жизни совсем не приходится встречать этой краски, о которой до сих пор я вспоминаю с таким удовольствием? Все находят ее резкой, неприятной, годной разве для размалевки грошовых игрушек. Если мне и случается натолкнуться на нее, то, как на грех, всегда при какой-нибудь грустной встрече, вроде упомянутой. Это всегда сумасшедший или другой несчастный, словом, человек, чувствующий себя лишним на белом свете и не признаваемый людьми за собрата. А я-то всех своих героев окрашиваю в этот незабвенный желто-зеленый цвет! Не общая ли это участь радужных красок нашего детства? Не становятся ли мало-помалу цвета этой эпохи жизни слишком яркими, резкими для нашего утомленного глаза?

* * *

Право, у меня хватило бы мужества сомневаться во всем, бороться со всеми, но я не осмеливаюсь познать, усвоить что-либо, овладеть чем бы то ни было. Многие жалуются, что жизнь чересчур прозаична, что она не похожа на роман, где случай всегда вывозит. Я тоже недоволен, что жизнь – не роман, где приходится бороться с жестокосердыми отцами, колдунами и привидениями и освобождать очарованных принцесс. Все эти враги вместе взятые

– ничто в сравнении с теми бледными, бескровными, но живучими ночными призраками, с которыми я борюсь, хотя сам же вызвал их к жизни.

* * *

Двери счастья отворяются, к сожалению, не внутрь: тогда их можно было бы растворить бурным напором, а изнутри, и потому ничего не поделаешь!

* * *

Моя душа, моя мысль бесплодны, и все же их терзают непрерывные, бессмысленные, полные желания родовые муки. Неужели же мне никогда не сообщится дар духа, который бы развязал мой язык, неужели я навеки осужден лепетать?

* * *

Мне нужен голос пронзительный, как взор Линцея, поражающий ужасом, как вздох гигантов, неистошимый, как звуки природы, насмешливый, как порыв внезапно хлестнувшего в лицо дождем ветра, злой, как бездушно глумление эха, с диапазоном от basso profundo до самых нежных, чарующих грудных звуков, со всеми переходами от благоговейного шепота до дикого вопля отчаяния. Вот что нужно мне, чтобы облегчить душу и высказать все, что томит ее, потрясти диафрагму и любви и злобы. Но голос мой хрипл, как крик чайки, и беззвучен, как благословение на устах немого.

* * *

Самая прекрасная пора жизни – пора первой любви: каждое свидание, каждый взгляд приносят какую-нибудь новую радость.

* * *

Мой взгляд на жизнь лишен всякого смысла, – мне кажется, что какой-то злой дух надел мне на нос очки, одно стекло которых увеличивает все до чудовищных размеров, а другое до такой же степени уменьшает.

* * *

Скептик – мембуфйгьменпж³: он, как спущенный волчок, может некоторое время вертеться на острие, но утвердиться на месте не в состоянии.

* * *

Смешнее всего суетиться, т. е. принадлежать к числу тех людей на свете, о которых говорится: кто быстро ест, быстро работает. Когда я вижу, что такому деловому господину в самую решительную минуту сядет на нос муха, или у него перед носом разведут мост, или на него

³ Буквально: «бичуемый» (*греч.*) – юла, запускаемая с помощью хлыста или прута.

свалится с крыши черепица – я хохочу от души. Да и можно ли удержаться от смеха? И чего ради люди суетятся? Не напоминают ли они женщину, которая, засуетившись во время пожара в доме, спасла щипцы для углей? Точно они спасут больше из великого пожарища жизни!

* * *

У меня вообще не хватает терпения жить. Я не вижу, как растет трава, – а раз я не вижу этого, я и совсем не желаю смотреть! Мои воззрения похожи на размышления странствующего схоластика, пролетевшего поле жизни сломя голову. Говорят: творец насыщает желудок прежде глаз – я этого не замечаю. Мой взор давно пресыщен жизнью, а сам я все-таки голоден.

* * *

Спрашивайте меня о чем угодно, только не о причинах. Молодой девушке извиняют, если она не может привести причин на том основании, что она-де живет чувством. Со мной не то: у меня обыкновенно бывает так много одна другой противоречащих причин, что по этой причине я не могу сослаться ни на одну причину. Что же касается отношения между причиной и следствием, то и тут, если не ошибаюсь, что-то неладно. Громадная причина имеет самые ничтожные последствия, а то и вовсе никаких, какая-нибудь ничтожная причина иногда ведет к колоссальным последствиям.

* * *

Жизнь превратилась для меня в горький напиток, а мне еще приходится принимать его медленно, считая, как капли.

* * *

Следует отдать справедливость так называемым невинным радостям жизни; у них лишь один недостаток: они слишком уж невинны. К тому же и пользоваться-то ими приходится донельзя умеренно. Я еще понимаю, если мне предписывает диету доктор, – можно некоторое время воздерживаться от известных блюд, но соблюдать диету в диете – это уж чересчур!

* * *

Никто не возвращается из царства мертвых; никто не является на свет без слез; никто не спрашивает, когда хочешь явиться; никто не справляется, когда желаешь уйти.

* * *

Говорят: время летит, жизнь идет вперед и т. п. Не замечаю. И время стоит, и я стою. Все планы, которые выбрасывает мой ум, не идут в ход, а возвращаются ко мне; хочу плюнуть – плюю себе в лицо.

* * *

На что я гожусь? Ни на что, или на все что угодно. Редкая способность – сумеют ли оценить ее? Кто знает, находят ли себе место служанки, которые публикуются в качестве «одной прислуги» или, в случае надобности, в качестве «чего угодно»?

* * *

Ни одной беременной женщине не придут в голову такие причудливые и нетерпеливые желания, какие появляются у меня. Они относятся то к самым ничтожным, то к самым возвышенным предметам, но все равно отражают мгновенный страстный порыв души. Сейчас, например, мне хотелось бы тарелку размазни! Мне вспоминаются школьные годы, – нам всегда подавали ее по средам. Помню, какая она была гладкая и нежная, как улыбалось мне таявшее в ней масло, какой горячий пар шел от нее, как я бывал голоден и с каким нетерпением ожидают позволения приняться за нее! Вот бы теперь тарелку такой размазни! Я готов отдать за нее свое первородство, – даже больше!

* * *

Никогда не следует падать духом. «Когда беды и несчастья обрушиваются на человека самым жестоким образом, в облаках появляется спасительная рука», – так сказал недавно на вечерней проповеди господин пастор.

* * *

Я частенько бываю под открытым небом, однако ни разу не видал ничего такого. Несколько дней тому назад мне, правда, показалось нечто подобное, но и это была не рука, а что-то похожее на простертую из облаков руку. Я подумал: жаль, что нет тут нашего пастора, а то он решил бы, не на это ли явление он тогда намекал. Размышления мои прервал какой-то прохожий. «Вы видите этот смерч? – начал он, указывая на облачную руку. – Его в наших местах редко увидишь, но случается, он уносит с собой целые дома!» О-о! Так это – смерч! И я со всех ног пустился домой. Как на моем месте поступил бы господин пастор?

* * *

Пусть другие жалуются, что наше время дурно, – я недоволен им за то, что оно ничтожно, совершенно лишено страсти. Мысли современного человека жидки и непрочны, как кружева, а сами люди жалки, как кружевницы. Людские помыслы слишком ничтожны даже для того, чтобы назваться греховными. Червяку еще, пожалуй, можно бы вменить в грех такие помыслы, но человеку, созданному по образу Бога! Желания людские степенны и вялы, страсти спят – люди только «исполняют свои обязанности» и то, как торгаши-евреи, позволяющие себе немножко поурезать червонец. Они думают, что как бы Всевидящее Око не следило за ними, авось все-таки им удастся урвать малую толику. Гадко! Вот почему душа моя постоянно обращается к Ветхому завету и Шекспиру. Там, по крайней мере, чувствуется, что говорят люди, – там ненавидят, любят, убивают своего врага и проклинают его потомство во всех поколениях, – там – грешат!

* * *

Маг Вергилий велел изрубить себя в куски, бросить в котел и варить в продолжение восьми дней – посредством этого процесса он должен был вновь стать молодым. Чтобы чужой глаз не мог заглянуть в волшебный котел до срока, он приставил караульного. Тот, однако, сам не выдержал искушения и Вергилий в виде младенца с плачем исчез навсегда! Я тоже слишком рано, кажется, заглянул в котел жизни и исторического развития и вследствие этого, вероятно, не пойду дальше младенчества.

* * *

Я делю свое время так: одну половину сплю, другую – грежу. Во сне я не вижу никаких сновидений, и это хорошо, потому что уметь спать – высшая гениальность.

* * *

Быть вполне человеком – все-таки выше всего. У меня на ногах появились мозоли – значит шаг вперед.

* * *

В результате моей жизни получится «ничто». Она представляет собой одно настроение, один колорит; выйдет, таким образом, нечто вроде картины художника, которому поручили изобразить переход евреев через Красное море: он покрыл все полотно красной краской, поясняя, что евреи перешли, а египтяне утонули.

* * *

Что ни говорите, а человеческое достоинство признается еще в природе. Желая отогнать птиц от плодовых деревьев, ставят чучело, и даже отдаленного сходства этого пугала с человеком достаточно для того, чтобы внушить уважение.

* * *

Лучшим доказательством ничтожества жизни являются примеры, приводимые в доказательство ее величия.

* * *

Пошлая судьба! Напрасно ты, как старая развратница, замазываешь свои морщины белилами, напрасно звенишь своими шутовскими бубенчиками. Надоела ты мне! Все то же да то же, все *idem per idem*, никакого разнообразия – все одно и то же разогретое вчерашнее блюдо. Придите хоть вы, сон и смерть, одни вы, ничего не обещаая, все исполняете!

* * *

Для того, чтобы любовь имела какое-нибудь значение, первое проявление ее должно быть озарено луной, как и Апис, чтобы стать настоящим Аписом, при рождении своем должен быть озарен луной. Корова, разрешившаяся Аписом, тоже должна быть озарена луной в момент зачатия?

* * *

Большинство так усердно гонится за наслаждениями, что обгоняет их. Люди в этом случае напоминают карлика, сторожившего похищенную принцессу: однажды он прилег вздремнуть после обеда, а когда проснулся, принцессы и след простыл. Он спешит надеть свои семи-мильные сапоги – и одним шагом далеко обгоняет ее.

* * *

Как жизнь пуста, ничтожна! Хоронят человека: провожают гроб до могилы, бросают в нее горсть земли. Туда едут в карете и возвращаются в карете, утешают себя тем, что еще долгая жизнь впереди.

* * *

Душа моя угнетена, подавлена каким-то мрачным, тяжелым предчувствием, мысль не в состоянии унести ее от земной юдоли в свободный эфир. И даже выйдя из оцепенения, она продолжает тяготеть к земле и низко стелется над ее поверхностью, как птица перед грозой.

* * *

Женщины! Что в них? Красота их исчезает, как сон, как вчерашний день. Верность их? Да в том-то и дело! Они или легкомысленны (что меня перестало интересовать), или верны. Одна из них еще могла бы, пожалуй, увлечь, заинтересовать меня как редкость, но не больше, – ведь окажись она верной в истинном смысле слова, я стал бы жертвой собственного эксперимента: мне пришлось бы тоже посвятить ей всю свою жизнь, а не выдержи она – опять старая история!

* * *

Я слышу два знакомых удара смычка! И это здесь на улице! Да уж не лишился ли я рассудка? Или слух мой, влюбленный в музыку Моцарта, сам обманывает себя? Или милосердные боги из сострадания ко мне, как к нищему, сидящему у врат храма, даровали ухо, способное слышать ими же самими воссозданные звуки? Я слышу эти два звука и ничего больше. Как в бессмертной увертюре, они всплывают из-под низких аккордов хорала, так и теперь они ясно выделяются из уличного шума и гама со всей неожиданностью откровения. Однако это должно быть где-нибудь близко... Вот раздались веселые, манящие к танцам звуки. А! Так это вам обязан я наслаждением, бедные бродячие артисты! Один из них, лет семнадцати, одет в зеленый сюртук с большими костяными пуговицами. Сюртук ему не по росту. Скрипка прижата

к подбородку; фуражка сдвинута на брови; на руке перчатка без пальцев, ладони посинели от холода. Другой, постарше, в шинели. Оба слепые. Маленькая девочка, должно быть, поводырь, стоит возле, спрятав руки под платок. Мало-помалу вокруг музыкантов образовался целый кружок поклонников их музыки: почтальон с сумкой, мальчик, кухарка, двое мастеровых да я. Щегольские барские экипажи с шумом катили мимо, грохот ломовых телег почти заглушал звуки музыки. Знаете ли вы, бедные музыканты, что в этих звуках все прелести жизни? Не похож ли этот случай на свидание?

* * *

За кулисами загорелось. Клоун выскочил предупредить публику. Решили, что он шутит, и давай аплодировать. Он повторяет – еще более неистовый восторг. Сдается мне, пробьет час, и мир рухнет при общем восторге умников, воображающих, что и это – буффонада.

* * *

В чем вообще смысл жизни? Людей, собственно, можно разделить на два класса: один должен работать, чтобы поддержать жизнь, другой не нуждается в этом. Но не в работе же людей первого класса смысл жизни! Если допустить это, выйдет колоссальное противоречие: постоянное добывание условий станет ответом на вопрос о значении того, что этим обуславливается! Жизнь другого класса тоже не имеет никакого иного смысла, кроме потребления готовых условий. Сказать же, что смысл жизни в смерти – вновь, кажется, противоречие.

* * *

Сущность наслаждения заключается не в предмете наслаждения, а в представлении о наслаждении. Если бы я имел в услужении сказочного духа и приказал ему доставить мне стакан воды, а он принес бокал лучшего в мире вина, я бы прогнал его и не позволил являться на глаза, пока он не поймет, что сущность наслаждения не в наслаждении чем-либо, а в представлении желания.

* * *

Да, я не господин своей судьбы, а лишь нить, вплетенная в общую ткань жизни! Но если я и не могу ткать сам, то могу обрезать нить.

* * *

Все должно совершаться в безмолвной тишине, – в ней таится обоготворяющая сила.
Слова:

«Mit einem Kind, dass gottlich, wenn Du schweigst,
Doch menschlich, wenn Du das Geheimnitz geigst»⁴

можно применить не только к судьбе ребенка Психеи.

⁴ Дитя то – Божество, пока безмолвен ты, Но – человек, коли залог нарушишь немoty (нем.).

* * *

Я, по-видимому, осужден пережить всевозможные душевные настроения, чтобы набраться опыта. И вот я ежеминутно попадаю в положение ребенка, которого учат искусству плавания посреди океана. Я кричу (этому меня научили греки, у которых вообще можно научиться всему чисто человеческому), хотя на меня и наложен пояс, – я не вижу палки, за которую меня поддерживают над водой. Приобретать опыт таким образом – страшно.

* * *

По-моему, нет ничего пагубнее воспоминаний. Если какие-нибудь житейские обстоятельства или отношения переходят у меня в воспоминания, значит самые отношения уже покончены.

Говорят, разлука обновляет любовь. Это правда, но лишь в поэтическом смысле. Жить воспоминаниями – нельзя и представить себе ничего выше этой жизни: никакая действительность не может так удовлетворить, наполнить человека, как воспоминание; в воспоминании есть такая «действительность», какой никогда не имеет самое действительность. Когда я вспоминаю какие-нибудь житейские отношения, они уже достояние вечности и временного значения не имеют.

* * *

Философские учения о жизни зачастую так же обманывают, как вывески с надписью «Стирка белья» на толкучке. Вздумай кто явиться сюда с бельем, он будет сильно разочарован, – вывеска выставлена для продажи.

* * *

Если кому следовало бы вести дневник, так это мне, особенно для памяти. Время спустя, я часто забываю, что побудило меня к тому или иному поступку – и не только тогда, когда речь идет о пустяках, но даже в самых серьезных случаях жизни. Если же мне иногда и удается впоследствии припомнить причину, то она обыкновенно кажется мне такой странной, что я просто отказываюсь признать ее. А имей я привычку записывать все, подобное сомнение было бы устранено.

Да, причина вообще странная штука: если душа моя взволнована страстью, причина вырастает в колоссальную необходимость, могущую поколебать вселенную; в спокойном же состоянии духа я отношусь к ней свысока. Я уже давно задумываюсь над причиной, по которой я отказался от адъюнктуры. Теперь мне думается, что я был бы как раз на своем месте в этой должности. Сегодня же меня озарила мысль, что это именно и было причиной моего отказа: если бы я занял эту должность, мне бы уже не на что было рассчитывать впереди, я мог лишь все проиграть и ничего не выиграть в будущем. Оттого я предпочел искать счастья в труппе странствующих актеров: у меня нет таланта, следовательно, я могу надеяться на счастье и у меня все впереди.

* * *

Надо быть очень наивным, чтоб решиться прибегать к шуму и крику. Будто судьба человека изменится от того! Нет, лучше уж примириться с ней, взять ее, какова она есть, не мудрствуя лукаво.

В дни молодости, заказывая бифштекс в ресторане, я всегда напоминал слуге: «Смотри же, хороший кусок и не слишком жирный». Но слуга ведь мог и не расслышать моих слов, не говоря уже о том, что он бы мог просто не обратить на них внимания. Кроме того, мои слова должны были еще проникнуть на кухню, дойти до ушей повара. Положим, однако, что все это удалось, ведь и тогда могло оказаться, что нет ни одного хорошего куска на кухне! Теперь уж я не кричу.

* * *

Чувства гуманности и филантропические стремления распространяются все более и более. В Лейпциге образовалось общество, поставившее себе задачей: из сострадания к печальной кончине старых лошадей есть их.

* * *

Лучший мой друг – эхо, а почему? Потому, что я люблю свою грусть, а оно не отнимает ее у меня. У меня лишь один поверенный – ночная тишина.

Почему? Потому что она нема.